

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева

Нас четверо
Комаровские наброски
...И отступилась здесь от всего,
От земного и всякого блага.
Духом, хранителем "места сего"
Стала лесная коряга.
Все мы немного у жизни в гостях,
Жить – это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.
Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины..
Это – письмо от Марины.
1961

Так будет
Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый – не мой!
Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется – не я!
Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
– «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь – не мне!
– «Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня:
Так уютней... Забыла сейчас все слова я»...
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой – не меня!
Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
– Нечитанным стихам!
Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
Коктебель, 13 мая 1913

Не думаю, не жалеюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.
Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного и жданного подарка
Не жду.
Не радуют ни утро, ни трамвая
Звнящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.
На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик
Двух темных лун.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
13 июля 1914

Бабушке
Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, – кто Вы?
Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от Вас ли?..
4 сентября 1914

Подруга
15
Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...
Вечерние поля в росе,
Над ними – вогроны...
– Благословляю Вас на все
Четыре стороны!
3 мая 1915

Мне нравится, что Вы больны не мной...
Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!
Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши негулянья под луной,
За солнце не у нас над головами,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.
3 мая 1915

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бессрочно кораблю не плыть...
Бессрочно кораблю не плыть
И соловью не петь.
Я столько раз хотела жить
И столько умереть!
Устав, как в детстве от лото,
Я встану от игры,
Счастливая не верить в то,
Что есть еще миры.
9 мая 1915

С большою нежностью – потому...
С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,
Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...
И всег – записки, и всег – цветы,
Которых хранить – невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!
22 сентября 1915

Заповедей не блюла, не ходила к причастью...
Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
– Видно, пока надо мной не пропоют литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами – всеми пятью!
Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения – жгучи!
– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!
26 сентября 1915

В гибельном фолианте...
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi
Женщине – вся земля.
Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.
Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!
29 сентября 1915

Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!...
Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.
3 октября 1915

Цветок к груди приколот...
Цветок к груди приколот,
Кто приколот, – не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.
Виолончелью, скрипом

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,
Выстрелом на охоте
И бубенцами троек –
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!
Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо –
И выстрелит в упор.
22 октября 1915

Отмыкала ларец железный...
Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, –
С крупным жемчугом перстенок,
С крупным жемчугом.
Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди – слева, справа – вогроны...
Наши дороги – в разные стороны.
Ты отойдешь – с первыми тучами,
Будет твой путь – лесами дремучими,
песками горючими.
Душу – выкричешь,
Очи – выплачешь.
А надо мною – кричать сове,
А надо мною – шуметь траве...
Москва, январь 1916

Никто ничего не отнял!...
Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.
12 февраля 1916

Ты запрокидываешь голову...
Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!
Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.
Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... –
Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...
Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!
18 февраля 1916

Откуда такая нежность?...
Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.
Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? –
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.
Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность! –
На самой груди певца.
Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?
18 февраля 1916

Стихи к Блоку

1
Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.
Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим – сон глубок.
15 апреля 1916

2
Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?
Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.
То не ветер
Гонит меня по городу,
Ох, уж третий
Вечер я чую воґрога.
Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.
Снежный лебедь
Мне поґд ноги перья стелет.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Перья реют
И медленно никнут в снег.
Так по перьям,
Иду к двери,
За которой – смерть.
Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,
Длинным криком,
Лебединым кликом –
Зовет.
Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпья!
Аминь.
1 мая 1916

3
Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.
Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.
Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.
И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег.
Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий – святыя славы –
Вседержитель моей души.
2 мая 1916

4
Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.
2 мая 1916

5
У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!
И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я стою с опущенной головой,
и слипаются фонари.
Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...
Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.
7 мая 1916

6
Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!
Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.
Шли от него лучи –
Жаркие струны пог снега!
Три восковых свечи –
Солнцу-то! Светоносному!
О поглядите, кагк
Веки ввалились темные!
О поглядите, кагк
Крылья его поломаны!
Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.
9 мая 1916

7
Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.
– Эй, идолы, чтоб вы сдохли! –
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед – огхлест,
И вновь бубенцы поют.
Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.
13 мая 1916

8
И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый – за синею рощей –
крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.
18 мая 1916

9
Как слабый луч сквозь черный морок адов –
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.
И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, –
Откуда-то из древних утр туманных –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как нас любил, слепых и безымянных,
За синий плащ, за вероломства – грех...
И как нежнее всех – ту, глубже всех
В ночь канувшую – на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия.
И вдоль виска – потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,
Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как не
встанет...
Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),
Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.
9 мая 1920

10
Вот он – гляди – уставший от чужбин,
Вождь без дружин.
Вот – горстью пьет из горной быстрины –
Князь без страны.
Там все ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.
Красног' твое наследие, – владей,
друг без друзей!
15 августа 1921

12
Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.
Вещие вьюги кружили вдоль жил, –
Плечи сутулыегнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!
Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!
Зори пьет, море пьет – в полную сыть
Бражничают. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!
15 августа 1921

13
А над равниной –
Крик лебединый.
Мать, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной – он – версты,
Это последнее – он – прости.
А над равниной –
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: – живи!
Над окаянной –
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал – осанна!
Каторжник койку-обрел-тепльнь.
Пасынок к матери в дом. – Аминь.
Между 15 и 25 августа 1921

14
Не проломанное ребро –
Переломленное крыло.
Не расстрельщиками навyleт

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Грудь простреленная. Не вынуть
Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.
Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,
Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,
Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.
Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.
Между 15 и 25 августа 1921

15
Без зова, без слова, –
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, – в колыбели лежишь?
Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?
Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?
«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.
Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?
Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?
Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном –
Чепца острозубая тень.
Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла! –
– И снова родиться,
чтоб снова метель замела?!
Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?
А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может, – проспишь до трубы.
Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!
Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.
22 ноября 1921

16
Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бессонная совесть.
Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.
Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес –
Обратным ущельем Аида?
Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?
25 ноября 1921

17
Так, Господи! и мой обол
Прими на утверждение храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.
Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мертвый.
Днепром разламывая лед,
Гробогвым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.
Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.
2 декабря 1921

БЕССОННИЦА
2
Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!
Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
лес.
Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.
27 мая 1916

3
В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь, –
А я запомнила одно: ночь.
Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие грудиг – в грудь.
Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И тень вот эта, а меня – нет.
Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.
17 июля 1916, Москва

8

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет – люблю тебя, зоркая ночь.
Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.
Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.
Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце – ночь!
9 августа 1916

9

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод – с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.
Заснешь – проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!
А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:
Не спи! крепись! говорю добром!
А то – вечный сон! а то – вечный дом!
12 декабря 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночиг!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!
23 декабря 1916

Ахматовой

1

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся и глухое: ох! –
Стотысячное – тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.
Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
– Ахматова! – и сердце свое в придачу.
19 июня 1916

3
Еще один огромный взмах –
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!
Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало – тела.
Не человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.
И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!
Часы, года, века. – Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.
Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.
23 июня 1916

5
Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.
Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.
Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...
И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря и грозный зов
Раненой Музы.
25 июня 1916

6
Не отстать тебе! Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.
Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!
26 июня 1916

8
На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Узколицей певицы уличной.
В темном – с цветиками – платке,
– Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолк у Сергей-Троицы,
Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.
27 июня 1916

9
Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.
Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.
Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя – и чей
Лик узрела в тебе воочью.
Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! – Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всея Руси!
27 июня 1916

11
Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы – двери настешь! –
Как ветер к тебе войти!
И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.
2 июля 1916

12
Руки даны мне – протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.
А этот колокол там, что кремлевских тяжегле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно
быть –
Мне загоститься не дать на российской земле!
2 июля 1916

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.
И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба – посыпанный крупною солью
Черный ломогть у калитки жует и жует.
Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылел, запылел отступающий путь...
Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!
3 июля 1916

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такую ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.
И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я – не человек,
А только сон, который только снится.
И я скажу: – Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер – свеж,
Что горячи – над головою – звезды...
8 сентября 1916

Евреям
Кто не топтал тебя – и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:
Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! – Пророки! – Торгаши!
В любом из вас, – хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке –
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.
По всей земле – от края и до края –
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!
13 октября 1916

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице –
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня любили...
Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль. –
А в единственном окне –
Снег, снег, снег.
Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.
Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.
10 декабря 1916

Дон-Жуан
1
На заре морозной

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!
Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!
Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,
А у богородиц –
Строгие глаза.
И чтобы не слышать
Пустяков – красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.
Так вот и жила бы,
Да боюсь – состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.
Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!
19 февраля 1917

2
Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон-Жуана
В снежную постель.
Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звезд...
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.
Чтобы ночь тебе светлее
Вечная – была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.
Чтобы видел ты воочью
Женскую красу.
Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.
А пока – спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список –
Полон, Дон-Жуан!
19 февраля 1917

3
После стольких роз, городов и тостов –
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы – почти что остов,
Я – почти что тень.
И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахнугло – Нилом
От моих волос?
Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда – январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Прносил фонарь.
Чей-то пьяный голос молил и злился
У соборных стен.
В этот самый час Дон-Жуан Кастильский
Повстречал – Кармен.
22 февраля 1917

4

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ровно – полночь.
Луна – как ястреб.
– Что – глядишь?
– Так – гляжу!
– Нравлюсь? – Нет.
– Узнаешь? – Быть может.
– Дон-Жуан я.
– А я – Кармен.
22 февраля 1917

5
И была у Дон-Жуана – шпага,
И была у Дон-Жуана – Донна Анна.
Вот и все, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.
Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.
И белел в тумане посох странный...
– Не было у Дон-Жуана – Донны Анны!
14 мая 1917

6
И падает шелковый пояс
К ногам его – райской змеей...
А мне говорят – успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.
Я вижу надменный и старый
Свой профиль на белой парче.
А где-то – гитаны – гитары –
И юноши в черном плаще.
И кто-то, под маскою кроюсь:
– Узнайте! – Не знаю. – Узнай! –
И падает шелковый пояс
На площади – круглой, как рай.
14 мая 1917

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!
26 мая 1917

В лоб целовать – заботу стереть.
В лоб целую.
В глаза целовать – бессонницу снять.
В глаза целую.
В губы целовать – водой напоить.
В губы целую.
В лоб целовать – память стереть.
В лоб целую.
5 июня 1917

Любви старинные туманы
1
Над черным очертаньем мыса –
Луна – как рыцарский доспех.
На пристани – цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.
Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, –
И горестный, огромный вздох:
– Ne laissez pas traîner mes lettres!2

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синее водный путь.
– Опять любить кого-нибудь? –
Ты уезжаешь утром рано.
Горячие туманы Сити –
В глазах твоих. Вот так, ну вот...
Я буду помнить – только рот
И страстный возглас твой: – Живите!

3

Смывает лучшие румяна –
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы – сопли. Боюсь,
Я завтра утром – мертвой встану.
Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? – Во сне.
– Как ветрено! – Привет жене,
И той – зеленоглазой – даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден – от века.
Я чувствую у рта и в веках
Почти звериную печаль.
Такая слабость вдоль колен!
– Так вот она, стрела Господня!
– Какое зарево! – Сегодня
я буду бешеной Кармен.
...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом – туман, туман.
Люби старинные туманы.
19 августа 1917

я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
что камнем падало – и ястребом – на грудь.
И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,
Одно: завывать, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться – понять – что сладострастьем кара –
Жестокость любовь и каторжная страсть.
4 сентября 1917

Руан

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!
Не ждите, принц, скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч,
чтоб Иоанна разлюбила – голос,
чтоб Иоанна разлюбила – меч.
И был Руан, в Руане – Старый рынок...
– Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.
А за плечом – товарищ мой крылатый
Опять шепнет: – Терпение, сестра! –
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.
4 декабря 1917

Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, крылатая, была проклятой.
Где-то было много-много сжатых
Рук – и много старого вина.
А крылатая была – проклятой!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А единая была – одна!
Как луна – одна, в глазу окна.
31 декабря 1917

На кортике своем: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.
Москва, 18 января 1918

Дон
1
Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок.
Божье да белое твое дело:
Белое тело твое – в песок.
Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.
24 марта 1918

2
Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!
– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.
30 марта 1918

НВ! мои любимые.
Трудно и чудно – верность до гроба!
Царская роскошь – в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, –
Где вы, о люди минувших дней?!
Рыжим татаринoм рыщет вольность,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами – рев застольный
Беглых солдат и неверных жен.
11 апреля 1918

Не самозванка – я пришла домой,
И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.
Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!
Апрель 1918

Наг тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всю истрекала, изорвала, –
Только осталось что два крыла.
Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья
Ты в ризницу снеси.
13 мая 1918

Я расскажу тебе – про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как – пришелец египетских стран –
В узкую дудку под деревом дует цыган.
Я расскажу тебе – про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, – как вздымаются ветром веков
Кудри у юных – и бороды у стариков.
Рокот веков.
Топот подков.
4 июня 1918

Осторожный троекратный стук.
Нежный недруг, ненадежный друг, –
Не обманешь! То не странник путь
Свой кончает. – Так стучатся в грудь –
За любовь. Так, потупив взгляд,
В светлый Рай стучится черный Ад.
6 июня 1918

Я – есмь. Ты – будешь. Между нами – бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться – тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. – Бог мостов не строит.
Будь! – это заповедь моя. Дай – мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я – есмь. Ты – будешь. Через десять весен
Ты скажешь: – есть! – а я скажу: – когда-то...
6 июня 1918

Умирая, не скажу: была.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.
Ты, – крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья –
я тебе повелеваю: – будь!
Я – не выйду из повиновенья.
30 июня 1918

Руки, которые не нужны
Милому, служат – Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.
Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен – Мир.
Не понапрасну служим.
6 июля 1918

Белизна – угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом – а лилией в щите!
Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.
Только агнца убоится – волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество – в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу – Белый полк!
7 июля 1918

Мой день беспутен и нелеп:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,
В иголку продеваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,
Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.
27 июля 1918

– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А вогроны? – А вогроны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.
– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый Дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь...
9 августа 1918

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: – Откуда мне сиег?
Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.
14 августа 1918

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец – у колеи
На поклон ветрам – положенный.
Сердцу ад и алтарь,
Сердцу – рай и позор.
Кто отец? – Может – царь.
Может – царь, может – вор.
14 августа 1918

Надобно смело признаться, Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность – царствам,
Не доверяют Шатра – ветрам.
Знаешь царя – так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величию – вине – беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность – Хану,
Не присягают его орде.
Ветренный век мы застали, Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы – иные флаги!
Мы ж остаемся верны присяге,
Ибо дурные вожди – ветра.
14 августа 1918

Если душа родилась крылатой –
Чтог ей хоромы – и чтог ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Голод голодных – и сытость сытых!
18 августа 1918

Не смущаю, не пою
Женскою отравой.
Руку верную даю –
Пишущую, правую.
Той, которую крещу
На ночь – ненаглядную.
Той, которую пишу
То, что Богом задано.
Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!
23 октября 1918

Развела тебе в стакане
Горстку жженных волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.
Чтобы младость – не в радость,
Чтобы сахар – не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.
Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои младые
Станут белой зимой.
Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.
3 ноября 1918

Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, –
Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!
Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!
В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!
Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,
Да за удаль несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!
Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!
Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина!
Москва, 1-я годовщина Октября.

Дни, когда Мамонтов подходил к Москве – и вся буржуазия меняла керенские на царские, – а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и потому, что знала, что не войдет в Столицу – Белый Полк!)

Комедьянт

11

Мне тебя уже не надо,
Милый – и не оттого что

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С первой почтой – не писал.
И не оттого что эти
Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать – смеясь.
(Писанные мной одною –
Одному тебе! – впервые! –
Расколдуешь – не один.)
И не оттого что кудри
До щеки коснутся – мастер
Я сама читать вдвоем! –
И не оттого что вместе
– Над неясностью заглавных! –
Вы вздохнете, наклонясь.
И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся – труден
Почерк, – да к тому – стихи!
Нет, дружочек! – Это проще,
Это пуще, чем досада:
Мне тебя уже не надо –
Оттого что – оттого что –
Мне тебя уже не надо!
3 декабря 1918

О нет, не узнает никто из вас
– Не сможет и не захочет! –
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!
Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
– В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!
Март 1919

Звезда над люлькой – и звезда над гробом!
А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..
Кунцево – Госпиталь, 4 января 1920

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно – перекричать разлуку –
Я голос сорвала.
Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она – свечой под праздник –
Вот так: из длани в длань.
О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь – с Севера на Юг.
Москва, февраль 1920

Она подкрадется неслышно –
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.
Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но птице в переднике – тесно,
И птица – сама полетит!
19 марта 1920

[Николаю Николаевичу Вышеславцеву]
10
На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю,
Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.
16 мая 1920

14
Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной – не черни
Галчонка – белизной.
А впрочем – что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь – белей тебя!
17 мая 1920

23
Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!
23 мая 1920

Одна половинка окна растворилась.
Одна половинка души показалась.
Давай-ка откроем – и ту половинку,
И ту половинку окна!
25 мая 1920

Песенки из пьесы «Ученик»
<9>
Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, чтог тебе я сделала?!»
И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, чтог тебе я сделала?»
Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!
Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, чтог тебе я сделала?»
Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – ответствуют.
Жить приучил в самогм огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, чтог тебе – я сделала?
Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Само – чтог дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!
14 июня 1920

Об ушедших – отошедших –
В горний лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный –
Голубиный – лебединый –
О тебе, моя высь,
Говорю, – отзовись!
О молодых дубовых рощах,
В небо росших – и не взрослых,
Об упавших и не вставших, –
В вечность перекочевавших, –
О тебе, наша Честь,
Воздыхаю – дай весть!
Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных –
Сколько у меня любимых!
Я на красной Руси
Зажилась – вознеси!
Октябрь 1920

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!
Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!
Москва, декабрь 1920

УЧЕНИК

7

По холмам – круглым и смуглым,
Под лучом – сильным и пыльным,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – рдяным и рваным.
По пескам – жадным и ржавым,
Под лучом – жгущим и пьющим,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – следом и следом.
По волнам – лютым и вздутым,
Под лучом – гневным и древним,
Сапожком – робким и кротким –
За плащом – лгущим и лгущим...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
25 апреля 1921

Маяковскому
Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!
Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.
18 сентября 1921

Хвала Афродите
1
Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Так лавр растет, – жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.
17 октября 1921

2
Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!
Я ж на песках похолодевших лежу,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.
17 октября 1921

Молодость
1
Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапжок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
18 ноября 1921

Муза
Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Такая далекая!
Под смуглыми веками –
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла – и забыла.
Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.
Не плачет, не сетует:
Рванул – так и милый!
Рукою обветренной
Дала – и забыла.
Забыла – и россыпью
Гортанною, клеткотом...
– Храни ее, Господи,
Такую далекую!
19 ноября 1921

Грудь женская! Души застывший вздох, –
Суть женская! Волна, всегда врасплох
Застигнутая – и всегда врасплох
Вас застигающая – видит Бог!
Презренных и презрительных утех
Игралище. – Грудь женская! – Доспех
Уступчивый! – Я думаю о тех...
Об одногрудых тех, – подругах тех!..
5 декабря 1921

Это пеплы сокровищ:
Утрат, обид.
Это пеплы, пред коими
В прах – гранит.
Голубь голый и светлый,
Не живущий четой.
Соломоновы пеплы
Над великой тщетой.
Беззакатного времени
Грозный мел.
Значит Бог в мои двери –
Раз дом сгорел!
Не удушенный в хламе,
Снам и дням господин,
Как отвесное пламя
Дух – из ранних седин!
И не вы меня предали,
Годы, в тыл!
Эта седость – победа
Бессмертных сил.
27 сентября 1922

Эмигрант
Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами,
Дамами, думами,
Не любившись с вами, не сбившись с вами,
Неким –
Шуманом пронося под полой весну:
Выше! иг'з виду!
Соловьиным тремоло на весу –
Некий – избранный.
Боязливейший, ибо взяв на дыб –
Ноги лижете!
Заблудившийся между грыж и глыб
Бог в блудилище.
Лишний! Вышний! Выходец! Вызов! Ввысь
Не отвыкший... Виселиц
Не принявший... В рвани валют и виз
Беги – выходец.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
9 февраля 1923

Поэты

1

Поэт – издалека заводит речь.
Поэта – далеко заводит речь.
Планетами, приметами, окольных
Притч рытвинами... Между да и нет
Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит... Ибо путь комет –
Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверху лбом –
Отчаетесь! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарем.
Он тот, кто смешивает карты,
Обманывает вес и счет,
Он тот, кто спрашивает с парты,
Кто Канта наголову бьет,
Кто в каменном гробу Бастилий
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы – всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...
– ибо путь комет
Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!
8 апреля 1923

Диалог Гамлета с совестью

– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!
– Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
– Гамлет!
На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
– Но я ее любил
Как сорок тысяч...
– Меньше,
Все ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
– Но я ее –
(недоуменно)
– любил??
5 июня 1923

Письмо

Так писем не ждут,
Так ждут – письмаг.
Тряпичный лоскут,
Вокруг тесьма
Из клея. Внутри – словцо.
И счастье. И это – все.
Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют
И в грудь – свинца
Три дольки. В глазах красног.
И только. И это – всё.
Не счастья – стара!
Цвет – ветер сдул!
Квадрата двора
И черных дул.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Квадрата письма:
Чернил и чар!)
Для смертного сна
Никто не стар!
Квадрата письма.
11 августа 1923

Магдалина

1
Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает,
Ты мне – чужая кровь.
Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждейшая из всех!)
К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась – светла
Мать! – очесами демонскими
Таясь, лила б маслаг
И наг ноги бы, и погд ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть по купцам распроданная,
Расплеванная – теки!
Пеню уст и накипями
Очес и погтом всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех.
Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (та!)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!
26 августа 1923

2

Масти, плоченные втрое
Стоимости, страсти пот,
Слезы, волосы, – сплошное
Исструение, а тот
В красную сухую глину
Благостный вперяя зрак:
– Магдалина! Магдалина!
Не издаривайся так!
31 августа 1923

3

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! – ведь все сбылось.
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос –
И – слез.
Не спрошу тебя, какой ценою
Эти куплены маслаг.
Я был наг, а ты меня волною
Тела – как стеною
Обнесла.
Наготу твою перстами трону
Тише вод и ниже трав.
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.
В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
– Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла
Как волна.
31 августа 1923

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты, меня любивший фальшью
Истины – и правдой лжи,
Ты, меня любивший – дальше
Некуда! – За рубежи!
Ты, меня любивший дольше
Времени. – Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.
12 декабря 1923

Двое

1
Есть рифмы в мире сём:
Разъединишь – и дрогнет.
Гомер, ты был слепцом.
Ночь – на буграх надбровных.
Ночь – твой рапсодов плащ,
Ночь – на очах – завесой.
Разъединил ли б зряц
Елену с Ахиллесом?
Елена. Ахиллес.
Звук назови созвучней.
Да, хаосу вразрез
Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит – и горящей Троей!
Рапсод, ты был слепцом:
Клад рассорил, как рухлядь.
Есть рифмы – в мире том
Подобренные. Рухнет
Сей – разведешь. Чтог' нужд
В рифме? Елена, старься!
...Ахеи лучший муж!
Сладостнейшая Спарты!
Лишь шорохом древес
Миртовых, сном кифары:
«Елена: Ахиллес:
Разрозненная пара».
30 июня 1924

2

Не суждено, чтобы сильный с сильным
Соединились бы в мире сем.
Так разминулись Зигфрид с Брунгильдой,
Брачное дело решив мечом.
В братственной ненависти союзной
– Буйволами! – на скалу – скала.
С брачного ложа ушел, неузнан,
И неопознанною – спала.
Порознь! – даже на ложе брачном –
Порознь! – даже сцепясь в кулак –
Порознь! – на языке двузначном –
Поздно и порознь – вот наш брак!
Но и постарше еще обида
Есть: амазонку подмяв как лев –
Так разминулись: сын Фетиды
С дочерью Аресовой: Ахиллес
С Пенфезилеей.
О вспомни – снизу
Взгляд ее! сбитого седока
Взгляд! не с Олимпа уже, – из жижи
Взгляд ее – все ж еще свысока!
Что ж из того, что отсель одна в нем
Ревность: женою урвать у тьмы.
Не суждено, чтобы равный – с равным...
Так разминовываемся – мы.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
3 июля 1924

3
В мире, где всяк
Сгорблен и взмылен,
Знаю – один
Мне равносилен.
В мире, где столь
Многого хотим,
Знаю – один
Мне равномогущен.
В мире, где всё –
Плесень и плюц,
Знаю: один
Ты – равносущ
Мне.
3 июля 1924

Попытка ревности
Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(Пог' небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оногo сошед),
Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!
Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вождою
Не охлестывает лба?
Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!
Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
19 ноября 1924

ятаган? Огонь?
Поскромнее, – куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам – ладонь,
Как губам –
Имя собственного ребенка.
1 декабря 1924м

Жив, а не умер
Демон во мне!
В теле как в трюме,
В себе как в тюрьме.
Мир – это стены.
Выход – топор.
(«Мир – это сцена»,
Лепечет актер).
И не слукавил,
Шут колченогий.
В теле – как в славе.
В теле – как в тоге.
Многие лета!
Жив – дорожи!
(Только поэты
В костиг – как во лжи!)
Нет, не гулять нам,
Певчая братья,
В теле как в ватном
Отчем халате.
Лучшего стоим.
Чахнем в тепле.
В теле – как в стойле.
В себе – как в котле.
Бранных не копим
Великолепий.
В теле – как в топи,
В теле – как в склепе,
В теле – как в крайней
Ссылке. – Зачах!
В теле – как в тайне,
В висках – как в тисках
Маски железной.
5 января 1925

Лучина
До Эйфелевой – рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас – такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь,
Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»
Июнь 1931

Стихи к сыну
2

Наша совесть – не ваша совесть!
Полно! – Вольно! – О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.
Соляное семейство Лота –
вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счета
С выдаваемым за Содом –
Градом. С братом своим не дравшись –
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, ваш век, ваш день, ваш час,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Наш грех, наш крест, наш спор, наш –
Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь –
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас
Не было! по плодам – и видом
Не видали! Поймите: слеп –
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб
Ест, и вам его даст, – как скоро
Из Медона – да на Кубань.
Наша ссора – не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань
Дней своих.
Январь 1932

Стол

5
Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать – столом,
Остался – живым стволом!
С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корою,
С слезами живой смолы,
С корнями до дна земли!
17 июля 1933

Сад

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих – лет,
Горбатых – лет...
На старость лет
Собачьих – клад:
Горячих лет –
Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без ни-душка!
Без ни-души!
Скажи: довольно мугки – наг
Сад – одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
– Сад, одинокий, как ты Сам.
Такой мне сад на старость лет...
– Тот сад? А может быть – тот свет? –
На старость лет моих пошли –
На отпущение души.
1 октября 1934

Читатели газет

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый – со своей
Газетой (со своей

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Экземой!) Жвачный тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.
Кто – чтец? Старик? Атлет?
Солдат? – Ни чеґрт, ни лиц,
Ни лет. Скелет – раз нет
Лица: газетный лист!
Которым – весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь –
Читателя газет.
Кача – «живет с сестрой» –
ются – «убил отца!» –
Качаются – тцетой
Накачиваются.
Чтоґ для таких господ –
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!
Газет – читай: клевет,
Газет – читай: растрат.
Что ни столбец – навет,
Что ни абзац – отврат...
О, с чем на Страшный суд
Предстанете: на свет!
Хвататели минут,
Читатели газет!
– Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов пресс
Страшней, чем Шварцев прах!
Уж лучше на погост, –
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!
Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!
Вот, други, – и куда
Сильней, чем в сих строках! –
Чтоґ думаю, когда
С рукописью в руках
Стою перед лицом
– Пустее места – нет! –
Так значит – нелицом
Редактора газет-
ной нечисти.
Ванв, 1–15 ноября 1935

Савойские отрывки

<1>

В синее небо ширя глаза –
Как восклицаешь: – Будет гроза!
На проходимца вскинувши бровь –
Как восклицаешь: – Будет любовь!
Сквозь равнодушья серые мхи –
Так восклицаю: – Будут стихи!
Сентябрь 1936

Пепелище

Налетевший на град Вацлагва –
Так пожар пожирает траґву...
Поигравший с богемской гранью! –
Так зола засыпает зданья,
Так метель заметает вехи...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
От Эдема – скажите, чехи! –
Что осталось? – Пепелище.
– Так Чума веселит кладбище!
Налетевший на град Вацлаґва
– Так пожар пожирает траґву –
Объявивший – последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.
Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями
Плачет, плачет двуххвостый львище...
– Так Чума веселит кладбище!
Налетевший на град Вацлаґва
– Так пожар пожирает траґву –
Задушивший без содроганья –
Так зола засыпает зданья:
– Отзовитесь, живые души!
Стала Прага – Помпеи глуше:
Шага, звука – напрасно ищем...
– Так Чума веселит кладбище!
29–30 марта 1939

4

Германии
О, дева всех румянее
Среди зеленых гор –
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь – сказками туманила,
Днесь – танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою –
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германы:
Германии сыны??
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!
С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя – готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!З
9–10 апреля 1939

6

Взяли...
Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газеты 1939 г.)
Брали – скоро и брали – щедро;
Взяли горы и взяли недра.
Взяли уголь и взяли сталь.
И свинец у нас, и хрусталь.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Взяли сахар и взяли клевер.
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.
Вары – взяли и Татры – взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но – большее, чем рай земной! –
Битву взяли – за край родной.
Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна –
Вся страна вооружена!
9 мая 1939

7
Лес
Видел, как рубят? Руб –
Рубом! – за дубом – дуб.
Только убит – воскрес!
Не погибает – лес.
Так же, как мертвый лес
Зелен – минуто чрез! –
(Мох – что зеленый мех!)
Не погибает – чех.
9 мая 1939

9
Не бесы – за иноком,
Не горе – за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, –
Не красный пожар лесной,
Не заяц – по зарослям,
Не ветлы – под бурю, –
За фюрером – фурии!
15 мая 1939

11
Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал – гранат,
Грудью дал – гранит.
Процветай, народ, –
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.
Париж, 21 мая 1939

– Пора! для этого огня –
Стара!
– Любовь – старей меня!
– Пятидесяти январей
Гора!
– Любовь – еще старей:
Стара, как хвощ, стара, как змей,
Старей ливонских янтарей,
Всех привиденских кораблей
Старей! – камней, старей – морей...
Но боль, которая в груди,
Старей любви, старей любви.
23 января 1940

На красном коне
Анне Ахматовой
И настезь, и настезь
Руки – две.
И навзничь! – Топчи, конный!
Чтоб дух мой, из ребер взыграв – к Тебе,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Не смертной женой – Рожденной!
Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Не Муза холодные руки мне грела,
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила – не Муза,
В большие поля уводила – не Муза.
Не Муза, не черные косы, не бусы,
Не басни, – всего два крыла светлорусых –
Коротких – над бровью крылатой.
Стан в латах.
Султан.
К устам не клонился,
На сон не крестил.
О сломанной кукле
Со мной не грустил.
Всех птиц моих – на свободу
Пускал – и потом – не жалея шпор,
На красном коне – промеж синих гор
Гремящего ледохода!
Пожарные! – Широкий крик!
Как зарево широкий – крик!
Пожарные! – Душа горит!
Не наш ли дом горит?!
Спологшный колокол гремит,
Качай-раскачивай язык,
Спологшный колокол! – Велик
Пожар! – Душа горит!
Пляша от страшной красоты,
На красных факелов жгуты
Рукоплещу – кричу – свищу –
Рычу – искры мечу.
Кто вынес? – Кто сквозь гром и чад
Орлом восхигтил? – Не очнись!
Рубашка – длинная – до пят
На мне – и нитка бус.
Вой пламени, стекольный лязг...
У каждого – заместо глаз –
Два зарева! – Полет перин!
Горим! Горим! Горим!
Трещи, тысячелетний ларь!
Пылай, накопленная кладь!
Мой дом – над всеми государь,
Мне нечего желать.
– Пожарные! – Крепчай, Петух!
Грянь в раззолоченные лбы!
Чтобы пожар не тух, не тух!
Чтоб рухнули столбы!
Чтог' это – вдруг – рухнуло – вдруг?
Это не столб – рухнул!
Бешеный всплеск маленьких рук
В небо – и крик: – Кукла!
Кто это – вслед – скоком гоня
Взор мне метнул – властный?
Кто это – вслед – скоком с коня
Красного – в дом – красный?!
Крик – и перекричавший всех
Крик. – Громовой удар.
Вздымая куклу, как доспех,
Встает, как сам Пожар.
Как Царь меж огненных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
– Я спас ее тебе, – разбей!
Освободи любовь!
Чтог' это вдруг – рухнуло? – Нет,
Это не мир – рухнул!
То две руки – конному – вслед

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Девочка – без – куклы.
Злая луна – в прорезь окон.
Первый мне снится сон.
Стоим, обнявшись туго,
Над шумом, где поток.
Вплоть до ноги упругой
Взлетает пенный клочок.
Глядим, обнявшись немо,
На пенные столбы.
Я – все его гаремы,
Он – все мои гербы.
Стоим, сплечившись круто:
Бок в бок, ладонь в ладонь.
Вплоть до ноги разутой
Взмывает пенный конь...
– Клянись, что тотчас – с мосту,
Коль я туда – цветок,
Платок... – Глядит – и – просто
Вниз головой – в поток!
Мост ли дрожит, я ли – дрожу?
Кровь или вал – стонет?
Окаменев – тупо – гляжу,
Как моя жизнь – тонет.
Кто это вдруг – взмахом плаща
В воздух меня – вскинул?
Кто это вдруг – красным всплеща
Польемем – в огонь синий?!
Всплеск – и победоносный зов
Из бездны. – Плавный вскок.
Подъемля тело как улов,
Встает как сам Поток.
Как Царь меж вздыбленных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
– Я спас его тебе, – убей!
Освободи Любовь!
Чтог' это вдруг – ринулось – нет! –
Это не смерч-вьюга!
То две руки – конному – вслед
Девушка – без – друга!
Мутная мгла – в прорезь окон.
Новый мне снится сон.
Ночь гонится – а путь таков:
Кровь в жилах сжата.
Сын! Детище моих боков, –
Веди, вожатый!
Мужайся, отрок! – Дух Горы
Один – нас двое.
Здесь только зори да орлы,
Да мы с тобою.
Вихрь! – Боги бы вернулись вспять,
Орлам он страшен...
Ввысь, первенец! – За пядью пядь –
Ввысь будет нашей!
На то и сына родила,
Прах дольний глогжа –
Чтоб из-под орльего крыла
Мне взял – гром Божий!
Черная высь. – Голый отвес.
Маленьких рук – стержни.
Кто это там – точно Зевес
В люльке – орла держит?
Смех – и в ответ – яростный всплеск
Крыл – и когтей сверла.
Кто это вслед – наперерез –
Молнией – в гром орлий?!
Хрип – и громоподобный регв
Грудь горную рассек.
Как Первенца его воздев,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Встает как сам Набег.
Как Царь меж облачных зыбей
Стоит, сдвигает бровь.
– Я спас его тебе, – убей!
Освободи Любовь!
Чтог' это вдруг – хрустнуло – нет! –
Это не сушь – дерево.
То две руки – конному – вслед
Женщина – без чрева!
Злая заря – в прорезь окон.
Третий мне снится сон.
Февраль. Кривые дороги.
В полях – метель.
Метет большие дороги
Ветрог'в – артель.
То вскачь по хребтам наклонным,
То – снова круть.
За красным, за красным конным
Все тот же путь.
То – вот он! рукой достанешь!
Как дразнит: Тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом – конь.
Султан ли – в главах – косматый,
Аль так – ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Мети, ветра!
Мети, громозди пороги –
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан – стал.
И внемлют ветра – и стоном
В ответ на стон,
Торопится красным гоном
Мой конный сон.
Косматых воскрылий взлеты,
Аль так – ветла?
Вздымайте, вздымайте, метлы!
Держись, ветра!
А что ж это там за глыба,
Всплывает – там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.
Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,
Мне пламень подков, в ладони –
Уж край плаща!
На помощь, с мечом и громом,
Всех воинств Царь! –
Но прядает конь – и громом
Взгремел в алтарь!
Стремлю – а за мною – сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл – по хорам –
Разлет подков.
Как рокот Сорокоуста,
Метель взмелась:
Престол опрокинут! – Пусто!
Как в землю сгас!
Стоните, стоните, стены!
Метель, ярись!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.
Шатается купол. – Рухай,
Сонм сил и слав!
И рухает тело – руки
Крестом распяв.
Огромною битвой радуг –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Разлет лампад.
– Прими меня, чист и сладок,
За ны – распят.
Ревнивая длань, – твой праздник!
Прими огонь!
Но что – с высоты – за всадник,
И что за конь?
Доспехи на нем – как солнце...
– Полет крутой –
И прямо на грудь мне – конской
Встает пятой.
Огненный плащ – в прорезь окон.
Огненный – вскачь – конь.
И не метель
Метет, – метла.
И не султана взмах, –
Ветла,
Седые космы разметав,
Качает стан, – не орлий клюв
Заоблачный, – то нос уткнув
В густое облако котла –
С тряпкой в руках –
Бабка.
И тот же стаканом прикрытый штоф.
Отставит – опять пригубит.
– Какой ж это сон мой? – А сон таков:
Твой Ангел тебя не любит.
Гром первый по черепу – или лом
По черепу?! – Люди! Люди!
В сухую подушку вгрызаясь лбом,
Впервые сказать: Не любит!
Не любит! – Не надо мне женских кос!
Не любит! – Не надо мне красных бус!
Не любит! – Так я на коня вздымусь!
Не любит! – Вздымусь – до неба!
О дух моих дедов, взыграй с цепи!
Шатай вековые сосны!
О дух моих дедов – Эол! – трепи
Мои золотые космы!
На белом коне впереди полков
Вперед под серебряный гром подков!
Посмотрим, посмотрим – в бою каков
Гордец на коне на красном!
Разломано небо! – Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!
Солдаты! До неба – один шаг:
Законом зернаг – в землю!
Вперед – через ров! – Сорвались? – Ряд
Другой – через ров! – Сорвались? – Вновь
Другой – через ров! – На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?
Солдаты! Какого врага – бьем?
В груди холодок – жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь – луч.
И шепот: Такой я тебя желал!
И рокот: Такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти – сестра – брат –
Невеста во льду – лат!
Моя и ничья – до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
– Пребудешь? Не будешь ничья, – нет?
Я, рану зажав: Нет.
Не Муза, не Муза, – не бранные узы
Родства, – не твои путы,
О Дружба! – Не женской рукой, – лютой,
Затянут на мне –
Узел.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сей страшен союз. – В черноте рва
Лежу – а Восход светел.
О кто невесомых моих два
Крыла за плечом –
Взвесил?
Немой соглядатай
Живых бурь –
Лежу – и слезу
Тени.
Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне –
Мой Гений!
13–17 января 1921

Поэма горы
Liebster, Dich wundert die Rede?
Alle Scheidenden reden wie Trunkene
und nehmen gerne sich festlich...
Hölderlin⁴

Посвящение
Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – гореґ.
Дай мне о горе спеть:
О моей гореґ.
Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горе спеть
На верху горы.

1
Та гора была, как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного
Требовала та гора.
– Океан в ушную раковину
Вдруг-ворвавшимся ура! –
Та гора гнала и ратовала.
Та гора была, как гром.
Зря с титанами заигрываем!
Той горы последний дом
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Бог за мир взывает дорого!
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2
Не Парнас, не Синай –
Просто голый казарменный
Холм. – Равняйся! Стреляй!
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была – рай?

3
Как на ладони поданный
Рай – не берись, коль жгуч!
Гора бросалась поґд ноги
Колдобинами круч.
Как бы титана лапами
Кустарников и хвой,
Гора хватала заґ полы,
Приказывала: стой!
О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: ляг!
Оторопел под натиском,
– Как? Не понять и днесь!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гора, как сводня – святости,
Указывала: здесь...

4

Персефоны зерно гранатовое,
Как забыть тебя в стужах зим?
Помню губы, двойною раковиной
Приоткрывшиеся моим.
Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресницы твои – зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5

Не обман – страсть, и не вымысел!
И не лжет, – только не дли!
О, когда бы в сей мир явились мы
Простолюдинами любви!
О, когда б, здраво и погпросту:
Просто – холм, просто – бугор...
(Говорят, тягую к пропасти
Измеряют уровень гор).
В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда – над уровнем
жизни.)

– Наг же меня! Твой...
Но семьи тихие милости,
Но птенцов лепет – увы!
Оттого что в сей мир явились мы –
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.
Гора горевала о нашей дружбе:
Губ непреложнейшее родство!
Гора говорила, что коемужды
Сбудется – по слезам его.
Еще говорила гора, что табор –
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: хотя бы
С дитятком – отпустил Агарь!
Еще говорила, что это – демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немые,
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет – чтог ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой!
Гора горевала, что только дымом
Станет – чтог ныне: и мир и Рим.
Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).
Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев: долг и страсть.
Гора горевала о нашем горе:
Завтра! Не сразу! Когда над лбом –
Уж не мemento5, а просто – море!
Завтра, когда пойдем.
Звук... Ну как будто бы кто-то просто,
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь нам
Вниз, по такой грязи –
В жизнь, про которую знаем всег мы:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сброд – рынок – барак.
Еще говорила, что все поэмы
Гор – пишутся – тагк.

8

Та гора была, как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и дог ночи мы
Жизнь свою – как карту бьем!
Страстные, не быть упорствуем.
Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами –
Чтите мой угрюмый грот.
(Грот – была, и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь – на исходе пригорода?
Та гора была – миры!
Боги мстят своим подобиям!
Горе началось с горы.
Та гора на мне – надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снятб.
Нашу гору застроят дачами, –
Палисадниками стеснят.
Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,
Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои – вверх дном!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Дома в счастье, и счастья – в дом!
Счастья – в доме! Любви без вымыслов!
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть – и вынести!
(Было-было, когда ходил,
Счастье – в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет: мужей и жен.
И на том же блаженном воздухе,
– Пока можешь еще – грехи! –
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши,
Этажи и ходы надумывать –
Чтобы каждая нитка – в дом!
Ибо надо ведь – хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом!

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора – игры.
Есть беспутные, нет – беспамятных:
Горы времени – у горы!
По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, –
Кратер, пущенный в оборот!
Виноградниками – Везувия
Не сковать! Великана – льном
Не связать! Одного безумия
Уст – достаточно, чтобы львом
Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.
Будут девками ваши дочери
И поэтами – сыновья!
Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя страви!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!
Твеґрже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
– Да не будет вам счастья дольного,
Муравьи, на моей горе!
В час неведомый, в срок негаданный
Опознаете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой!

Послесловие

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя – отдельно.
Вместо чегрт – белый провал.
Без примет. Белым пробелом –
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана – сплошь.) Частности мелом
Отмечать – дело портных.
Небосвод – цельным основан.
Океан – скопище брызг?!
Без примет. Верно – особый –
Весь. Любовь – связь, а не сыск.
Вороной, русой ли масти –
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть – делит на части?
Часовщик я, или врач?
Ты – как круг, полный и цельный:
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.
(В ворохах сонного пуха:
Водопад, пены холмы –
Новизной, странной для слуха,
Вместо: «я» – тронное: «мы»...)
Но зато, в нищей и тесной
Жизни – «жизнь, как она есть» –
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной:
– Памяти мечь!
1 января – 1 февраля 1924

Прага. Гора.

декабрь 1939. Голицыно, Дом писателей

Поэма конца

1
В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на назначенном месте,
Как судьба.
– Бегз четверти. Исправен?
– Смерть не ждет.
Преувеличенно-плавен
Шляпы взлет.
В каждой реснице – вызов.
Рот сведен.
Преувеличенно низок
Был поклон.
– Бегз четверти. Точен? –
Голос лгал.
Сердце упало: что с ним?
Мозг: сигнал!
Небо дурных предвестий:
Ржавь и жечь.
Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мертвым – так...
Мчащийся простолюдин
Локтем – в бок.
Преувеличенно нуден
Взвыл гудок.
Взвыл, как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
в смертный час.)
То, что вчера – по пояс,
Вдруг – до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
во весь – рост.)
Мысленно: милый, милый.
– Час? Седьмой.
В кинематограф, или?.. –
Взрыв: «Домой!»

2

Братство таборное, –
Вот куда вело!
Громом наг голову,
Саблей наголог,
Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся –
Слово: дом.
Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!
Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так игз дому рвутся,
Как ты – домой!
Конем, рванувшим коновязь –
Ввысь! – и веревка в прах.
– Но никакого дома ведь!
– Есть, в десяти шагах:
Дом на горе. – Не выше ли?
– Дом на верху горы.
Окно под самой крышею.
– «Не от одной зари
Горящее?» – Так сызнова
Жизнь? – Простота поэм!
Дом, это значит: из дому
В ночь.
(О, кому повем
Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?..)
– Вы слишком много думали. –
Задумчивое: – Да.

3

И – набережная. Воды
Держусь, как толщи плотной.
Семирамидины сады
Висячие – так вот вы!
Воды – стальная полоса
Мертвецкого оттенка –
Держусь, как нотного листа
Певица, края стенки –
Слепец... Обрато не отдашь?
Нет? Наклонюсь – услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крыши
Лунатик...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Но не от реки
Дрожь – рождена наядой!
Реки держаться, как руки,
Когда любимый рядом –
И верен...
Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны –
Ты. Правый бок, как мертвый.
Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
– Нам с вами нужно бы...
(Озноб.)
– Мы мужественны будем?

4

Тумана белокурого
Волна – воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное – насказано!
Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Потачкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.
Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное – насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.
(Вполоборота: это вот –
Наш дом? – Не я хозяйкою!)
Один – над книжкой чековой.
Другой – над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.
Серебряной зазубриной
В окне – звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное – натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь – не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.
Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы – телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Черт – газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком –
Бегртольда Шварца...
Даровит
Был – и заступник людям.
– Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.
И знаю – не скажет первым.
– Не любите? – Нет, люблю.
– Не любите! – Но истерзан,
Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность):
– Помилуйте, это – дом?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Дом в сердце моем. – Словесность!
Любовь, это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете – любовь –
Беседовать через столик?
Часочек – и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
– Храм?
Дитя, замените шрамом
На шраме! – Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь, это значит лук
Натянутый лук: разлука».)
– Любовь, это значит – связь.
Все врозь у нас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: не сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний,
Тот час на верху горы
И страсти. Memento7 – пагром:
Любовь – это все дары
В костер – и всегда задаром!)
Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка – опись.
– И прежде всего одна
Постель.
– Вы хотели пропасть
Сказать? – Барабанный бой
Перстов. – Не горами двигать!
Любовь, это значит...
– Мой.
Я вас понимаю. Вывод?
Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
– Уедем. – А я: умрем,
Надеялась. Это проще!
Достаточно дешеви́зн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
– Любовь, это значит: жизнь.
– Нет, и́гначе называлось
У древних...
– И так? –
Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
– Так едемте? – Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец – на выбор!
Смерть – и никаких устройств!
– Жизнь! – Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
– Тогда простимся.
б
– Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть, это дело тел,
А мы друг для друга – души
Отныне...) – И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода
Вручаете...) – Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице, как букет
Кровавую честь разрыва
Вручающий...) – Внятно: слог
За слогом, и так – простимся,
Сказали вы? (Как платок
В час сладостного бесчинства

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Уроненный...) – Битвы сей
Вы – Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику – как трофей,
Им отданную же шпагу
Вручать!) – Продолжает. (Звон
В ушах...) – Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. – Вы это каждой?
Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо
От кости. – Смешок. Сквозь смех –
Смерть. Жест. (Никаких хотений.
Хотеть – это дело тех,
А мы друг для друга – тени
Отныне...) Последний гвоздь
вбит. Винт, ибо гроб свинцовый,
– Последнейшая из просьб.
– Прошу. – Никогда ни слова
О нас... никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые – в весну!)
– О том же и вас просила б.
Колечко на память дать?
– Нет. – Взгляд, широког разверстый
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень
На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
– Но книгу тебе? – Как всем?
Нет, вовсе их не пишете,
Книг...
Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.
В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут – не плачут.
Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят – не плачут.
Жемчуг в стакане
Плавают – и миром
Правят – не плачут.
– Так яг ухожу? – Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей – как кость
Презреннейшее из первенств
Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы
и – чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.
Самую крепость –
В самую мякоть.
Только не плакать.
В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.
В пепел и в песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.
– Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ведь даже на эшафот

Нас первыми просят...

– Срочно

Прошу, не глядите! – Взгляд –

(Вот-вот уже хлынут градом! –

Ну как их загнать назад

В глаза?!) – Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,

Взгляд в вышину:

– Милый, уйдемте,

Плакать начну!

Забыла! Среди копилки

Живых (коммерсантов – тож)

Белокурый сверкнул затылок:

Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая

Смывая – менады мех! –

Голконда волосяная,

Сокровищница утех –

(Для всех!) Не напрасно копит

Природа, не сплошь скупа!

Из сих белокурых тропик,

Охотники, – где тропа

Назад? Наготовю грубой

Дразня и слепя до слез –

Сплошным золотым прелюбом

Смеющимся пролилось.

– Не правда ли? – Лынущий, мнущий

Взгляд. В каждой реснице – зуд.

– И главное – эта гуща!

Жест, скручивающий в жгут.

О, рвущий уже одежды –

Жест! Проще, чем пить и есть –

Усмешка! (Тебе надежда,

увы, на спасенье есть!)

И – сестрински или братски?

Союзнически: союз!

– Не похоронив – смеяться!

(И, похоронив, смеюсь.)

7

И – набережная. Последняя.

Всё. Порознь и без руки,

Чурающимися соседями

Бредем. – Со стороны реки –

Плач. Падающую соленую

Ртуть слизываю без забот:

Луны огромной Соломоновой

Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться

В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!

Страшущимися сопреступниками

Бредем. (Убитое – Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?

В ночь? Порознь? С другими спать?

– Вы понимаете, что будущее –

Там? – Запрокидываюсь вспять.

– Спать! – Новобрачными по коврику...

– Спать! – Всё не попадаем в шаг,

в такт. Жалобно: – Возьмите погд руку!

Не каторжники, чтоб так!..

Ток. (Точно мне душою – на руку

лег! – На руку рукою.) Ток

Бьет, проводами лихорадочными

Рвет, – на душу рукою лег!

Льнет. Радужное все! Чтог радужнее

Слез? Занавесом, чаще бус,

Дождь. – Я таких не знаю набережных

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кончающихся. – Мост, и:

– Ну с?

Здесь? (Дроги поданы.)

Спокойных глаз

Взлет. – Можно до дому?

В последний раз!

8

Последний мост.

(Руки не отдам, не выну!)

Последний мост,

Последняя мостовина.

Во-да и твердь.

Выкладываю монеты.

День-га за смерть,

Харонова мзда за Лету.

Мо-неты тень

В руке теневой. Без звука

Мо-неты те.

Итак, в теневую руку –

Мо-неты тень.

Без отсвета и без звяка.

Мо-неты – тем.

С умерших довольно маков.

Мост.

Бла-гая часть

Любовников без надежды:

Мост, ты как страсть:

Условность: сплошное между.

Гнезжусь: тепло,

Ребро – потому и льну так.

Ни до, ни по:

Прозрения промежутки!

Ни рук, ни ног.

Всей костью и всем упором:

Жив только бок,

О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь – в боку!

Он – ухо и он же – эхо.

Желтком к белку

Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,

Мощусь. Близнецы Сиам,

Чтог – ваш союз?

Та женщина – помнишь: мамой

Звал? – всё и вся

Забыв, в торжестве недвижимом

Те-бя нося,

Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!

Сбылись! На груди баюкал!

Не – брошусь вниз!

Нырять – отпускать бы руку

При-шлось. И жмусь,

И жмусь... И неотторжима.

Мост, ты не муж:

Любовник – сплошное мимо!

Мост, ты за нас!

Мы реку телами кормим!

Плю-щом впились,

Клещом: вырывайте с корнем!

Как плющ! как клещ!

Безбожно! Бесчеловечно!

Бро-сать, как вещь,

Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём

Вещественном мире дутом!

Скажи, что сон!

Что ночь, а за ночью утро,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Эк-спресс и Рим!

Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.
Про-гал глубок:
Последнюю кровью грею.
Про-слушай бок!
Ведь это куда вернее
Сти-хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска-жи, что бред!
Что нет, и не будет мосту
Кон-ца...

– Конец.
– Здесь? – Детский, божеский
жест. – Ну-с? – Впилась.
– Е-ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей и вдов
От друзей – тебе, подноготную
Тайну Евы от древа – вот:
Я не более чем животное,
Кем-то раненное в живот.
Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,
Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра
За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.
Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка –
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.
Махорочная затяжка.

Сплёв, пожили значит, сплёв.
...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога: в ров
И в кровь. Потайное око:
Луны слуховой глазок...
И покосившись сбоку:
– Как ты уже далек!

10

Совместный и сплоченный
Вздог. – Наша молочная!
Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам –
Сброд! Пара минутная! –
Справляли заутреню.
Базаром и заГкисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, –
Совсем овсяной!
(Овсом своенравие

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией –
Аркадией пах
Тот кофе...
Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,
Бывалой и жалостной, –
Любовниц седых
Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви –
А главное – юности!
Смешку – без причин,
Усмешке – без умысла,
Лицу – без морщин, –
О, главное – юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей
В молочную тусклую:
– Бурнус и Тунис! –
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...
(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце
Голландского глаженья...
Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
– Наша улица! – Уже не наша... –
– Сколько раз по ней!.. – Уже не мы... –
– Завтра с западу встанет солнце!
– С Иеговой порвет Давид!
– Что мы делаем? – Расстаемся.
– Ничего мне не говорит
Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас–стаемся. – Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.
Стой! По–сербски и по–кroatски,
Верно? Чехия в нас чудит?
Рас–ставание. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!
Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание – не по–русски!
Не по–женски! Не по–мужски!
Не по–божески! Чтог мы – овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание – по–каковски?
Даже смысла такого нет,
Даже звука! Ну просто полый
Шум, – пилы, например, сквозь сон.
Расставание – просто школы
Хлебникова соловьиный стон
Лебединый...
Но как же вышло?
Точно высохший водоем –
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться – ведь это гром
Наг голову... Океан в каюту!
Океании крайний мыс!
Эти улицы – слишком круты:
Расставаться – ведь это вниз,
Под гору... Двух подошв пудовых
Вздых... Ладонь, наконец, и гвоздь!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Опрокидывающий довод:
Расставаться – ведь это врозь,
Мы же – сросшиеся...

11

Разом проигрывать –
Чище нет!
Загород, пригород:
Дням конец.
Негам (читай – камням),
Дням, и домам, и нам.
Дачи пустующие! Как мать
Старую – так же чту их.
Это ведь действие – пустовать:
Полое не пустоует.
(Дачи, пустующие на треть,
лучше бы вам сгореть!)
Только не вздрагивать,
Рану вскрыв.
Заггород, заггород,
Швам разрыв!
Ибо – без лишних слов
Пышных – любовь есть шов.
Шов, а не перевязь, шов – не щит.
– О, не проси защиты! –
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.
(Время покажет еще, каким:
легким или тройным!)
Так или игначе, друг – по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что треснул сам:
Треснул, а не расползся!
Что под наметкой – живая жиль
Красная, а не гниль!
О, не проигрывает –
кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.
По слободам казнят
Нынче, – мозгам сквозняк!
О, не проигрывает, кто прочь –
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Нагбело, без наметки.
Так не кори же меня, что вкривь.
Пригород: швам разрыв.
Души неприбранные –
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах
Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь – по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку
Цепкую – как ее ни канай!
По-следний фонарь!
Здесь? Словно загговор –
Взгляд. Низших рас –
Взгляд. – Можно наг гору?
В по-следний раз!

12

Частой гривую
Дождь в глаза. – Холмы.
Миновали пригород.
Заг городом мы,
Есть – да нету нам!
Мачеха – не мать!
Дальше некуда.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Здесь околевать.
Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород. –
Заг городом строй!
Эх, проигранное
дело, господя!
Все-то – пригороды!
Где же города?!
Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!
И у Иова,
Бог, хотел займы?
Да не выгорело:
За городом мы!
Заг городом! Понимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Еврейский квартал...
Так не достойнее ль вог сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Еврейский погром –
Жизнь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокаженные острова!
В ад! – всюду! – но не в
Жизнь, – только выкрестов терпит, лишь
Овец – палачу!
Право-на-жительство свой лист
Ногами топчу!
Втаптываю! За Давидов щит –
Мечь! – в месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить – нег захотел?!
Гетто избрагничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты – жида!
13
Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками
Меховое, мокрое.
Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью –
Слезы, а не дождь!
О каких еще соблазнах –
Речь? водой – имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся, –
Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу – глажу –
Глажу по лицу.
Такова у нас, Маринок,
Спесь, у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...
Плачешь? Друг мой!
Все мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!
Жестока слеза мужская:
Обухом по темени!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди-накового
Моря – рыбы! Взмах:
..Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.

Лебеда –

На вкус.

– А завтра

Когда

Проснись?

14

Тропою овечьей –

Спуск. Города гам.

Три девки навстречу.

Смеются. Слезам

Смеются, – всем полднем

Недр, гребнем морским!

Смеются!

– недолжным,

Позорным, мужским

Слезам твоим, видным

Сквозь дождь – в два рубца!

Как жемчуг – постыдным

На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,

Последним, – о лей! –

Слезам твоим – перлам

В короне моей!

Глаз явно не туплю.

Сквозь ливень – перюсь.

Венерины куклы,

Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,

Чем влечься и лечь.

Самогй Песней Песен

Уступлена речь

Нам, птицам безвестным

Челом Соломон

Бьет, – ибо совместный

Плач – больше, чем сон!

И в полые волны

Мглы – сгорблен и равн –

Бесследно – безмолвно –

Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля 1924 – Иловищи,

8 июня 1924

С моря

С Северо-Южным,

Знаю: невозможным!

Можным – коль нужным!

В чем-то дорожном,

– Воздухокрутом,

Мчащим щепу! –

Сон три минуты

Длится. Спешу.

С кем – и не гляну! –

Спишь. Три минуты.

Чем с Океана –

Долго – в Москву-то!

Молниеносный

Путь – запасной.

Из своего сна

Прыгнула в твой.

Снюсь тебе. Четко?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Глядко? Почтище
Чем за решеткой
Штемпельной. Писчей –
Стою? Почтовой –
Стою? – Красно?
Честное слово
Я, не письмо!
Вольной цезуры
Нрав! Прыггом с барки!
Чтог без цензуры –
Даже без марки!
Всех объегоря,
– Скоропись сна!
Вот тебе с моря –
Вместо письма!
Вместо депеши.
Вес? Да помилуй!
Столько не вешу
Вся – даже с лирой
Всей, с сердцем Ченчи
Всех, с целым Там.
Сон, это меньше
Десяти грамм.
Каждому по три –
Шесть (сон взаимный).
Видь, пока смотришь:
Не анонимный
Нос, твердозначен
Лоб, буква букв –
ять, ять без сдачи
В подписи губ.
я – без описки,
я – без помарки.
Роз бы альпийских
Горсть, да хибарка
Наг море, да но
Волны добры.
Вот с Океана
Горстка игры.
Мало – по малу бери, как собран.
Море играло. Играть – быть добрым.
Море играло, а я брала,
Море теряло, а я клала
Заг ворот, заг щеку, – терпко, морско! –
Рот лучше ящика, если горсти
Заняты. Валу, звучи, хвала!
Муза теряла, волна брала.
Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть – быть глупым.
Думать – седая прядь! –
Умным. Давай играть!
В рагкушки. Темп un petit navir'a8.
Эта вот – сердцем, а эта – лирой,
Эта, обзор трех куч,
Детства скрипичный ключ.
Подобрала у рыбацкой лодки.
Это – голодной тоски обглодки:
Камень – тебя щажу, –
Лучше волны гложу,
Осатанев на пустынном спуске.
Это? – какой-то любви окуски:
Восстановить не тщусь:
Так неглубок надкус.
Так и лежит, не внесенный в списки.
Это – уже не любви – огрызки:
Совести. Чем слезу
Лить-то – ее грызу
Не угрызому ни на столько.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это – да нашей игры осколки
Завтрашние. Не видь.
Жаль ведь. Давай делить.
Не чтог' понравится, а чтог' выну.
(К нам на кровать твоего бы сына
Третьим – нельзя ль в игру?)
Первая – я беру.
Только песок между пальцев, ливкий.
Стой-ка: какой-то строфы отрывки:
«Славы подземный храм»...
– Ладно. – Допишешь сам.
Только песок между пальцев, плёский.
Стой-ка: гремучей змеи обноски:
Ревности! Обновясь
Гордостью назвалась
И поползла себе с полным правом.
Не напостовцы – стоять над крабом
Выеденным: не краб:
Славы кирпичный крап.
Скромная прихоть:
Камушек. Пемза.
Полый как критик.
Серый как цензор
Над откровеньем.
– Спят цензора! –
Нашей поэме
Цензор – заря.
(Зори – те зорче:
С током Кастаньским
В дружбе. На порчу
Перьев – сквозь пальцы...
«Вирши, голубчик?
Ну и черног'!»
И не взглянувши:
Разрешено!)
Мельня ты мельня, морское коло!
Мамонта, бабочку, – всё смололо
Море. О нем – щепоть
Праха – не нам молоть!
Вот только выговорюсь – и тихо.
Море! Прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь – и нас смели!
Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель –
Множиться!) – сесть на мель.
Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье –
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды
Надокеанской. Винюсь заране:
Я нанесла тебе столько дряни,
Столько заморских див:
Всё, что нанес прилив.
Лишь оставляет, а брать не просит...
Странно, что это – отлив приносит,
Убыль, в ладонь, дает.
Не узнаешь ли нот,
Нам остающихся по две, по три
В час, когда бог их принесший – отлил,
Отбыл... Орфей... Арфист...
Отмель – наш нотный лист!
– Только минуту еще на сборы!
Я нанесла тебе столько вздору:
Сколько язык смолол, –
Целый морской подол!
Как у рыбачки, моей соседки.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но припасла тебе напоследки
Дар, на котором строй.
Море роднит с Москвой,
Советоросгсию с Океаном.
Республиканцу – рукой шуана –
Сам Океан-Велик
Шлет. Нацепи на шлык.
И доложи мужикам в колосьях.
Что на шлыке своем краше носят
Красной – не верь: вражду
Классов! – морей звезду!
Мастеровым же и чужеземцам:
Коли отстали от Вифлеемской,
Клин отхватив – шестой,
Обречены – морской:
Прабогатырской, первобылинной.
(Распространяюсь, но так же длинно
Море – морским пластам...)
Так доложи ж властям,
– Имени-звания не спросила –
Что на корме корабля Россия
Весь корабельный крах:
Вещь о пяти концах.
Голые скалы, слоновьи ребра...
Море устало, устать – быть добрым.
Вечность, махни веслом!
Влечь нас. Давай уснем.
Вплоть, а не тесно,
Огнь, а не дымно.
Ведь не совместный
Сон, а взаимный:
В Боге, друг в друге.
Нос, думал? Мыс!
Брови? Нет, дуги,
Выходы из –
Зримости.
Вандея, St. Gilles-sur-vie, май 1926

Попытка комнаты
Стены косности сочтены
До меня. Но – заскок? случайность? –
Я запомнила три стены.
За четвертую не ручаюсь.
Кто же знает, спиной к стене?
Может быть, но ведь может не
Быть. И не было. Дуло. Но
Не стена за спиной, так?.. Все, что
Не угодно. Деша «Дно»,
Царь отрекся. Не только с почты
Вести. Срочные провода
Отовсюду и отвсегда.
На рояле играл? Сквозит.
Дует. Парусом ходит. Ватой –
Пальцы. Лист сонатинный взвит.
(Не забудь, что тебе – девятый.)
Для невиданной той стены
Знаю имя: стена спины
За роялем. Еще – столом
Письменным, а еще – прибором
Бритвенным (у стены – прием –
этой – делаться коридором
В зеркале. Перенес – взглянул.
Пустоты переносный стул).
Стул для всех, кому не войти –
Дверью, – чуток порог к подошвам!
Та стена, из которой ты
Вырос – поторопилась с прошлым –
Между нами еще абзац

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Целый. Вырастешь как Данзас –
Сзади.
Ибо Данзасом – та,
Званным, избранным, с часом, с весом,
(Знаю имя: стена хребта!)
Входит в комнату – не Дантесом.
Оборот головы. – Готов?
Так и ты через десять строф,
Строк.
Глазная атака в тыл.
Но, оставив разряд заспинный,
Потолок достоверно – был.
Не упорствую: как в гостиной,
Может быть и чуть-чуть косил.
(Штыковая атака в тыл –
Сил.)
И вот уже мозжечка
Сжим. Как глыба спина расселась.
Та сплошная стена чека,
Та – рассветов, ну та – расстрелов
Светлых: четче, чем на тени
Жестов – в спину из-за спины.
То, чего не пойму: расстрел.
Но, оставив разряд застенный,
Потолок достоверно цел
Был (еще впереди – зачем нам
Он.) К четвертой стене вернусь:
Та, куда, отступая, трус
Отступается.
«Ну, а пол –
Был? На чем-нибудь да ведь надо ж?..»
Был. – Не всем. – На качель, на ствол,
На коня, на канат, на шабаш, –
Выше!..
Всем нам на «тем светуг»
С пустотою срывать пята
Тяготенную.
Пол – для ног.
– Как внедрен человек, как вкраплен! –
Чтоб не капало – потолок.
Помнишь, старая казнь – по капле
В час? Трава не росла бы в дом –
Пол, земля не вошла бы в дом –
Всеми – теми – кому и кол
Не препятствие ночью майской!
Три стены, потолок и пол.
Всё, как будто? Теперь – являйся!
Оповестит ли ставнею?
Комната наспех составлена,
Белесоватым пог серу –
В черновике набросана.
Не штукатур, не кровельщик –
Сон. На путях беспроводных
Страж. В пропастях под веками
Некий нашедший некую.
Не поставщик, не мебельщик –
Сон, поголее ревельской
Отмели. Пол без блёсткости.
Комната? Просто – плоскости.
Дебаркадер приветливей!
Нечто из геометрии,
Бездны в картонном томике,
Поздно, но полно, понятой.
А фэтонов тормоз-то –
Стол? Да ведь локтем кормится
Стол. Разлоктись по склонности,
Будет и стол – настольности.
Так же, как деток – аисты:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Будет нужда – и явится
Вещь. Не пекись за триг версты!
Стул вместе с гостем вырастет.
Всё вырастет,
Не ладь, не строй.
Под вывеской
Сказать – какой?
Взаимности
Лесная глушь
Гостиница
Свиданье Душ.
Дом встречи. Всег – разлуки –
Те, хоть южныгм на юг!
Прислуживают – руки?
Нет, то, что тише рук,
И легче рук, и чище
Рук. Подновленный хлам
С услугами? Тощица
Оставленная там!
Да, здесь мы недотроги,
И вправе. Рук – гонцы,
Рук – мысли, рук – итоги,
Рук – самые концы...
Без судорожных «где ж ты?».
Жду. С тишиной в родстве,
Прислуживают – жесты
В Психеином дворце.
Только ветер поэту дорог!
В чем уверена – в коридорах.
Прохождение – вот армий база.
Должно долго идти, чтоб сразу
Середь комнаты, с видом бога-
Лиродержца...
– Стиха дорога!
Ветер, ветер, над лбом – как стягом
Подымаемый нашим шагом!
Водворенное «и так дале» –
Коридоры: домашность дали.
С грачьим профилем иноверки
Тихой скоростью даль, по мерке
Детских ног, в дождеватом пруфе
Рифмы милые: грифель – туфель –
Кафель... в павлиноватом шлейфе
Где-то башня, зовется Эйфель.
Как река для ребенка – галька,
Дали – долька, не даль – а далька,
В детской памяти, струнной, донной –
даль с ручным багажом, даль – бонной...
Не сболтнувшая нам (даль в модах)
Чтог там тащится на подводах...
Доведенная до пенала...
Коридоры: домов каналы.
Свадьбы, судьбы, события, сроки, –
Коридоры: домов притоки.
В пять утра, с письмецом подметным,
Коридором не только метлы
Ходят. Тмином разит и дерном.
Род занятия? Кор-ри-дорный.
Тог лишь требуя, чтог смолола –
Коридорами – Карманьола!
Кто коридоры строил
(Рыл), знал, куда загнуть,
Чтобы дать время крови
Заг угол завернуть
Сердца – за тот за острый
Угол – громов магнит!
Чтобы сердечный остров
Со всех сторон омыт

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Был. Коридор сей создан
Мной – не проси ясней! –
Чтобы дать время мозгу
Оповестить по всей
Линии: от «посадки
Нету» до узловой
Сердца: «Идет! Бросаться –
Жмурься! а нет – долой
С рельс!» Коридор сей создан
Мной (не поэт – проста!),
чтобы дать время мозгу
Распределить места,
ибо свиданье – местность,
Роспись – подсчет – чертеж –
Слов, не всегда уместных,
Жестов, погрешных сплошь.
чтобы любовь в порядке –
вся, чтоб тебе любя –
вся, до последней складки –
Губ или платья? Лба.
Платье всег' опрavlять умели!
Коридоры: домов туннели.
Точно старец, ведомый дочерью –
Коридоры: домов ущелья.
Друг, гляди! Как в письме, как в сне том –
Это я на тебя просветом!
В первом сне, когда веки спустишь –
Это я на тебя предчувствьем
Света. В крайнюю точку срока
Это я – световое око.
А потом?
Сон есть: в тон.
Был – подъем,
Был – наклон
Лба – и лба.
Твой – вперед
лоб. Груба
Рифма: рот.
Оттого ль, что не стало стен –
Потолок достоверно крен
дал. Лишь звательный цвел падеж
в ртах. А пол – достоверно брешь.
А сквозь брешь, зелена как Нил...
Потолок достоверно плыл.
Пол же – чтог', кроме «провались!»
Полу? чтог' нам до половиц
сорных? Мало мела? – Горег'!
весь поэт на одном тире
держится...
Над ничем двух тел
Потолок достоверно пел –
всеми ангелами.
St. Gilles-sur-vie,

6 июня 1926

Новогоднее
С Новым годом – светом – краем – кровом!
Первое письмо тебе на новом
– недоразумение, что злачном –
(Злачном – жвачном) месте зычном, месте звучном
Как Эолова пустая башня.
Первое письмо тебе с вчерашней,
на которой без тебя изноюсь –
Родины, теперь уже – с одной из
Звезд... Закон отхода и отбоя,
по которому любимая – любую
и небывшую – из небывалой...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рассказать, как про твою узнала?
Не землетрясение, не лавина.
Человек вошел – любой – (любимый –
ты.) – Прискорбнейшее из событий.
В Новостях и в Днях. Статью дадите?
– Где? – В горах. (Окно в еловых ветках.
Простыня.) Не видите газет ведь?
Так статью? – Нет. – Но... – Прошу избавить.
Вслух: трудна. Внутрь: не хриstopродавец.
– В санатории. (В раю наемном.)
– День? – Вчера, позавчера, не помню.
В Альказаре будете? – Не буду.
Вслух: семья. Внутрь: всё, но не Иуда.
С наступающим! (Рождался завтра.)
Рассказать, что сделала узнав про...?
Тсс... Оговорилась. По привычке.
Жизнь и смерть давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплёты.
Ничего не сделала, но что-то
Сделалось – без тени и без эха
Делющее!
Теперь – как ехал?
Как рвалось и нег разорвалось как –
Сердце? Как на рысаках орловских,
От орлов – сказал – не отстающих,
Дух захватывало – или пуще?
Слаще? Ни высот тому, ни спусков
На орлах летал заправских русских –
Кто. Связь – кровная у нас с тем светом:
На Руси бывал – тот свет на этом
Зрел. Налаженная перебежка!
Жизнь и смерть произношу с усмешкой
Скрытой – своей ее коснешься!
Жизнь и смерть произношу со сноской,
Звездочкою (ночь, которой чаю:
Вместо мозгового полушарья –
Звездное!)
Не позабыть бы, друг мой,
Следующего: что если буквы
Русские пошли взамен немецких –
То не потому, что нынче, дескать,
Всё сойдет, что мертвый (нищий) всё съест –
Не сморгнет! – а потому, что тот свет,
Наш – тринадцати, в Новодевичьем
Поняла: не без- а всег-язычен.
Вот и спрашиваю не без грусти:
Уж не спрашиваешь, как по-русски
– Nest? Единственная, и все гнезда
Покрывающая рифма: звезды.
Отвлекаюсь? Но такой и вещи
Не найдется – от тебя отвлечься.
Каждый помысел, любой, Du Lieber!
Слог в тебя ведет – о чем бы ни был
Толк (пусть русского родней немецкий
Мне, – всех ангельский родней!) – как места
Несть, где нет тебя, нет есть: могила.
– Всё как не было и всё как было.
– Неужели обо мне ничуть не? –
Окруженье, Райнер, самочувствие?
Настоятельно, всенепременно –
Первое видение вселенной
(Подразумевается, поэта
в оной) и последнее – планеты,
Раз только тебе и данной – в целом.
Не поэта с прахом, духа с телом
(Обосогбить – оскорбить обоих)
А тебя – с тобой, тебя – с тобою ж,
Гнездо (нем.). Любимый (нем.).

– Быть Зевесовым не значит – лучшим –
Кастора – тебя с тобой –
Поллуксом,
Мрамора – тебя с тобою, травкой –
Не разлуку и не встречу – ставку
Очную: и встречу и разлуку
Первую.
На собственную руку
Как глядел? (на след, на ней, чернильный)
Со своей стоглько-то (сколько?) мильной
Бесконечной ибо безначальной
Высоты над уровнем хрустальным
Средиземного – и прочих – блюдец.
Все как нег было и все как будет
И со мною за концом предместья.
Все как нег было и все как есть уж
– Чтог списавшемуся до недельки
Лишней! – и куда ж еще глядеть-то,
Прибллокотясь на обод ложи,
С этого – как не на тот, с того же –
Как не на многострадальный этот...
В Беллевию живу. Из гнезд и веток
Городок. Переглянувшись с гидом:
Беллевию: острог с прекрасным видом
На Париж – чертог химеры галльской –
На Париж – и на немножко дальше...
Прибллокотясь на алый обод,
Как тебе смешны (кому) «должно быть»,
(Мне ж) должны быть, с высоты без меры
Наши Беллевию и Бельведеры!
Перебрасываюсь. Частность. Срочность.
Новый год в дверях. За чтог, с кем чокнусь
Через стол? Чем? Вместо пены – ваты
Клок. Зачем? Ну, бьет, – а при чем яг тут?
Чтог мне делать в новогоднем шуме
С этой внутренней рифмой: Райнер – умер.
Если ты, такое око – смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть,
Значит – тмится! Допойму при встрече –
Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье,
Новое. И за него (соломой
Застелив седьмой – двадцать шестому
Отходящему – какое счастье
Тобой кончиться, тобой начаться!)
Через стол, необозримый оком,
Буду чокаться с тобою тихим чоком –
Сткла о стекло? Нет – не кабацким ихним:
Я о ты, слиясь дающих рифму:
Третье.
Через стол гляжу на крест твой:
Сколько мест – заггородных, и места
Заггородом! и кому же машет,
Как не нам – куст? Мест – именно наших
И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!
Мест твоих со мной, твоих – с тобою.
(Что с тобою бы и на массовку –
Говорить?) что – мест! а месяцев-то
А недель! А дождевых предместий
Без людей! А утр! А всего вместе –
И не нагчатого соловьями!
Верно, плохо вижу, ибо в яме,
Верно, лучше видишь, ибо свыше:
Ничего у нас с тобой не вышло,
До того, так чисто и так просто –
Ничего, так по плечу и росту
Нам – что и перечислять не надо.
Ничего, кроме – не жди: из ряду

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Выходящего: неправ из такта
Выходящий! – а в какой бы, как бы
Ряд – вошедшего б?
Припев извечный:
Ничего – хоть чем-нибудь на нечто,
Что-нибудь – хоть издали бы – тень хоть
Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
Дом тот – даже смертнику в колодках
Памятью дарованное: рот тот!
Или слишком разбирались в средствах?
Из всего того один лишь свет тот
Наш был, как мы сами – только отсвет
Нас – взамен всего сего – весь тот свет.
С незастрогеннейшей из окраин –
С новым местом, Райнер, светом, Райнер!
С доказуемости мысом крайним –
С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!
Все тебе помехой
Было – страсть и друг.
С новым звуком, Эхо!
С новым эхом, Звук!
Сколько раз на школьном табурете:
Что за горы там? Какие реки?
Хороши ландшафты без туристов?
Не ошиблась, Райнер, рай – гористый,
Грозовой? Не – притязаний вдовьих –
Не один ведь рай, над ним – другой ведь
Рай? Террасами? Сужу по Татрам –
Рай не может не амфитеатром
Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
Не ошиблась, Райнер, Бог – растущий
Баобаб? Не Золотой Людовик –
Не один ведь Бог? Над ним – другой ведь
Бог?
– Как пишется на новом месте?
Впрочем, есть ты – есть стих: сам и есть ты –
Стих! Как пишется в хорошей жисти –
Без стола для локтя, лба для кисти
(Горсти)?
– Весточку, привычным шифром!
Райнер, радуешься новым рифмам?
Ибо правильно толкуя слово
Рифма – что? – как не? – целый ряд новых
Рифм – смерть?
Не?куда: язык изучен.
Целый ряд значений и созвучий
Новых.
– До свиданья! До знакомства!
Свидимся – не знаю, но – споемся!
С мне-самой неведомой землею –
С целым морем, Райнер, с целой мною!
Не разъехаться – черкни заране.
С новым звуконачертаньем, Райнер!
В небе – лестница, по ней с Дарами...
С новым рукоположеньем, Райнер!
– Чтоб не заглили держу ладонью –
Поверх Роны и поверх Rarogn'a,
Поверх явной и сплошной разлуки –
Райнеру – Мариа – Рильке – в руки.
Bellevue, 7 февраля 1927

Marina Tsvetaïeva

«Si l'ame est nee avec des ailes...»

Ce sera ainsi

Enfant tranquille, dorloter par les terne`bres,
Une langueur infinie dans un regard perdu,
Tu es la` immobile devant la fene`tre. Un pas
Rapide, dans le corridor – ce n'est pas le mien!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 La porte s'ouvre... Un courant d'air glacial...
 Une odeur: la fraîcheur, le bonheur... Finies les angoisses...
 Puis un instant de silence et quelqu'un, doucement,
 Rit, sur le seuil de la porte – ce n'est pas moi!
 Le tramway, son ombre, comme jadis, court sur le mur,
 L'orchestre, en bas, se fait plus calme, plus sourd...
 Emu, tu chuchotes: – Que nos âmes s'unissent
 En silence! – ce n'est pas avec moi!
 Que de livres! Et j'ai pensé... Pas de lumière:
 C'est mieux!.. Les mots me manquent...
 Le tramway, son ombre voit bien que,
 Sur le divan, avec toi – ce n'est pas moi!
 Mes poèmes, écrits si tôt, – je ne savais
 Me en pas – moi – que j'étais poète, –
 Venus, comme l'eau de la fontaine,
 D'un coup, comme les éclats d'une fusée.
 Petits diables jaillis d'un seul coup,
 Dans le sanctuaire où tout est revêtu, encens,
 Mes poèmes, la jeunesse et la mort,
 – Ces poèmes qu'on n'a pas lus! –
 Dispersés dans la poussière des librairies
 (Où personne ne les prenait, où personne
 Ne les prend!) – mes poèmes seront
 Comme des vins précieux: leur tour viendra.
 Je ne réfléchirai pas. Je ne me plains pas.
 Je ne discute pas.
 Je ne dors pas.
 Je n'ai de goût ni
 Pour le soleil, ni
 Pour la lune, ni pour la mer,
 Ni pour le bateau.
 Je ne sens pas la chaleur entre ces murs,
 Ni la fraîcheur du jardin.
 Je n'attends pas le cadeau attendu,
 Depuis longtemps désirer.
 Le matin ne me plaît pas; ni
 La marche rythmée du tramway.
 Je ne vois pas le jour. J'oublie
 La date. J'oublie le siècle.
 La corde s'effiloche, semble-t-il,
 Et moi, je ne suis qu'un petit funambule,
 Et moi, ombre de l'ombre d'un autre.
 Somnambule aux deux lunes sombres.
 Grand-mère
 L'ovale servante et allonger,
 La robe noire évasée... Jeune
 Grand-mère! De qui, les baisers
 Sur vos lèvres arrogantes?
 Les mains jouaient des valses
 De Chopin, dans les salles du palais...
 Les boucles en spirales
 Entouraient le visage de glace.
 Le regard sombre, tendu, exigeant,
 Un regard sur la défensive.
 De jeunes femmes n'ont pas ce regard-là.
 Jeune grand-mère, qui êtes-vous?
 Jeune polonaise de vingt ans! –
 Combien de choses réalisées
 Avez-vous emportées et combien d'impossibles
 Dans le gouffre inassouvi de la terre?
 Le vent était frais, le jour innocent,
 Les étoiles noires venaient de s'éteindre.
 – Grand-mère! – Cette violente révolte
 Dans mon cœur – est-ce de vous que je la tiens?
 Je veux le demander au miroir:
 Où donc tout n'est-il que brouillard,
 Sommeil brumeux –
 Où votre chemin,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Ou` votre refuge?
 Je vois: les maîts d'un bateau,
 Et vous sur le pont... Vous –
 Dans la fumerie des trains... Des champs
 Pris dans la plainte du soir.
 Les champs le soir sous la roserie,
 Et au-dessus – des corbeaux...
 – Je vous bernis et vous laisse
 Libre comme l'air.
 – Il me plaît que vous ne soyez pas fou de moi,
 Il me plaît de ne pas être folle de vous,
 Et que jamais le lourd globe terrestre
 Ne fuie au-dessous de nos pieds.
 Il me plaît de pouvoir être ridicule –
 Troublere – et de ne pas jouer sur les mots,
 Et de ne pas souffrir d'une faiblesse étouffante
 Lorsque nos deux manches se froissent.
 Il me plaît aussi que devant moi
 Tranquillement vous enlaciez une autre,
 Et que vous ne me souhaitiez pas les feux
 De l'enfer parce que moi j'en embrasse un autre.
 Que vous ne prononciez pas mon nom, si tendre,
 Vous, mon tendre ami, matin et soir – à la large`re...
 Que jamais, dans le silence de l'église,
 On ne chante, par-dessus nos têtes: Alléluia!
 Je vous remercie de tout mon cœur, et de mes mains
 De tant m'aimer – sans le savoir vous-me même! –
 Et pour la tranquilliser de mes nuits,
 Pour la rareté des rencontres aux heures du soir,
 Pour les promenades au clair de lune
 Que nous n'avons pas faites, et pour le soleil,
 Qui ne brille pas au-dessus de nous – et
 Je vous remercie de ne pas être – hélas! – fou de moi,
 Et de ne pas être – hélas! – folle de vous!
 Le navire ne naviguera pas toujours
 Et le chant du rossignol...
 J'ai si souvent voulu vivre
 Et si souvent – mourir!
 Fatiguée de la loterie, comme
 Dans mon enfance, – je quitterai le jeu,
 Heureuse de ne pas croire
 Qu'il y a d'autres mondes.
 Avec une grande tendresse – car,
 Bientôt, je vais tout laisser –
 Je pense à celui qui portera
 Cette veste de loup,
 A celui – qui se prèlassera sous ce plaid,
 Avec cette fine canne à tête de lervrier,
 A celui – qui portera mon bracelet
 D'argent orner de turquoises...
 A tous ces papiers, à toutes ces fleurs
 Que je ne peux pas – conserver...
 Ma dernière rime – et toi,
 Ma dernière nuit.
 Je n'ai pas communier, je n'ai pas suivi la Loi.
 Jusqu'à la fin, et la messe dernière, je percherai –
 Comme aujourd'hui je pêche, comme hier j'ai percher,
 Avec passion! De tous les sens que Dieu m'a donnés!
 Amis! Complices! Vous qui m'exhortez à la flamme!
 Vous, accuser's comme moi! Vous délicats professeurs!
 Filles et jeunes gens, arbres, étoiles, nues, Terre –
 Au jugement dernier, tous devant Dieu nous passerons.
 Il n'y a pas, dans ce maudit
 Volume, de tentation
 Pour une femme. – Ars amandi,
 Pour une femme – toute la terre.
 Le cœur – des philtres d'amour,
 Le philtre – le plus sûr. – Une femme,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 De` s son berceau est un percher mortel,
 Pour l'un ou pour l'autre.
 Le ciel est loin! Les le`vres
 Sont proches, dans la brume...
 – Dieu, ne juge pas! Tu n'ertais pas
 Une femme, sur terre!
 Je connais la ver`riter! Assez des ver`riters anciennes!
 L'homme sur terre ne doit pas contrer l'homme!
 Voyez: le soir, voyez: derja` presque la nuit!
 Et quoi encore: des poe`tes, des amants, des capitaines?
 Derja` – le vent s'erpuise, derja` – la roserie sur la terre,
 Biento □ t – derja` – la neige durcira dans le ciel ertoiler,
 Et – biento □ t – tous, sous terre nous dormirons: car,
 Sur terre, tous, nous nous empe □ chions de dormir.
 Une fleur erpinglere a` la poitrine.
 Je ne sais derja` plus qui l'a erpinglere.
 Inassouvie, ma soif de passion,
 De tristesse et de mort.
 Par le violoncelle et par les portes
 Qui grincet, par les verres qui tintent
 Et le cliquetis des
 Des trains du soir,
 Par le coup de fusil de chasse
 Et par le grelot des troikas –
 Vous m'appelez, vous m'appelez,
 Vous – que je n'aime pas!
 Mais il est encore une joie:
 J'attends celui qui, le premier,
 Me comprendra, comme il le faut –
 Et tirera a` bout portant.
 J'ai ouvert le coffret de merta,
 J'ai pris ce cadeau – des larmes:
 Un anneau avec une perle superbe,
 Avec une superbe perle.
 Je suis sortie sur le seuil, un vrai chat,
 J'ai exposer mon visage au vent.
 Les vents – qui soufflent, les oiseaux – qui volent,
 Les cygnes – a` gauche, a` droite – les corbeaux,
 Nos chemins – par des co □ ters differents.
 Tu t'erloigneras – avec les premiers nuages, avec l'orage,
 Et ton chemin – dans l'erpaise fore □ t, sur les sables bru □ lants.
 Ton a □ me – s'erpuisera,
 Tes yeux – pleureront.
 Mais au-dessus de moi – la chouette criera.
 Mais au-dessus de moi – l'herbe bruissera.
 Nous n'avons jamais erter ensemble: c'est doux
 Pour moi. – Personne ainsi n'a rien repris.
 Je vous embrasse, par-dela` les centaines
 Des verstes qui nous serparent.
 Je sais: nos dons sont dissemblables.
 Ma voix, pour la premie`re foix, est basse.
 Que vous importe, jeune Derjavine,
 Mon vers mal erlever! –
 Pour le terrible vol, je te salue:
 – Vole, jeune aigle, vole! –
 Tu supportes le soleil dans les yeux, –
 Mon jeune regard est-il si lourd?
 Personne ne vous regardait partir
 Plus tendrement, plus derfinitivement...
 Je vous embrasse, par-dela` les centaines
 Des verstes qui nous serparent.
 Tu le`ves la te □ te trop haut –
 Un orgueilleux, un menteur.
 C'est, pour moi, en ce fev`rier,
 Un joyeux compagnon!
 Nous faisons sonner l'argent, nous
 Faisons lentement des ronds de fumere,
 Nous marchons dans notre ville natale

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Comme de solennels etrangers.
Quelles mains soigneuses ont touché
Tes cils, cette beauté, – quand, et
Comment, et qui, celles, nombreuses,
Qui ont embrassé ta bouche –
Je ne le demande pas. Mon esprit avide
Maîtrise ce rêve. En toi,
J'honore un enfant
Divin de dix ans.
Arrête-tons-nous près de la rivière qui rince
Le collier multicolore des lanternes.
J'irai avec toi jusqu'à la place
Qui a vu des tzars adolescents...
Siffle pour évacuer le mal des jeunes
Garde-tons, et serre ton cœur dans ta paume...
– Mon affranchi impassible
Et violent – Pardon.
D'où vient cette tendresse?
Ce ne sont pas les premières
Boucles – que je lisse – et
J'ai connu des lèvres plus sombres.
Les étouilles s'allument et s'éteignent,
– D'où vient cette tendresse? –
Des yeux s'allument et s'éteignent,
Tout près de mes yeux.
J'ai entendu des chants
Autres, dans la nuit noire,
– D'où vient cette tendresse? –
Sur la poitrine me – me du chanteur.
D'où vient cette tendresse? –
Et qu'en faire, adolescent
Malicieux, chanteur vagabond,
Aux cils – les plus longs.
Poèmes pour Blok

1

Ton nom – un oiseau dans la main,
Un glissement sur la langue – ton nom,
Un seul mouvement des lèvres,
Ton nom – quatre lettres.
Un petit ballon, saisi au vol,
Un grelot d'argent dans la bouche.
Il jaillit dans un sanglot, ton nom,
Et d'une pierre jetée dans un étang.
Il brille, il gronde, la nuit, ton nom
Dans un léger cliquetis de sabots.
Et le claquement sonore du fusil
Le soulignera sur notre temps.
Ton nom – Ah, l'impossible! –
Un baiser sur les yeux, ton nom,
Sur le gel tendre des paupières immobiles.
Ton nom – un baiser sur la neige,
Une glaciale gorgère bleue – à la source...
Avec ton nom, le sommeil est profond.

2

Tendre fantôme me,
Chevalier sans reproches,
Qui t'a appelé
Dans ma jeune vie?
Dans la brume bleue,
Debout, en chasuble
De neige.
Ce n'est pas le vent, qui
Me poursuit à travers la ville,
Cela fait trois soirs, déjà,
Que je sens l'ennemi.
Il m'a envoyé tère,
Le chantre de neige
Aux yeux bleus.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Et le cygne de neige entend
Ses ailes sous mes pieds.
Les plumes s'écartent et
S'altèrent sur la neige.
J'avance sur les plumes,
Ainsi, vers la porte,
Et, au-delà, la mort.
Par les fenêtres très bleues,
Il chante pour moi,
Il chante pour moi,
De ses lointains grelots.
Et son appel:
Un long cri, puis
La voix du cygne.
Tendre fenêtre me!
Je sais, je vois tout en revenant.
Fais-moi cette grâce: amen,
Amen, tombe en poussière!

3

Tu passes à l'ouest du soleil,
Tu vois la lumière du soir,
Tu passes à l'ouest du soleil,
Et la neige en rafale couvre tes pas.
Devant mes fenêtres très indifférentes –
Tu passeras, dans le silence et la neige,
Mon homme de Dieu, juste et magnifique,
Douce lumière de mon âme.
Je ne convoite pas ton âme!
Ton chemin reste à l'écart.
Et je n'enfoncerai pas mon clou
Dans ta main, parole de baisers.
Je ne t'appellerai pas par ton nom,
Je ne te tendrai pas les bras,
Je m'inclinerai, de loin,
Devant la sainte face de cire
Et sous la neige lente, dans la neige,
Je me mettrai à genoux, et,
En ton nom sacré,
J'embrasserai la neige du soir.
Là, ou, majestueusement,
Tu es passé, dans un silence de mort,
Douce lumière, – gloire des saints –
Dans la possession de mon âme.

4

Pour l'animal – sa tanière,
Pour le voyageur – son chemin,
Pour le mort – son corbillard,
Pour chacun – son dû.
Aux femmes – la ruse,
Au tsar – l'état,
A moi – la glorification
De ton nom.

5

Chez moi à Moscou – brillent les coupôles,
Chez moi à Moscou – les cloches sonnent,
Et les sépultures, chez moi, sont alignées, –
Y dorment les tsarines et les tzars.
Tu ne sais pas, toi, qu'à l'aube, au Kremlin,
On respire plus à l'aise – que partout ailleurs!
Tu ne sais pas, toi, qu'à l'aube, au Kremlin,
Et jusqu'à l'aube, je te prie comme un dieu.
Et tu passes au-dessus de la Neva,
Au moment où, au-dessus de la Moscova,
Je me tiens te te baissée,
Et les rerverbes tombent de sommeil.
De toute mon insomnie je t'aime,
De toute mon insomnie je t'écoute –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Lorsque partout dans le Kremlin
S'erveillent les carillonneurs.
Mais mon fleuve – avec ton fleuve,
Mais ma main – avec ta main
Ne se rencontrent pas, o ma Joie,
Tant que l'aube n'a pas rejoint l'aube nouvelle.

6

On pensait – un homme!
On l'a fait mourir.
Il est mort. A jamais.
– Pleurez sur l'ange mort!
A la fin du jour,
Il chantait la beaute du soir.
Trois flammes de cire
Tressaillent, superstitieusement.
Des rayons ermanaient de lui –
Cordes bru □ lantes sur la neige.
Et trois cierges de cire – et
Le tout au soleil! Au porteur de lumie`re!
O, regardez – comment les sombres
Paupie`res se sont enfonce`res!
O, regardez – comment
Ses ailes se sont briseres!
Le recitant noir recite,
Les gens oisifs fla □ nent...
– Le chantre mort repose
Et cerle`bre la resurrection.

7

Probablement – derrie`re ce petit bois
Le village, ou` je vivais.
Probablement – l'amour est plus simple,
Il est plus facile, que je ne croyais.
Oher! – Les diables, crevez donc!
Il s'est soulever, il a lever – le fouet –
Et, apre`s l'injure – le coup, cinglant,
Et, de nouveau, les grelots chantent.
Au-dessus des blers faiblissants, miserrables,
La perche se dresse – et apre`s elle une autre perche,
Et le fil de fer haut dans le ciel chante,
Et il chante la mort.

8

Et une nuere de mouches autour de haridelles indifferentes,
Et le cher andrinople de Kalouga gonfler par le vent,
Et le cri des cailles, et le grand ciel, et
Le flot des choches par-dessus le flot des blers,
Et les parlotes: les Allemands, – c'est assez mais jusqu'ou`! –
Et la croix tre`s jaune derrie`re le petit bois bleu,
Et la douce chaleur, et un tel erclat en tout,
Et ton nom, qui sonne comme: Ange.

9

Faible rayon dans les terne`bres noires de l'enfer –
Ta voix dans le grondement et l'explosion des obus.
Et la`, dans le tonnerre, comme un quelconque
Seraphin, elle annonce, cette voix sourde,
– On ne sait de quels anciens matins brumeux –
Combien il nous a aimer's, nous, aveugles et anonymes,
Et le manteau bleu, et le percher – de perfidie... Et
Combien – plus tendrement – plus fortement encore –
Combien il n'a cesser de t'aimer, Russie, disparue
A jamais dans la nuit – pour de tristes histoires!
Et ses doigts glissent – le long de ses tempes –
Ils semblent interroger – d'un geste perdu –:
Les jours nous attendent, et la tromperie de Dieu,
Et quel nom a` venir pour un soleil qui ne se le`vera plus...
Ainsi, prisonnier en te`te-a`-te`te avec lui-me`me,
(Ou bien cet enfant qui parle en re`vant)
Nous est apparu sur toute la vaste plaine –
Le cœ`ur sacrer d'Alexandre Blok.

10

Il regarde, la, fatigué des lointains,
Chef sans partisans,
La – et l'eau du torrent dans le creux de sa main –
Prince sans terres.
La – ou, pourtant, tout: possessions et soldats,
Et pain, et mère.
Ton héritage est beau, – dispose de lui,
Ami sans amis!

12

Vous, ses amis, – ne le dérangez pas!
Vous, serviteurs, – ne le dérangez pas!
On le voyait sur son visage:
Mon royaume n'est pas de ce monde.
Fatales, les neiges en rafales au long de ses veines
Et les épaules se courbaient sous le poids des ailes,
Et par la bouche et par le chant, dans l'ardeur qui
desseche,
Il a laissé son âme s'envoler comme un cygne.
Tombez, tombez donc, lourds ornements!
Les ailes connaissent leur pouvoir: voler!
Et les lèvres, qui répétaient ce mot: réponds!
Mourir n'existe pas, je le sais!
Il boit l'aurore, il boit la mer, – à sa soif,
Il festoie. – Et pas d'offices pour les morts!
Car celui qui pour toujours a dit: il faut être!
Aura du pain assez pour le nourrir.

13

Au-dessus de la plaine –
Le chant du cygne.
Mère, n'as-tu pas reconnu ton fils?
Lui – de très loin – au-delà des nuages,
Lui, – et son dernier pardon.
Au-dessus de la plaine,
La neige fatale, en tourbillons.
Jeune fille, n'as-tu pas reconnu ton ami?
Chasuble déchirée, ailes en sang...
Lui, et son dernier mot: – Vis!
Au-dessus de cette maudite...
L'envol aureroler. Le juste
S'empare d'une âme: hosanna!
Le forçat trouve – une couchette – la chaleur.
Et le fils adoptif la maison d'une mère. – Amen.

14

Pas une coque te cassée –
Une aile brisée.
Pas la poitrine traversée
Des fusillers. Cette balle
Ne peut s'extraire. Les ailes sont
Irreparables. Il vivait mutilé.
Tenace, elle est tenace la couronne d'épines!
Qu'importe au défunt – l'émotion de la masse,
Et le duvet de cygne des flatteries féminines...
Lui, il passait, solitaire, sourd,
Il figeait les couchers de soleil,
Absent, comme une statue sans regard.
Une seule chose vivait encore en lui:
Une aile brisée.

15

Sans cri, sans appel: un couvreur
Qui tombe d'un toit. – Mais,
Peut-être es-tu revenu, –
Peut-être, coucher dans un berceau?
Tu brûles et ne te consumes pas,
Flambeau, pour peu de temps...
Laquelle parmi les mortelles
Te berce, en ton berceau?
Fardeau bien-heureux!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Roseau prophétique!
Qui donc me dira
Dans quel berceau?
«Pas vendu, pour l'instant!»
Je ferai seulement, avec, en moi,
Cette jalousie, un vaste monde
Sur la terre de Russie.
Je traverserai d'un bout
A l'autre les terres de minuit.
Où est sa bouche – sa blessure – ,
Où sont le plomb, le bleu de ses yeux?
Le saisir! Toujours plus fort!
L'aimer, n'aimer que lui!
Qui me dira tout bas
En quel berceau tu es?
Des perles, une à une, et l'ombre,
Mousseline endormie. Ombre
D'une couronne aiguïserie,
D'erpines, pas de laurier.
Pas un rideau, un oiseau
Qui derplie ses ailes blanches!
– Et naître à nouveau
Pour qu'à nouveau la neige te couvre?
L'attirer plus fort! Le tenir
Plus haut! Ne garder que lui!
Qui me soufflera
En quel berceau tu es?
Mon exploit est peut-être faux,
Et mes efforts – vains.
Tu vas peut-être dormir,
Comme en terre, jusqu'au dernier chant.
Je vois à nouveau – le creux
Profond de tes tempes.
Aucune musique ne pourra
Effacer une telle fatigue.
La souveraine pâture,
Le silence suer, rouïler.
Le gardien me montrera
Le berceau.

16

Comme endormi, comme ivre,
Au derpourvu, sans preparation,
Creux des tempes:
Conscience aux aguets.
Orbites transparentes:
Mort et clarter.
Vitre transparente
Du re veur, du voyant.
N'est-ce pas toi
Qui n'as pas supporter
Le son de sa robe bruyante
De retour au pays de chez Hades
N'est-ce pas cette te te
Qui flottait, pleine de cliquetis
Argentins, le long
De l'Hebre endormi?

17

Rec ois, mon Dieu, rec ois mon obole
Pour la soliditer du temple. Je ne chante
Pas l'arbitraire de mon amour, je chante
La blessure de ma patrie...
Non le coffre rouïler de l'avare –
Ni le granit – user par les genoux!
Mais, pour tous: le herros et le tzar,
Pour tous – un juste – un chantre – la mort.
Le Dniepr brise la glace et la Russie
Coule vers toi, comme Pa ques. –
Et bouscule les planches du cercueil

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Dans une grande crue de mille voix.
 Pleure ainsi mon cœur, et chante la gloire!
 Et que l'amour mortel soit jaloux
 De tes cris – pour quelle autre millie`me fois? –
 Car cet amour-la` se rerjouit de ton chant.
 J'aime embrasser
 Les mains, et j'aime
 Donner des noms,
 Et aussi – ouvrir
 Des portes!
 – Grandes-ouvertes – sur la nuit noire!
 Et me tenir la te`te, te,
 Ecouter ce pas, lourd,
 Quelque part, qui devient l'ergger,
 Et le vent, qui secoue
 La somnolante, l'insomniaque
 Fore`te.
 Et la nuit!
 Quelque part, des sources coulent,
 Le sommeil me gagne.
 Je dors presque.
 Quelque part, un homme,
 Dans la nuit, s'enfonc. e.
 Dans ma tre`s grande ville – la nuit.
 Je quitte – la maison endormie.
 Les gens pensent: une femme, une fille, –
 Mon seul souvenir: – la nuit – .
 Le vent de juillet me pousse – en chemin,
 Et la` une musique par la fene`tre – un rien.
 Le vent, aujourd'hui, jusqu'a` l'aube – soufflera
 Au travers de la poitrine – dans la poitrine.
 Un peuple noir, et, par la fene`tre – une lumie`re,
 Et le carillon de la tour, et dans la main – une fleur,
 Et ce pas-la` n'embo`te le pas de personne,
 Et cette ombre-la` – n'est pas la mienne.
 Les feux de la feuille nocturne dans la bouche,
 Comme les cha`nes des colliers en or – le gou`te!
 Delivrez-moi des liens diurnes, amis,
 Comprenez, je ne suis pour vous qu'un re`ve.
 Noire comme la pupille, comme la pupille tu suc. es
 La lumie`re – et je t'aime, nuit – qui vois si bien.
 Laisse ma voix te chanter, aieule des chants,
 Qui tiens la bride des quatre vents. Je t'appelle,
 Je chante tes louanges et ne suis qu'un coquillage
 Que la voix de l'ocera`n n'a pas encore derserter.
 J'ai derja` trop regarder dans la pupille des hommes!
 Nuit! Rerduis-moi en cendres, soleil noir, – nuit!
 Qui dort, la nuit? Personne ne dort!
 L'enfant, dans son berceau, crie,
 Le vieillard veille a` sa propre mort,
 Et le jeune garc`on parle a` sa jolie;
 Il souffle sur ses le`vres,
 Il la regarde dans les yeux.
 Si tu t'endormais, ou` serais-tu, a` ton rerveil?
 Nous aurons, nous aurons bien le temps de dormir!
 Le garde au regard vigilant passe
 De maison en maison, avec sa lanterne rose.
 Et, sur l'oreiller, ce qui, par morceaux, gronde,
 Agite sa bruyante cre`celle: – ne dors pas –
 Tiens bon! J'insiste! Sinon – l'erternel
 Sommeil! – Sinon – la maison erternelle.
 Voici – de nouveau – une fene`tre,
 Ou` – de nouveau – on ne dort pas.
 On y boit du vin – peut-e`tre –,
 On n'y fait rien – peut-e`tre –.
 Ou alors, tout simplement,
 Deux mains ne peuvent se serparer.
 Il y a, dans chaque maison,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Ами, une fene □ tre pareille.
Le cri des serparations, des rencontres –
Toi, fene □ tre dans la nuit!
Des centaines de bougies – peut-e □ tre –,
Trois bougies – peut-e □ tre... –
Pas cela, et pas de repos
Pour mon esprit.
Et cela – cette chose me □ me –
Dans ma maison.
Prie, mon ami, pour la maison sans sommeil,
Pour la fene □ tre erclairere!

Poemes pour Akhmatova

1

O muse des pleurs, la plus belle des muses!
Toi, acolyte perdue de la nuit blanche!
Tu jettes sur les Russes ta sombre tempe □ te,
Et tes hauts cris nous percent, comme des fle`ches.
Nous bondissons de co □ ter, et sourdement: ah! –
Des milliers de fois – nous te jurons fiderliter. – Anna
Akhmatova! – Ce nom me □ me – vaste soupir,
Tombe dans des profondeurs qui n'ont pas de nom.
Nous portons une couronne, a` seulement fouler
La me □ me terre que toi, sous le me □ me ciel – que toi!
Et celui que blesse ton destin mortel
S'ertend immortel derja` sur son lit de mort.
Sur ma ville qui chante, les coupoles brillent,
Et l'aveugle qui passe cerle`bre les louanges du seigneur...
– Moi, – je t'offre ma ville avec ses cloches,
Akhmatova! – et aussi mon cœur, en plus.

3

Encore un immense battement –
Et les cils dorment.
Corps gentil! Poussie`re
D'un oiseau lerger!
Que faisais-tu dans le brouillard
Des jours? J'attendais, je chantais...
Et tant de soupirs en elle,
Et si peu de chair...
Gentille – inhumainement,
Sa somnolence.
Avec quelque chose
De l'ange et de l'aigle.
Elle dort, et le chœur l'appelle
Vers les jardins de l'Eden.
Comme si le dermon endormi
N'ertait pas saturer de chansons.
Les heures, les anneres, les sie`cles. –
Sans nous – sans nos chambres.
Et le monument, qui se penche, –
Ne se souvient plus.
Depuis longtemps, le balai reste inactif,
Et se flertrissent, obserquieusement,
Au-dessus de la Muse de Tsarskoer Selo,
Les croix d'orties.

5

Tant de compagnons, tant d'amis –
Et tu n'es l'ercho de personne.
L'amertume et la fierter
Commandent cette tendre jeunesse.
Tu te souviens de cette journere folle
Et enragerre: le port, la menace des vents du sud,
Les hurlements de la Caspienne – et,
Dans la bouche, l'aile d'une rose.
Et cette tzigane qui t'a donner
Cette pierre, si bien sertie, – et
Cette tzigane qui t'a menti
A propos de la gloire...
Et, – tre`s haut, pre`s des voiles –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
L'adolescent en caban bleu.
Le grondement de la mer – et l'appel,
– Redoutable de la Muse blessée.

6

Tu ne trahiras pas. Moi, – je suis le prisonnier.
Toi, – le gardien. Nous avons le même destin.
Nous avons la même feuille de route
Pour ce territoire vide, vide.
Moi, – je suis d'une humeur tranquille!
Mes yeux sont transparents!
Gardien, laisse-moi aller
Jusqu'à ce pin.

8

Sur le marcher, les gens criaient,
La fumée sortait de la boulangerie
J'ai le souvenir de la bouche vermeille
D'une chanteuse de rue au visage allongé.
Dans un chalet sombre – avec des fleurs –,
– Pour être honorée – et
Toi, les yeux baissés, dans la foule
Des croyants, devant la cathédrale.
Prie pour moi, beauté
Triste et diabolique,
On t'érigera pour toi des échafaudages,
Comme pour la vierge du village.

9

Vers Anne, à la bouche d'or,
De toute la Russie, son verbe, et
Son expiation, – toi, vent, porte
Ma voix, et ce lourd soupir.
Parle, horizon en feu, parle
De ces yeux, noirs de douleur,
Et, doucement, salue, jusqu'à terre,
Parmi les champs dorés.
Raconte, eau verte des ruisseaux,
Dans les bois, raconte cette nuit-là
Ou j'ai vu en toi, et quel visage
J'ai vu, de mes propres yeux.
Toi, retrouver,
Dans la hauteur, avec le tonnerre,
Toi, l'anonyme,
Porte mon amour
A Anne, bouche d'or de toutes les Russies.

11

Tu me caches le soleil, – là-haut,
Toutes les étoiles dans le creux de ta main!
Et si, – portes grandes-ouvertes –
Comme le vent – j'entrerais chez toi!
Et puis balbutier et rougir,
Baisser les yeux tout à fait,
Et sangloter pour m'apaiser,
Comme un enfant pardonner.

12

Les deux bras me sont donnés – pour les tendre à tous, –
Mais ils me fuient. Les lèvres – pour donner des noms,
Les yeux – pour ne pas voir, les sourcils tout au-dessus –
Pour s'étonner tendrement de l'amour et de l'absence d'amour –
Plus tendrement encore. La cloche, là-bas, plus lourde
Que celle du Kremlin, sonne, et sonne dans ma poitrine, –
ainsi,
Qui sait? – Je ne sais pas, – peut-être, – il se peut, – ainsi,
Je ne m'inviterai pas longtemps sur la terre russe!
Un soleil blanc et de très, très bas nuages,
Le long des potagers – derrière le mur blanc –,
Un cimetière. Et sur le sable des rangers d'épouvantails
De paille, sous des linteaux à hauteur d'homme.
Pencher par-dessus les pieux de la palissade,
Je vois des routes, des arbres, des soldats en désordre.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Une vieille paysanne, pre`s d'un portillon ma`che,
Ma`che une tranche de pain noir avec du gros sel...
Pourquoi ce courroux contre ces maisons grises, –
Seigneur! – Et pourquoi trouver tant de poitrines?
Le train passe et hurle, et hurlent les soldats,
Et le chemin se couvre de poussie`re, et il s'erloigne...
–Pluto` t mourir! Pluto` t ne jamais e`tre nere,
Que, la`, pour ce pitoyable cri plaintif de forc`at
Vers les belles aux sourcils noirs. – Comme ils chantent
Aujourd'hui les soldats! O Seigneur mon Dieu!
Tu es ma rivale, et je viendrai chez toi,
Un jour quelconque, une certaine nuit claire,
Quand les grenouilles hurleront dans l'ertang,
Et que les femmes seront folles de pitier.
Je m'attendrirai sur le palpitement
De tes paupie`res et sur tes cils, jaloux,
Je te dirai: je n'existe pas vraiment,
Je ne suis qu'un re`ve, dans ton sommeil.
Je te dirai: console-moi, console-moi.
Quelqu'un enfonce des clous dans mon c`ur!
Je te dirai, a` toi: le vent est frais,
Les ertoiles – au-dessus des te`tes – sont chaudes...

Aux juifs

Toi, buisson de roses ardentes, qui
Ne t'a piertiner, qui ne t'a ercraser!
Seul immuable laisser sur terre,
Apr`es lui, par le Christ.
Israe`l! Ton deuxie`me re`gne
Approche. Vous nous avez payer
De votre sang toutes les oboles:
Herros! Tra`tres! Prophe`tes, mercantiles!
En chacun de vous – me`me s'il compte son or
Dans son baluchon, pre`s d'une chandelle –
Le Christ parle plus fort qu'en Marc,
Ou Matthieu, ou Jean, ou Luc.
D'un bout a` l'autre de la terre:
Crucifixion et descente de Croix...
Avec le dernier de tes fils, Israe`l,
C'est le Christ que nous enterrons.
J'aimerais vivre avec Vous –
Dans une petite ville
Aux crepuscules erternels,
Aux erternelles cloches –
Avec la sonnerie derlicate
D'une horloge ancienne – les gouttes du temps –
Dans une petite auberge de campagne.
Et le soir, quelquefois, d'une mansarde ou l'autre –
Une flu`te,
Et le flu`tiste a` la fene`tre.
Et de grandes tulipes aux fene`tres.
Vous ne m'aimeriez, peut-e`tre, me`me pas.
Au milieu de la chambre – un poe`le de faience ernorme,
Avec sur chacun des carreaux – une image:
Une rose – un c`ur – un bateau –
Et derriere`re l'unique fene`tre:
La neige, la neige, la neige.
Vous seriez coucher – comme je vous aime: insouciant,
Indifferrent, paresseux.
De temps en temps, le brusque frottement
D'une allumette.
La cigarette s'allume, s'erteint,
Et longtemps, longtemps, tremble a` son extrermiter
Un court cylindre gris – la cendre.
Vous e`tes trop paresseux pour la secouer.
Et toute la cigarette vole dans le feu.

Don Juan
1

A l'aube froide,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Sous le sixième bouleau,
Au coin, près de l'église,
Attendez, Don Juan!
Je vous le jure, sur mon fiancé,
Hélas, et sur ma vie,
On ne sait, dans mon pays,
Ou s'embrasser!
Chez nous, pas de fontaine
Et les puits sont gelés, –
Et les Saintes Vierges
Ont des yeux servés.
Et pour que les belles
N'écoutent pas les vaines
Paroles, – nous avons
Un très sonore carillon.
Je pourrais vivre ainsi,
Mais j'ai peur – de vieillir,
Et puis, mon beau, ce pays
Ne vous convient pas.
Dans un manteau d'ours,
Qui vous reconnaîtrait? –
Si ce n'était les lèvres,
Vos lèvres, Don Juan!

2

Longtemps la tempe te, et les pleurs
De la neige. – A l'aube brumeuse,
On a couché Don Juan
Dans un lit de neige.
Ni bruyantes fontaines,
Ni chaudes étoiles...
Sur la poitrine de Don Juan,
Une croix orthodoxe.
Afin que la nuit éternelle
Soit plus claire – pour toi,
J'ai apporté un éventail,
Noir, de serville...
Et pour que tu vois
De tes propres yeux, la beauté
Des femmes, – cette nuit
Je t'apporterai un cœur.
Dormez en paix, maintenant!
De très loin vous êtes venu,
Ici, chez moi. Votre liste
Est complète, Don Juan!

3

Après tant de roses, de villes, de toasts –
Comment n'êtes-vous pas fatigué
De m'aimer? Vous – presque un squelette,
Moi – presque une ombre.
Vous avez du recourir aux forces
Célestes? – Que m'importe! – Et
Que m'importe cette odeur de Nil
Qui vient de mes cheveux?
Moi – c'est mieux –, je vous raconte
Le conte: c'était en janvier. Quelqu'un
A jeté une rose. Un moine masqué
Portait une lanterne. Une voix
Ivre, – priait et s'emportait,
Près du mur de la cathédrale.
Don Juan de Castille, alors,
Rencontra Carmen.

4

Il est minuit – juste.
La lune – un épervier.
– Tu regardes – quoi?
– Je regarde – c'est tout!
– Je te plais? – Non.
– Tu me reconnais? – Peut-être.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Je suis Don Juan.

– Et moi – Carmen.

5

Don Juan avait – une er'pere,

Don Juan avait – Dona Ana.

C'est tout ce que les gens m'ont dit

Du beau, du malheureux Don Juan.

Mais aujourd'hui, j'ai ruser:

A minuit juste, je suis allere sur la route.

Quelqu'un a marcher pre`s de moi,

Il rerpertait des noms.

Et une er'trange crosse – blanchissait dans la brume...

– Don Juan n'a jamais eu – Dona Ana!

6

Et la ceinture de soie, – le serpent

Du paradis, – tombe a` ses pieds...

Et on me dit – Je me calmerai,

Un jour, la`-bas, sous la terre.

Je vois mon profil hautain et

Vieux, sur le brocard blanc.

Et quelque part – des gitanes – des guitares –

Et de jeunes hommes en manteaux noirs.

Alors, quelqu'un, cacher sous un masque:

– Reconnaissez-moi! – Je ne sais pas –

Reconnaissez-moi! –

Et la ceinture de soie tombe

Sur la place – ronde, comme le paradis.

Tu es sortie d'une cathedrale auste`re et fine

Pour les criailleries de la place publique...

– Liberte`r! – La Belle Dame

Des marquis et des princes russes.

Voici, en cours, la terrible rerpertition

Du chœur, – la messe continuera!

– Liberte`r! – Fille de joie

Sur la poitrine folle d'un soldat!

Embrasser sur le front – efface les soucis.

J'embrasse sur le front.

Embrasser sur les yeux – supprime l'insomnie.

J'embrasse sur les yeux.

Embrasser sur la bouche – donne a` boire.

J'embrasse sur la bouche.

Embrasser sur le front – efface la mermoire.

J'embrasse sur le front.

Brumes Anciennes de L'Amour

1

Au-dessus des contours du cap noir –

La lune – chevalier dans son armure.

Sur le quai – haut de forme, fourrures,

Je voudrais: une actrice, un poe`te.

Vaste souffle du vent, –

Souffle des jardins du nord, –

Vaste souffle malheureux:

Ne laissez pas tra`ner mes lettres.

2

Ainsi, les mains enfonce`res dans les poches,

Je suis la`, debout. La route bleuit.

– Aimer de nouveau, et quelqu'un d'autre?

Toi, tu pars, le matin to` t.

Chaudes brumes de la City –

Dans tes yeux. Eh bien, c'est ainsi.

Je me souviendrai – seulement ta bouche

Et ton cri passionner: – vivre!

3

Il lave le rouge le plus lumineux –

L'amour. Essayez un peu leur gou` t,

Elles sont saleres – les larmes. J'ai peur,

Moi, demain matin – de me lever morte.

Des Indes, envoyez-moi des pierres.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Quand nous reverrons-nous? – En re ò ve.
– Quel vent! – Salut a` l'erpouse,
Et a` l'autre dame, – aux yeux verts.

4

Le vent jaloux fait bouger le cha ò le.
Cette heure m'ertait pre`destinere, depuis toujours.
– Je sens, autour des le`vres et sur les paupie`res
Une tristesse presque animale.
Cette faiblesse le long des genoux!
– Ainsi la voila`, la fle`che divine! –
– Quelle lueur d'incendie! – Aujourd'hui
Je serai la farouche Carmen.
... Ainsi, les mains enfonceres dans les poches,
Je suis la`, debout. – Entre nous, l'oceran.
Au-dessus de la ville – brumes, brumes,
Brumes anciennes des amours.
Je me souviens du premier jour, la ferrociter des nouveaux-ners,
La brume divine des langueurs, et la gorgere,
L'insouciance totale des mains, le cøur qui manque de cøur,
Et qui tombe comme une pierre – ou un erpervier –
sur la poitrine.
Et puis voila`, dans les gestes de la pitier et de la fie`vre,
Une seule chose: hurler comme un loup, une seule:
se prosterner,
Baisser les yeux – comprendre – que le cha ò timent
de la volupter
Est cet amour cruel, cette passion de forc ò at.
Rouen

Je suis entre`re, et j'ai dit: – Bonjour!
Il est temps, roi, de revenir en France, chez toi!
Et de nouveau, je te conduis vers le sacre,
Et de nouveau, tu vas me trahir, Charles VII!
N'esperrez pas, prince avare et morose,
Prince exsangue et sans courage,
Que Jeanne n'aime plus – les voix,
Que Jeanne n'aime plus – son erpere.
Il y a dans Rouen, a` Rouen – le vieux marcher...
– Et de nouveau: le dernier regard du cheval,
Le premier cre`pitement du petit bois innocent,
Puis la premie`re flamme des fagots.
Et derri`re mon erpaule – mon compagnon ailer
Chuchotera de nouveau pour moi: courage, Søur! –
Quand le sang du bois de mon bu ò cher
Fera briller les armures d'argent.
J'ai fe ò ter seule la nouvelle annere.
Moi, riche, j'ertais pauvre,
Moi, avec mes ailes, j'ertais damnere.
Quelque part, beaucoup, beaucoup de mains
Serreres – et beaucoup de vins vieux.
Avec ses ailes, elle ertait damnere!
Et elle, l'unique ertait – seule!
Comme la lune – seule, sous le regard de la fene ò tre.
Tu t'es lever pour la Patrie,
Sur ton poignard, tu as ercrit –: Marina.
J'ai ertter la premie`re et l'unique
Dans ta vie extraordinaire.
Je me souviens: la nuit, un visage aureroler,
Dans l'enfer d'un wagon pour soldats.
Je laisse mes cheveux au vent, et
Dans un coffret, je garde les erpaulettes.
Le Don
Garde blanche, haute est ta destinere:
Le trou noir vise ta poitrine et ta tempe.
Tu combats pour Dieu, ta cause est juste:
Le sable engloutira ton corps douloureux et pur.
Ce n'est pas un vol de cygnes dans le ciel:
C'est la sainte force blanche qui s'efface,
Qui s'efface comme une vision blanche...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Dernier re \square ve – de l'ancien monde:
 Vaillance, – Jeunesse, – Vendere, – Don.
 Celui qui en r'erchappe – va mourir, celui qui en meurt –
 revivra.
 Et puis les descendants, au souvenir de ces temps anciens:
 – Ou` ertiez-vous? – La question, comme un coup de tonnerre,
 Et la r'erponse, comme un coup de tonnerre – sur le Don!
 – Qu'avez-vous fait? – Nous avons souffert dans
 les tourments,
 Puis, fatigues, – nous nous sommes couchés pour dormir.
 Et, dans le dictionnaire, les petits enfants re \square veurs
 Apr' s le mot: devoir, e'criront le mot: DON...
 Difficile et miraculeuse – fider'liter jusqu'a` la mort!
 La magnificence des tzars – au sie`cle des places
 envahies!
 Ames r'esistantes, poitrines r'esistantes, –
 Ou` e \square tes-vous, hommes des temps anciens?!
 La licence, comme un Tatar roux, d'evaste
 Et r'erduit en poussie`re l'autel et le tro \square ne.
 Au-dessus des cendres – les clameurs du festin
 De soldats d'erserteurs et de femmes adulte`res.
 Je rentre a` la maison – non comme un imposteur,
 Et non comme une servante – je n'ai pas besoin de pain.
 Moi – ta passion, ton repos du dimanche,
 Ton septie`me jour, ton septie`me ciel.
 La`-bas, sur terre, on me donnait des pie`ces,
 On attachait des meules de pierre a` mon cou.
 – Mon bien-aimer! – Pourrais-tu ne pas me reconna \square tre?
 Moi, – ton hirondelle – ta Psyche!
 Rec \square ois, ma douceur, des guenilles
 Qui furent autrefois une chair d'erlicate.
 Tout est user, tout est d'erchirer, –
 Seules restent encore les deux ailes.
 Reve \square ts-moi de ta splendeur,
 Pardonne-moi, sauve-moi, mais
 Les pauvres haillons en poussie`re –
 Porte-les a` la sacristie.
 Je te raconterai – la grande duperie:
 Je te raconterai le brouillard, quand il tombe
 Sur les jeunes arbres et sur les vieilles souches.
 Je te raconterai les lumie`res qui s'erteignent
 Dans les petites maisons – et le tzigane – e'rtranger
 Venu des lointains ergyptiens – qui souffle dans son roseau.
 Je te raconterai – le grand mensonge:
 Je te raconterai le couteau, serré entre des doigts
 Etroits, – les boucles des jeunes et la barbe des vieux,
 Souleveres par le vent des sie`cles.
 Et la rumeur du sie`cle.
 Et les bruits des fers, sous les sabots.
 On frappe prudemment trois fois.
 Tendre ennemi, ami peu su \square r, – Tu
 Ne me tromperas pas! Tu n'es pas un pe`lerin
 Au terme de sa route. – C'est ainsi
 Qu'on frappe au c \square ur – pour l'amour.
 C'est ainsi que l'Enfer noir
 Baisse les yeux pour frapper au Paradis.
 Je suis. Tu – seras. Entre nous – un gouffre.
 Je bois. Tu as soif. S'entendre – en vain.
 Dix ans, cent millier'naires nous serparent. –
 Dieu ne ba \square tit pas de ponts.
 Sois! – C'est mon commandement.
 Laisse-moi passer, je n'ercraserai pas les jeunes pousses.
 Je suis. Tu – seras. Dans dix printemps, tu diras:
 – Je suis! Moi, je dirai: – C'est trop tard.
 Je mourrai, et ne dirai pas: j'ai e`r te`r. Sans
 Me plaindre, et sans chercher de coupables. Il est
 Au monde des choses plus serrieuses que les orages
 Passionnels et les hauts faits de l'amour.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Toi, tu cognais de l'aile a` ma poitrine,
 Jeune coupable de mon inspiration –
 Moi – je te l'ordonne: – Sois!
 Moi, et sans sortir de la soumission.
 Ces mains, dont l'amoureux n'a pas besoin,
 Servent – le Monde. Et la Lyre
 Nous couronne de ce titre glorieux:
 Epouse du Monde.
 Beaucoup ne sont pas conviers au festin royal, –
 Il leur faut alors, pour tout souper, un chant!
 L'amant n'est pas eternal, le Monde est eternal.
 On ne le sert pas en vain.
 La Blancheur menace la Noirceur.
 Le temple blanc menace tombeaux et tonnerre.
 Le juste pa □ le menace Sodome, non pas
 De son glaive – mais du lys de son bouclier!
 Blancheur! Cercle symbolique!
 Cuves baptismales! Cheveux blancs fatidiques!
 Et les vilains reconna□tront leur seigneur
 A la fleur qui fleurit □ ses mains.
 Le loup – n'a peur que de l'agneau, et
 La forteresse ne se rend qu'a` un ange.
 Festoiments – dans les caves et les sentines!
 Il gagne la capitale, le regiment blanc!
 Ma journaliere, le der'sordre et l'absurde:
 Au pauvre, je reclame du pain,
 Au riche, je donne, pour sa pauvreter!
 J'enfile dans l'aiguille – une lueur,
 Au voleur, j'offre – la clef,
 Je mets du blanc sur ma pa □ leur.
 Le pauvre ne me donne pas de pain,
 Le riche n'accepte pas mon argent,
 La lueur ne passe pas dans l'aiguille.
 Le voleur entre sans la clef,
 Et l'idiote pleure a` chaudes larmes –
 Ce jour sans gloire, ce jour inutile.
 – Ou` sont les cygnes? – Et les cygnes sont partis.
 – Et les corbeaux? – Et les corbeaux sont resters.
 – Ou` sont-ils partis? – La` ou` sont les grues.
 – Pourquoi sont-ils partis? – Pour ne pas perdre leurs
 plumes.
 – Et papa, ou` est-il? – Dors, dors, le Sommeil,
 Sur son cheval des steppes va venir nous chercher. –
 – Ou` nous emme nera-t-il? – Sur le Don des cygnes,
 – La`, j'ai, tu le sais! – un cygne blanc.
 Les poe mes poussent,
 des ertoiles,
 des roses,
 Et de la beauter
 – inutiles pour la vie familiale.
 Quant aux couronnes
 et aux apotheroses –
 Une seule reponse:
 – d'ou` cela me vient-il?
 Nous dormons –
 et puis, au travers des dalles de pierre,
 L'ho □ te cerleste
 avec ses quatre pertales.
 O monde, comprends!
 Le chantre – dans son sommeil –
 Dercouvre les lois de l'ertoile
 et la formule de la fleur – .
 Chaque poe me – un enfant de l'amour,
 Un enfant eternal, dermuni de tout.
 Un premier-ner – poser pre`s
 De l'orniere, en plein vent.
 L'enfer au c□ur, l'autel au c□ur,
 – Le paradis et la honte. – Qui

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Est le pe re? Un tzar, peut-e ò tre?
 Peut-e ò tre un tzar – peut-e ò tre un voleur.
 Il nous faut courageusement l'avouer, Lyre!
 Nous avons du gou ò t pour les grands de ce monde:
 Pour les ma ò tures et les drapeaux, les erglises, les tzars,
 Les bardes, les herros, les aigles et les vieillards,
 Quand on jure fiderliter aux royaumes,
 On ne confie pas le Pavillon a` tous les vents.
 Tu connais le tzar – reste a` distance du piqueur!
 La fiderliter nous tenait comme un grappin:
 Fiderliter a` la grandeur – a` la faute – au malheur,
 Fiderliter a` la grande faute de la couronne!
 Quand on jure fiderlite au – Khan,
 On ne jure pas oberissance a` la horde.
 En ce sie`cle, nous n'avons trouver que du vent, Lyre!
 Le vent a mis en lambeaux les tuniques, et
 Le dernier chiffon flotte sur le Pavillon...
 De nouvelles foules, pour de nouveaux drapeaux!
 Nous, nous resterons fide`les a` nos serments,
 Car ce sont de mauvais chefs, les vents.
 Si l'a ò me est nere avec des ailes
 Que lui importe les palais et les masures!
 Que lui importe Gengis-Khan ou la horde!
 J'ai deux ennemis, ici-bas,
 Deux jumeaux – inserparables:
 La faim des affamer's – et la richesse des riches.
 Je ne te ge ò ne pas, je ne te donne
 Pas un poison de femme.
 Je te donne ma main fide`le –
 La droite, celle qui ercrit.
 Celle avec laquelle je bernis,
 Pour la nuit – ma fille cherrie.
 Celle avec laquelle j'ercri
 Ce que Dieu me commande.
 La gauche – est impertinente,
 Maligne, astucieuse; tiens,
 Je te donne ma main – ma main
 Droite, celle qui est juste.
 Pour toi, je noie dans un verre
 Une poignere de cheveux bru ò lers.
 Tu ne mangeras plus, tu ne chanteras plus,
 Ne boiras plus, ne dormiras plus.
 Pour que ta jeunesse – soit sans joie,
 Pour que ton sucre – soit sans douceur,
 Pour que la nuit c ò a ne marche pas, dans le noir,
 Avec ta jeune erpouse.
 Comme l'or de mes cheveux est
 Devenu cendre grise, les anneres
 De ta jeunesse deviendront
 Blanches comme l'hiver.
 Tu seras aveugle, – sourd,
 Tu te dessercheras, – comme la mousse,
 Tu expireras, – comme un soupir.
 Tzar, Dieu! Pardonnez aux faibles –
 Aux petits, – aux naifs, – aux percheurs, – aux
 extravagants,
 Entrañner's dans l'horrible tourmente,
 Serduits, tromper's, –
 Tzar, Dieu! Dans l'atroce supplice,
 Ne tuez pas Stenka Razine!
 Tzar! Dieu te le rendra! Nous avons
 Eu assez de cris d'orphelins! Assez
 De morts! – Fil's de tzar,
 Pardonne au Brigand!
 Vers la maison paternelle – les chemins sont divers!
 Gra ò ce pour Stenka Razine!
 Razine! Razine! Ton histoire est termine!
 L'animal rouge mater', attacher'.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Ses dents horribles briseres.
 Mais pour sa vie, sa sombre vie
 Et pour sa bravoure absurde,
 Liberez Stenka Razine!
 Patrie! Source et embouchure!
 Et quelle joie! De nouveau c' a sent la Russie!
 Etincelez, yeux ternis!
 Rejouis-toi, c'ur russe!
 Tzar, Dieu! C'est la fe te:
 Liberez Stenka Razine!
 Je n'ai plus besoin de toi,
 Mon cher, – non parce que
 Tu n'as pas ecrit aussito t,
 Non parce que tu vas
 Derchiffrer en riant
 Ces lignes ecrites avec tristesse,
 (Ecrites par moi, seule –
 A toi, seul! – Pour la premie`re fois! –
 Tu les devineras, sans e`tre seul.)
 Non parce que des boucles
 Fro`leront ta joue – je sais,
 Moi aussi, lire a` deux! –
 Non parce qu'ensemble –
 Sur des majuscules incertaines –
 Vous allez vous pencher et soupiner.
 Non parce que, bien ensemble,
 Soudain, vos paupie`res se fermeront –
 Mon ecriture est difficile, –
 Et, en plus des vers!
 Non, cher ami, – c'est plus simple,
 C'est plus fort qu'un derpit:
 Je n'ai plus besoin de toi –
 Parce que, parce que
 Je n'ai plus besoin de toi!
 Non, personne ne le saura –
 Ne pourra et ne voudra le savoir! –
 Combien, dans l'insomnie, ma conscience passionnere
 Use ma jeune vie!
 Elle m'ertouffe sous l'oreiller, elle sonne le tocsin,
 Elle murmure toujours le me`me mot...
 – Elle transforme en cet enfer trois fois damner
 Un petit, un idiot percher verniel.
 Une ertoile au-dessus du berceau – et une ertoile
 Au-dessus du cercueil! Et, au milieu –
 Comme un tas de neige bleue – une longue vie. –
 Bien que je sois ta me`re,
 Je n'ai plus rien a` te dire,
 Mon ertoile.
 Je confie ce livre au vent
 Et aux cygnes qui passent.
 Pour crier plus fort que la serparation –
 Il y a peu, j'ai briser ma voix.
 Ce livre, comme une bouteille a` la mer,
 Je le jette dans le tourbillon des guerres;
 Afin qu'il voyage, simplement, de la main
 A la main, comme un cierge dans une fe`te.
 Vent, vent, mon fide`le termoin,
 Va dire a` ceux que j'aime
 Que chaque nuit, dans mes re`ves,
 Je fais le chemin – du Nord au Sud.
 Il s'approchera sans bruit, furtivement –
 Comme minuit dans une fore`t impernertrable.
 Je sais: dans un vaste tablier,
 Je vous apporterai une colombe.
 Ainsi: je serai sur le seuil, – immobile!
 Avec le poids du plomb – la honte. Mais,
 L'oiseau dans le tablier sera a` l'etroit,
 Et l'oiseau – s'envolera, de lui-me`me!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Tu observes ma périssable fragilité
 Presque en silence. – Toi,
 Tu es de pierre, – moi, je chante, –
 Toi, tu es un monument, moi, je vole.
 Je sais, au regard de l'éternité,
 Le plus tendre mai n'est rien.
 Je suis un oiseau, ne m'en veux pas, si
 Je n'applique pas pour moi une loi si large.
 Ne juge pas trop vite: le jugement
 Terrestre est fragile! Et que la couleur
 Des mersanges ne soit pas obscurcie –
 Par la blancheur des colombes.
 D'ailleurs – fais ce qu'il te plaît!
 Car, si j'ai aimé tout le monde,
 Il se peut qu'un jour sombre –
 Je revienne à moi, plus blanche que toi.
 L'un est de pierre, l'autre d'argile, –
 Toute d'argent, moi – je brille!
 Mon affaire – trahir, mon nom – Marina,
 Moi, – périssable écume de la mer.
 L'un est d'argile, l'autre de chair –
 Pour eux, tombes et pierres tombales...
 Pour moi – la mer – et ses fonts baptismaux –
 Et je suis, dans mon vol, – sans cesse brisée!
 Ma volonté passe au travers de tous
 Les cours, au travers de tous les filets.
 De moi – vois-tu ces mèches folles? –
 Personne ne tirera du sel de terre.
 Je me brise contre vos genoux de granit,
 Mais, avec chaque vague, – je ressuscite.
 Salut à l'océan – à l'écume joyeuse –
 La haute écume de la mer!
 Un côté de la fenêtre s'est ouvert.
 Un côté de l'autre est apparu.
 Ouvrons donc – aussi l'autre côté,
 Et cet autre côté de la fenêtre.
 Chanson
 Hier encore il me regardait dans les yeux,
 Aujourd'hui – il louche plutôt de côté!
 Hier encore il restait jusqu'au chant des oiseaux –
 Aujourd'hui – toute alouette – corbeau!
 Moi, la sottise, mais toi, l'intelligence,
 La vie, et moi l'inertie.
 Et ce cri des femmes de tous les temps:
 «Qu'est-ce que je t'ai fait, mon amour?!»
 Et les larmes pour elle – de l'eau et du sang –
 De l'eau – dans le sang, dans les larmes elle se lave!
 Pas une mère, une marâtre – l'Amour:
 N'attendez de lui ni justice ni pitié.
 Les navires enlevés les amants,
 La route blanche les entraîne...
 Et ce germinement vaut pour toute la terre:
 «Qu'est-ce que je t'ai fait, mon amour?!»
 Hier encore – coucher à mes pieds!
 Il me comparait à l'empire de Chine!
 Soudain ses deux mains se sont écartées, –
 Ma vie est tombée – comme un sou rouillé!
 Comme une infanticide devant les juges
 Je suis là debout – mal aimée, sans défense.
 Je te le dirais même en enfer:
 «Qu'est-ce que je t'ai fait, mon amour?!»
 J'interroge la chaise, j'interroge le lit:
 «Pour quoi, ce que j'endure, pour quoi cette
 détresse?»
 «Finis les baisers – vient la torture:
 A d'autres les baisers», – répondent-ils.
 A cette vie en plein feu, tu m'habitues,
 Puis tu m'abandonnes – dans la steppe glacée!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Voila` ce que toi, mon amour, tu m'as fait!
 Mon amour, a` toi – qu'est-ce que, moi, je t'ai fait?
 Je sais tout – ne dis pas le contraire!
 Lucide, a` nouveau – et derja` plus ta maîtresse!
 La` ou` l'Amour ce`de le terrain,
 La` s'avance la Mort-Jardinier!
 Seule – pourquoi secouer l'arbre! –
 L'heure venue la pomme mu`re tombera.
 – Pour tout, pardonne-moi, mon amour –
 Pour tout ce que je t'ai fait!
 Ils sont partis – ils s'en sont allés –. Ils
 Sont passés dans le camp ou` tout se me`le,
 Dans le camp blanc des migrants,
 Et des pigeons – et des cygnes –,
 D'eux, et de toi, ma Grandeur,
 Je parle, – reponds-moi!
 Pour les jeunes bois de che`ne, qui poussaient
 Vers le ciel – et n'ont pu grandir, pour ceux
 Qui sont tombés et ne se sont pas relevés, –
 Pour ceux qui sont allés camper dans l'éternité,
 Pour toi, notre Honneur,
 Je gémis – fais-moi signe!
 Chaque soir, chaque soir, mes bras
 Vont a` votre rencontre! La`-bas.
 Dans la vaste étendue des colombes –
 Ils sont nombreux, ceux que j'aime.
 Je suis depuis trop longtemps
 Dans la Russie des rouges – enle`ve-moi!
 Je le sais, je mourrai au crépuscule, ou le matin ou le soir!
 Auquel des deux, avec lequel des deux – c`a ne se commande
 pas!
 O s'il était possible que mon flambeau s'éteigne deux fois!
 Je suis passée sur terre d'un pas de danse! – Fille du ciel!
 Un tablier plein de roses! – Sans écraser les jeunes pousses!
 Je le sais, je mourrai au crépuscule, ou le matin ou le soir!
 Dieu n'enverra pas une nuit d'herpès pour mon a`me de
 cygne!
 D'une main douce, j'écartèrai la croix sans l'embrasser,
 Je m'élançerai dans le ciel gémireux pour un dernier salut.
 La faille du crépuscule, ou le matin ou le soir – et la coupure
 du sourire...
 – Car me`me dans le dernier hoquet je resterai poète!
 Dans les collines – rondes et brunes,
 Sous les rayons – puissants et poussiéreux,
 Avec des bottes – hésitantes et douces –
 Derrière une pelisse – rouge et déchirée.
 Dans les sables – voraces et rouillés,
 Sous les rayons – bruyants et avides,
 Avec des bottes – hésitantes et douces –
 Derrière une pelisse – pas a` pas.
 Dans les vagues – dangereuses et hautes,
 Sous les rayons – cruels et anciens,
 Avec des bottes – hésitantes et douces –
 Derrière une pelisse – menteuse, menteuse.
 A Maïakovski
 Plus haut que les croix, plus haut que les cheminées,
 Baptiser par le feu, baptiser par la fumée,
 Archange-aux-pieds-lourds –
 Salut a` toi dans les siècles, Vladimir!
 Il est le cocher, il est aussi le coursier,
 Il est la toquade, il est aussi la loi.
 Il soupire, il crache dans ses mains:
 – Tiens-toi bien, gloire charretière!
 Chantre des miracles sur la place publique,
 Salut a` toi, orgueilleux salopard,
 Qui choisit la lourdeur de la pierre
 Et non la serduction du diamant.
 Salut a` toi, tonnerre de pavés!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Il ba ò ille, il respecte, – et, a` nouveau,
Il rame – avec ses brancards – avec
Ses ailes d'archange charretier.
Louange pour aphrodite

1

Bienheureux – ceux qui ont abandonner tes filles, Terre,
Pour la lutte et pour la course. Bienheureux, –
Ceux qui ont pernertrer sur les Champs-Elyseres
Sans e ò tre serduit par la volupter.
Le laurier y pousse, feuilles raidies et sobres, –
Le laurier – chroniqueur, activiste au combat...
– Je n'erchangerai pas l'aplomb de l'amitier,
Au-dessus des nuages, contre le foyer de l'amour.

2

Derja` les Dieux – derja` –, ne te comblent plus
Sur les rives – derja` –, d'une autre rivie`re.
Vers la grande porte du couchant, vers
La porte de Vernus, volez, colombes!
Pour moi, couche`re sur les sables refroidis,
Je me retirerai dans ce jour qui ne se compte pas...
Car le serpent regarde sa vieille peau,
Car j'ai derpasser ma jeunesse.

Jeunesse

Ma jeunesse! Mon ertrange`re
Jeunesse! Ma bottine derpareillere!
Les yeux rougis, presque fermers,
On enle`ve une feuille au calendrier.
La muse pensive n'a rien pris
Sur l'ensemble de ton butin.
Ma jeunesse! Je ne te rappelle pas:
Tu ertais une charge et une corvere.
La nuit, tu murmurais pour moi avec ton peigne,
La nuit, tu aiguissais tes fle`ches. Tu m'ertouffais
De tes largesses, comme sous de petits galets.
Et je souffrais pour les perchers des autres.
Je te rends ton sceptre avant l'heure,
Sans gou ò t, mon a ò me, pour les boissons et les mets.
Ma jeunesse! Mes der'sordres –
Jeunesse! Mon chiffon de vermeil!

Muse

Ni chartes, ni ance ò tres,
Ni faucon clair. Elle
Marche – elle s'ouvre, –
Lointaine!
Sous les paupie`res sombres –
L'incendie aux ailes d'or.
De sa main, halere par le vent,
Elle a pris, elle a oublier.
Le bas de sa robe non retroussere,
Sarcasme, qui se fa ò che,
Ni bonne ni merchante,
L'une et l'autre, lointaine.
Elle ne pleure pas, ne germit pas:
– Il tire tre`s fort, il est gentil! –
De sa main, halere par le vent,
Elle a donner, elle a oublier.
Elle a oublier – ricanements
De gorge et de cris d'oiseaux...
– Dieu, garde-la,
Si lointaine!

Amazones

Seins de femmes! souffle figer de l'a ò me –
Essence de femmes! Vague toujours prise
Au derpourvu et qui toujours prend
Au derpourvu – Dieu voit tout!
Lice pour les jeux du derlice ou de la joie,
Merprisables et merprisants. – Seins de femmes! –
Armures qui ce`dent! – Je pense a` elles...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 L'unique sein, – a` nos amies!...
 Cheveux blancs
 Ce sont des cendres de tresors:
 Des pertes, des offenses.
 Ce sont des cendres, devant lesquelles –
 Le granit – tombe en poussie`re.
 La colombe, nue, lumineuse
 Qui vit seule. Ce sont
 Les cendres de Salomon
 Sur une grande vanite`r.
 Redoutable craie
 D'un temps sans fin.
 Ainsi, Dieu me fait signe:
 – La maison a bru`ler!
 Non pas le seigneur des re`ves
 Et des jours, pris dans ses hardes,
 Mais l'esprit – flamme verticale –
 Qui jaillit des precoces cheveux blancs!
 Vous ne m'avez pas trahie,
 De mes arrie`res, annee`s!
 Cette blancheur, c'est la victoire
 Des forces immortelles!
 Emigrant
 Vous e`tes ici entre vous: maisons, monnaies, fume`res,
 Et les femmes, et les ide`es,
 Sans reussir a` vous aimer, sans reussir a` vous unir,
 Alors, celui-ci ou celui-la`, –
 Comme Schuman avec le printemps sous son manteau:
 – Plus haut! Toujours plus haut!
 Alors, comme le tremolo en suspens d'un rossignol –
 Cet erlu ou tel autre,
 Le plus craintif –, car vous avez d'abord relever la te`te,
 Puis lercher les pieds!
 Perdu parmi les hernies et les harpies,
 Dieu, dans les lieux de perdition.
 Puis un de trop! Il vient d'en-haut! Un ressortissant!
 Un derfi! Et qui n'a pas perdu l'habitude... De voir
 Trop haut... Qui refuse les potences... Parmi
 Les derchets de devises et de visas...
 Un ressortissant.
 Poete
 Le poe`te engage son discours de tre`s loin,
 Son discours engage le poe`te tre`s loin.
 Et par des plane`tes, des signes, par les fondrie`res
 Des paraboles detourneres... Entre le oui et le non.
 Et lui-me`me quand il s'envole du clocher,
 Il brise son crochet... puisque la voie des come`tes
 Est la voie des poe`tes. Des maillons erparpillers
 De la causalite`r – voila` son bien! Le front lever
 Vous derseperrez! Les eclipses des poe`tes
 Ne se repe`rent pas sur le calendrier.
 Il est celui qui bat les cartes et les fausse,
 Qui triche sur le poids et sur le compte,
 Il est celui qui, de sa place, interpelle,
 Et qui ercrase la parole de Kant.
 Dans le cercueil de pierre des Bastilles,
 Il est comme un arbre dans toute sa beaute`r...
 Ses traces sont toujours froides, et
 Il est aussi ce train que tout le monde
 Manque...
 – Puisque la voie des come`tes –
 Est la voie des poe`tes: il bru`le, il ne rerchauffe pas,
 Il brise, il ne construit pas – eclatement, effraction –,
 Ton chemin est une ligne courbe aux cheveux longs,
 Il n'est pas reper`rable sur le calendrier.
 Dialogue de Hamlet avec sa conscience
 Par le fond, ou` sont le limon...
 Et les algues... Elle est alle`e dormir,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

La`, – et pas de sommeil, me □ me la`!

– Mais moi je l'aimais,
Plus que quarante mille freres
Ne peuvent l'aimer!

– Hamlet!

Par le fond, ou` sont le limon...
Le limon!... Et sa dernie`re couronne
Est venue se poser sur les troncs, la`...

Mais, moi, je l'aimais
– Plus que quarante mille...

Moins

Quand me □ me, qu'un seul amant.
Par le fond, ou` sont le limon...

– Mais, moi, je –
l'aimais??

La Lettre

On n'attend pas ainsi des lettres,
On attend ainsi – une lettre.

Un morceau de chiffon,
Un filet de colle

Autour. A l'interieur – un mot.

Du bonheur. – Et – c'est tout.

On n'attend pas ainsi le bonheur,
On attend ainsi – la fin:

Des soldats, une salve

Et, dans le cœ`ur – trois

Eclats de plomb. Du rouge aux yeux.

Voila`. – Et – c'est tout.

Pas le bonheur – je suis vieille!

Les couleurs, – chasseres par le vent!

Le carrer de la cour

Et le noir des fusils.

(Le carrer d'une lettre:

L'encre, l'envou`tement!)

Pour le sommeil de la mort

Personne n'est vieux!

Le carrer d'une lettre.

Madeleine

1

Entre nous: les Dix Commandements:

La fournaise de dix bu`chers.

Le sang des miens me repousse, –

Tu es pour moi – le sang ertranger.

Au temps des Evangiles, –

J'aurais erter` une de celles...

(Le sang ertranger – le plus envier,

Et le plus ertranger de tous!)

Vers toi, avec tous mes malheurs, –

Je serais attirere, couche` humblement –

Clarer de ce que tu es! – Mes yeux

De dermons cache`s, je verserais les onctions –

Et sur tes pieds, et sous tes pieds,

Et me □ me, simplement, dans le sable...

Les marchands, la passion vendue,

Repousse`re, – elle coule!

Par la bave de la bouche, et par l'ercume

Des yeux, et par la sueur de tous les derlices.

De mes cheveux j'enveloppe tes pieds,

Comme dans une fourrure...

Comme une quelconque ertoffe, je m'ertends

Sous tes pieds... Mais, es-tu vraiment celui

(Celle!) qui dit a` la creature aux boucles de feu:

Le`ve-toi, sœ`ur!

2

Le flot du tissu, payer` trois fois

Son prix, et de la sueur des passions,

Et des larmes, et des cheveux – le flot

Entier coule, coule et Lui

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Fixe d'un regard bienheureux
L'argile rouge et sec, et:
Madeleine! Madeleine!
Ne t'offre pas ainsi, tellement.

3

Je ne vais pas t'interroger sur le chemin –
Que tu as suivi: tout ertait derja` ercrit.
J'ertais pieds nus, tu m'as chausser
De la pluie de tes cheveux et –
De tes larmes.
Je ne te demande pas, – de quel prix
Sont payeres ces huiles.
J'ertais nu, et des formes
De ton corps, toi, – comme d'un mur,
Tu m'as entourer.
Plus calme que l'eau, et plus bas que l'herbe,
Je toucherai ta nuditer de mes doigts.
Je me tenais droit, tu t'es penchere vers moi,
Tu m'as appris la tendresse de ce geste.
Fais-moi une place dans tes cheveux,
Serre-moi dans les langes – et qui ne soient pas
De lin – Porteuse d'onctions!
A quoi bon toutes ces huiles?
A qui bon toutes ces huiles?
Tu m'as baigner
Comme une vague.
Tu m'as aimer. La verriter
Etait fausse. Le mensonge
Etait sincere.
Tu m'as aime`e – plus qu'on ne peut!
Au-dela` des limites!
Tu m'as aimer plus longtemps
Que le temps. – Un revers de main,
Et tu ne m'aimes plus:
La verriter tient en cinq mots.
Deux

1

Il y a des rimes dans ce monde:
On les serpare – et il frermit.
Home`re, tu ertais aveugle.
La nuit – sur tes sourcils,
La nuit – ton manteau de rhapsode,
La nuit – le rideau sur tes yeux.
Sans cela aurais-tu serparer
Herle`ne et Achille?
Herle`ne. Achille. Donne
Des noms plus harmonieux.
Oui, le monde est construit
Contre le chaos, pour l'harmonie,
Et pousser a` la division,
Il tient sa vengeance,
– L'infiderlitter des femmes –
Il se venge – Troie en flammes!
Rhapsode aveugle: tu as gaspiller
Ton tresor comme une chose de peu.
Il y a des rimes assemblees –
Dans l'autre monde. Et notre
Monde s'ercroule dans la division. Mais
Qu'important les rimes? Herle`ne, vieillis donc!
...Et le meilleur des hommes d'Achaïe!
Et Sparte la voluptueuse!
Il n'y a que le frermissement des myrtes,
Et le sommeil de la cithare:
Herle`ne, Achille:
Une paire derpareillere.

2

Il n'est pas ercrit, en ce monde,
Qu'un puissant s'unisse a` un puissant.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Ainsi Siegfried et Brunhild, serparers,
 Un mariage rengler par le glaive,
 Dans la haine fraternelle de cette union
 – Comme des buffles! – Roc contre roc.
 Il a quitter le lit nuptial, lui, inconnu,
 Elle, non reconnue – elle dormait.
 Serparers! – me □ me sur le lit nuptial –
 Serparers! – me □ me les mains jointes –
 Serparers! – en notre langue double –
 Tardive et desunie – voila` notre union!
 Mais il est une offense encore
 Plus ancienne: l'Amazone abattue,
 Comme un lion, le fils de Thertis`
 N'a pas rencontrer la fille d'Are`s:
 Achille n'a pas rencontrer
 Penther'silere.
 Souviens-toi, son regard vient d'en bas –
 Elle regarde comme un chevalier abattu!
 Son regard ne descend plus de l'Olympe –
 L'argile! – Et pourtant il vient d'en haut!
 Qu'importe cette jalousie qui seule
 L'occupe: gra □ ce a` sa femme, il tire
 Cela des terne`bres. Ce n'est pas ercrit,
 Il n'est qu'un ergal – face a` un ergal...
 Et nous ne nous rencontrons pas.
 3
 Dans un monde ou` chacun
 S'abaisse et s'externue,
 Je sais – un seul
 Egale ma vertu.
 Dans un monde ou` tant
 Et plus nous serduit,
 Je sais – un seul
 Egale mon ernergie.
 Dans un monde ou` tout
 Est lierre, moisissure,
 Je sais – un seul,
 Toi, – dans l'absolu,
 Mon ergal.
 Tentative de jalousie
 C □ a va comment, la vie, pour vous –
 Avec une autre – Plus simple, non?
 Un coup de rame, et la mermoire aussito □ t,
 Comme la rive, au loin s'ercarte
 De moi, □le a` la derrive, (dans le ciel
 Pas dans l'eau!). Ames! Vous serez
 Des s□urs, toutes deux, vous,
 Les a □ mes, pas des amantes!
 C □ a va comment, la vie, pour vous –
 Avec une simple femme? Sans
 Les diviniter's? Vous avez derthro □ ner
 Votre reine (vous aussi, par la` me □ me),
 C □ a va comment, la vie, pour vous –
 Les tracas – les tendresses? Et le rerveil –
 Comment? Et que faites-vous, malheureux,
 De l'immortelle vulgariter?
 «Des affrontements, puis des sursauts –
 C □ a suffit! Je trouverai ailleurs!»
 C □ a va comment, la vie, pour vous – avec
 N'importe qui, vous, que j'avais choisi?
 Plus traditionnelle, plus mangeable –
 La cuisine? On s'en lasse – a` qui la faute...
 C □ a va comment, la vie, pour vous – avec
 Un fanto □ me, vous, qui avez trahi le Sinai?
 C □ a va comment, la vie, pour vous – avec
 L'une ou l'autre, ici ou la`? Votre moitier,
 Vous aimez? Et la honte, comme les re □ nes de Jupiter,
 Est-ce qu'elle fouette votre front?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 C' a va comment, la vie, pour vous –
 La santer' – c' a va? Et le chant – comment?
 Et la plaie de l'immortelle conscience,
 Comment la maîtrisez-vous, malheureux?
 C' a va comment, la vie, pour vous – avec
 Votre sous-produit? Et le prix – lourd?
 Après les marbres de Carrare, c' a va
 Comment, la vie, pour vous – avec la camelote,
 Le plaître? (Il est sculpter dans la masse,
 Dieu, et le voici réduit en morceaux!).
 C' a va comment, la vie, avec la cent-millième –
 Pour vous – qui avez connu Lilith!
 Est ce qu'elle s'use la nouveauté
 D'un article de pacotille? Las des philtres,
 C' a va comment, la vie, pour vous –
 Avec la femme pratique, sans sixième
 Sens?
 Alors, te te entre les mains: heureux?
 Non? Dans le fond sans profondeur,
 Comment c' a va, mon cherri? Pire, ou
 Comme pour moi
 Après d'un autre?
 Amour
 Le yatagan? Les flammes? C'est trop! –
 Plus modestement, un mal, familial,
 Comme la paume de mains aux yeux, –
 Comme le nom d'un enfant –
 Aux lèvres.
 Il est vivant, le dermon
 En moi, il n'est pas mort!
 Dans le corps: dans une cale,
 En soi-me me: en prison.
 Le monde: – les murs.
 Une issue: – la hache.
 (Le monde – une scène, –
 Balbutie le comédien.)
 Le bouffon boiteux,
 Lui, n'a pas hésiter.
 Dans le corps: – dans la gloire,
 Dans le corps: – dans une toge.
 Vis longtemps! Tu es
 Vivant, – tiens à ta vie!
 (Seuls les poètes sont dans
 Leurs os: – dans leur mensonge!)
 Non, pas de promenade pour
 Nous, confrérie de chantres.
 Dans le corps: – dans un peignoir
 Paternel et douillet.
 Nous valons mieux. Dans
 Le coton, nous derperissons.
 Dans le corps: – dans une stalle,
 En soi-me me: – dans un four.
 Nous n'accumulons pas de
 Denrées périssables.
 Dans le corps: – dans un marercage,
 Dans le corps: – dans un caveau.
 Dans le corps: – en exil
 Extrême. – Derperdition!
 Dans le corps: – dans un mystère,
 Sur les tempes: – dans l'ertau
 Du masque de fer.
 Petite torche
 La Tour Eiffel – à porter de la main!
 Va, à ta main, grimpe.
 Mais, tous, nous l'avons vue, et
 Aujourd'hui la voyons, et d'autres choses,
 Il nous paraît ennuyeux
 Et pas beau, votre Paris...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 «Russie, ma Russie, pourquoi
 Bruquer d'un feu si clair?»
 Poeme a son fils
 Notre conscience – n'est pas votre conscience.
 Allez – Assez! – Oubliez tout, enfants,
 Ecrivez vous-mes le recit
 De vos jours et de vos passions.
 Loth, et sa famille de sel –
 C'est notre album de famille.
 Enfants, reglez vous-mes les comptes
 Avec la ville qu'on veut faire passer pour –
 Sodome. Tu n'as pas frapper ton frere –
 C'est clair, pour toi, mon ange!
 Votre pays, votre siecle, votre jour, votre heure,
 Et notre percher, notre croix, notre dispute, notre
 Colere. Serrez dans une pelierine
 D'orphelin des votre naissance –
 Cessez de prendre le deuil
 Pour cet Eden que vous n'avez pas
 Connu! Et pour des fruits – que vous n'avez
 Jamais vus. Comprenez: il est aveugle –
 Celui qui vous emmene a l'office des morts
 Pour le peuple, et qui mange du pain,
 Et qui vous en donnera – comme
 C'est rapide, de Meudon au Kouban...
 Notre querelle – n'est pas votre querelle.
 Enfants, creez vous-mes vos propres
 Desaccords.
 Je te remercie, cher fidele bureau!
 Tu m'as donner ton arbre
 Pour devenir bureau – et
 Tu restes – un arbre vivant!
 Avec ce jeu de jeunes feuillages
 Au-dessus des sourcils, cette ercorce vivante,
 Les larmes d'une resine vivante, et
 Des racines jusqu'au tresfonds de la terre.
 Jardin
 Pour cet enfer,
 Pour ce derlire,
 Donne-moi un jardin,
 Pour mes vieux jours.
 Pour les vieilles annees,
 Pour les vieux malheurs:
 Le travail – les annees,
 Les sueurs – les annees...
 Pour les vieilles annees,
 Les annees de chien –
 Les brulantes annees –
 Le frais jardin...
 Pour le fugitif
 Donne-moi ce jardin:
 Sans – ni – personne,
 Sans – ni – a me!
 Un jardin: ne pas marcher!
 Un jardin: ne pas voir!
 Un jardin: ne pas rire!
 Un jardin: ne pas se moquer!
 Sans aucune oreille,
 Donne-moi un jardin:
 Sans nulle odeur!
 Sans a me aucune!
 Tu diras: assez de douleur – prends ce
 Jardin – solitaire, comme toi.
 (Mais tu n'y resteras pas, toi, la!).
 Un jardin, solitaire, comme toi.
 Pour les vieux jours, ce jardin, pour moi...
 – Ce jardin autre? Et, peut-etre, cet autre monde? –
 Donne-le-moi pour mes vieux jours –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Et pour le pardon de l'a \square me.
 Lecteurs de journaux
 Le serpent souterrain glisse,
 Il glisse, il transporte les gens.
 Et chacun, – avec son
 Journal (son eczema!).
 Un tic a` la ma \square choire,
 La carie des journaux.
 Ma \square cheurs de mastic!
 Lecteurs de journaux.
 Le lecteur – qui? – Un vieillard, un athle`te?
 Un soldat? – Ni traits, ni visages,
 Ni a \square ge. Un squelette – sans visage:
 Une feuille de journal!
 Celle dont tout Paris – , du front
 Jusqu'au nombril, est habiller.
 Laisse donc, jeune fille!
 Tu accoucheras d'un lecteur
 De journaux!
 Ils se bal – «Il couche avec sa s \square ur» –
 ancent – «Il a tuer son pe`re!» –
 Ils se balacent – et se remplissent
 De vaniter.
 Qu'importe a` ces messieurs –
 L'aube ou le coucher de soleil?
 Des avaleurs de vide,
 Les lecteurs de journaux!
 Lire – les journaux: calomnies,
 Lire – les journaux: detournements,
 Dans chaque colonne – mensonges,
 Dans chaque colonne – dergou \square t. –
 Avec quoi, vous presenterez-vous –
 Au Jugement dernier – dans la clarter –
 Accapareurs d'instant,
 Lecteurs de journaux!
 – Au loin! Disparu! Perdu!
 La peur maternelle est ancienne,
 Me`re! La presse de Gutenberg est
 Plus horrible que la poussie`re de Schwartz!
 Pluto \square t e \square tre au cimeti`re, – que
 Dans une infirmerie purulente,
 Gratteurs de crou \square tes,
 Lecteurs de journaux!
 Qui laisse pourrir nos fils
 A la fleur de l'a \square ge?
 Les incestueux e`crivains
 Pour journaux!
 C'est cela, amis, – que je pense –
 Et bien plus fortement encore
 Que dans ces vers, – lorsque,
 Mon manuscrit a` la main,
 Je me trouve en face, ou pluto \square t
 – Il n'y a pas de lieu plus vide! –
 Devant la non-face
 Du redacteur
 des salete`rs du journal.
 Tu ouvres en grand tes yeux vers le ciel bleu –
 Et tu t'exclames: – un orage!
 Un audacieux passe, tu le`ves les sourcils –
 Et tu t'exclames: un amour!
 Au travers de la mousse grise des indifferences –
 Moi, je m'exclame: – des poe`mes.
 Cendres
 Il s'est abattu sur la ville de Saint Vincelas
 – L'incendie, ainsi, dervore les herbes –
 Apre`s avoir jouer avec les facettes de Bohe \square me!
 – La cendre, ainsi, couvre les ba \square timents,
 La tempe \square te de neige, ainsi, balaye les jalons...

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
De l'Eden – Tcheques, dites-le! –
Que reste-t-il? Des cendres.

– La Peste, ainsi, rejouit les cimetières!

2

Il s'est abattu sur la ville de Saint Venceslas

– L'incendie, ainsi, devore les herbes –

Une décision – c'est votre dernier délai:

– L'eau, ainsi, s'approche des fenêtres,

La cendre, ainsi, couvre les bâtiments...

Par-dessus les ponts et les places

Pleure, il pleure le lion bicéphale...

– La Peste, ainsi, rejouit les cimetières!

3

Il s'est abattu sur la ville de Saint Venceslas

– L'incendie, ainsi, devore les herbes –

L'étranglement, sans frémir

– La cendre, ainsi, couvre les bâtiments:

Faites signe, à mes vivantes! Prague

Aujourd'hui plus déserte que Pompeï:

Un pas, un bruit – nous cherchons en vain...

– La Peste, ainsi, rejouit les cimetières!

A l'Allemagne

Oh, jeune fille aux joues les plus roses

Parmi les montagnes vertes –

Allemagne!

Allemagne!

Allemagne!

Quelle honte!

Tu as empoché la moitié de la carte du monde,

Ame astrale,

Jadis, tu faisais rêver par tes contes,

Aujourd'hui, – tu avances tes chars.

Devant la paysanne tchèque –

Tu foules le blé de ses espoirs

Sous les roues de ton char

Et ne baisses pas les yeux?

Devant l'infinie tristesse

De ce petit pays –

Vous, les Germains, fils

De la Germanie, que sentez-vous?

O manie! O momie

De la grandeur!

Tu vas bruler,

Allemagne!

Folie,

Folie,

Ce que tu fais.

L'hercule triomphera

Des liens du serpent!

A ta santé, Moravie!

Et toi, Slovaquie, sois slovaque!

Tu recules, dans les sous-sols

Du cristal et – tu prépares le coup:

Bohême!

Bohême!

Bohême!

Salut!

Ils ont pris

Les Tchèques s'approchaient des Allemands

et crachaient.

(Voir les journaux mars 1939)

Ils prenaient – vite et ils prenaient – largement:

Ils ont pris les sommets et ils ont pris les tréfonds,

Ils ont pris le charbon et ils ont pris l'acier,

Et notre plomb, et notre cristal.

Ils ont pris le sucre et ils ont pris le trèfle,

Ils ont pris l'Ouest et ils ont pris le Nord,

Ils ont pris la ruche et ils ont pris le blé,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Ils ont pris notre Sud et l'Est aussi.
 Vary – ils ont pris et les Tatras – ils ont pris,
 Ils ont pris le proche et ils ont pris le lointain,
 Et – pire encore que le paradis sur terre! –
 Ils ont vaincu – sur le sol natal.
 Ils ont pris les balles et ils ont pris les fusils,
 Ils ont pris les minerais et ils ont pris l'amitier...
 Mais tant qu'il y a de la salive dans la bouche
 Tout le pays est en armes.
 Foret
 On taille – tu as vu! – On taille,
 On taille! – Après un che ò ne – un che ò ne.
 Abattu, il ressuscite. Elle
 Ne meurt pas – la fore ò t.
 Elle meurt; la fore ò t, puis
 Elle reverdit – a` la minute! –
 (La mousse – une fourrure verte)
 Il ne meurt pas, le Tche`que.
 Non pas des diables, qui poursuivraient un moine,
 Non pas le malheur – qui poursuivrait un gèrnie,
 Et non pas l'avalanche, qui n'est pas un amas,
 Et non la vaste monterè des inondations.
 Non pas le rouge incendie des fore ò ts,
 Non pas le lie vre – dans la colline,
 Non pas le roseau – sous l'orage, –
 Après le fu`hrer – les furies.
 Tu ne mourras pas, peuple!
 Dieu te garde!
 De ton c`ur tu as donner – le grenat,
 De ta poitrine tu as donner – le granit,
 Prospe`re, peuple –
 Dur comme les Tables de la loi,
 Chaud comme le grenat,
 Pur comme le cristal.
 Il est temps! Pour ce feu-la` –
 Je suis vieille!
 – L'amour – est plus vieux que moi!
 – De cinquante fois janvier,
 Une montagne!
 – L'amour – est encore plus vieux:
 Vieux, comme un pre`le, vieux, comme le serpent,
 Plus vieux que l'ambre de Livonie!
 Et plus vieux que tous les bateaux fanto`mes!
 Que les pierres, plus vieux que les mers...
 Mais le mal, dans ma poitrine – est plus vieux
 Que l'amour, plus vieux que l'amour.
 Sur le cheval rouge
 a` Anna Akhmatova
 Et grand ouverts, grand ouverts – les bras,
 Les deux en croix.
 Et renversere! Va, piertine-moi, l'erquestre!
 Que mon esprit, jailli des co`tes, monte – vers Toi,
 Crefature
 De femme non terrestre!
 Pas la Muse, non, pas la Muse,
 Qui donc, au-dessus de mon pauvre landau
 Me berc`ait de chansons,
 Par la main – qui donc me conduisait?
 Pas la Muse. Qui donc rerchauffait
 Mes mains froides, mes paupie`res bru`lantes
 Qui les rafra`chissait?
 Qui dergageait les me`ches de mon front? – Pas la Muse,
 Qui m'emmenait a` travers les grands champs? – Pas la
 Muse.
 Pas la Muse, nulle tresse noire, nul bijou,
 Nulle fable – deux ailes cha`tain clair: voila` tout.
 Courtes – surplombant chaque sourcil ailer.
 Torse harnacher.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Panache.

Lui n'a pas veiller sur mes lèvres,
Ni berni mon sommeil.
Ni pleurer avec moi
Sur ma poupe brisée.
Tous mes oiseaux – pour la partance
Il les la çait – puis – l'erperon nerveux,
Sur son cheval rouge – entre les monts bleus
De la derba çle fracassante.
– Oh! les pompiers! Partout ç a hurle!
Lueur du feu – partout ç a hurle!
– Oh! les pompiers! L'a ç me qui bru ç le!
Pas la maison, qui bru ç le?
La cloche d'alarme hulule.
Vas-y, balance-le, ton bulbe,
O cloche d'alarme! Pullulent
Les flammes! L'a ç me bru ç le!
Dansant des ravages du beau,
Aux gerbes rouges des flambeaux
J'applaudis – je bondis – rugis,
De moi l'erclair – jaillit.
Qui m'a tirere d'ou ç a crache et gronde?
Quel aigle m'a ravie? – Je m'y perds.
J'ai sur moi une chemise – longue –
Avec un rang de perles.
Clameur du feu, cliquetis de vitres...
Sur chaque visage, au lieu d'orbites –
Deux brasiers luisent! – les lits s'erplument!
On bru ç le! On bru ç le! On bru ç le!
Craque donc, millernaire bahut!
Crame, toi – magot, masser, reclus!
Ma maison: souveraine au-dessus.
Que souhaiter de plus?
Oh! les pompiers! – Que le feu redouble!
Fronts peinturers d'or, tous – au fourneau!
Incendie: oh! tiens debout, debout!
Que croulent les poteaux!
Soudain quoi – a crouler – si soudain!
Un poteau? – Pas crouler!
Vers le ciel – fol appel de deux mains –
Et le cri: Ma poupe!
Qui – me suivant – galope, dervale,
Me jetant un çil-juge?
Qui – me suivant – roule d'un cheval
Rouge – a` la maison rouge?
Un cri. De ceux qui passent le mur
Du cri. La foudre, et lui:
Brandit la poupe comme une armure,
Droit comme l'Incendie.
Tsar dresser parmi les feux fugaces,
Et son front se laboure.
– Je te l'ai sauve, – a` present: casse!
Et libere l'Amour!
Soudain quoi – a crouler? Pas le monde,
Non! Lui n'a pas crouler!
Mais deux mains – suivant – l'erquestre, montent
D'une enfant – sans – poupe.
Cruelle lune – aux volets s'ache`ve.
Voila` mon premier ra ç ve.
Enlacers rudement.
Plus bas: bruit du torrent.
Monte a` nos pieds largers
De l'ercume envolere.
Enlacers sans murmure:
Les colonnes d'ercume!
Je suis tous ses harems,
Il est tous mes emble mes.
Brusque entrelacs d'erpaules:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Flanc contre flanc, et paumes...
A nos pieds derchaussers
L'ercome vient mousser.
- Du pont... Chiche! Et sur l'heure!
Que j'y lance une fleur...
Il voit - et - simplement
D'un bond - dans le torrent!
Est-ce le pont, ou bien moi - qui tremble?
Sang ou vague - en ermoi?
Glacere, je regarde - sans comprendre
Ma vie - qui se noie.
Qui soudain - d'un grand geste de cape
Me jeta - vers les cieux?
Qui soudain - rutilant, fit qu'erclate
Flamme rouge - en feu bleu?!
L'erclat. Du gouffre triomphe un son:
Lui, d'un saut - souplement
Soule`ve le corps comme un poisson
Droit comme le Torrent.
Tsar dresser' parmi les flots pointus,
Et son front se laboure.
- Je te l'ai sauver, - a` present: tue!
Et libe`re l'Amour!
Soudain quoi - s'est ruer'? Pas la trombe,
Non! Nulle intemperrie!
Mais deux mains - suivant - l'erquestre, montent
D'une - sans - son ami!
Noir marer`cage - aux volets s'ache`ve.
Voila` mon nouveau re □ ve.
Nuit pourchassante - et pas d'autre voie:
Le sang durcit.
Fils! Ccreation de ma hanche, toi, -
Guide, conduis!
Brave, en avant! - L'Esprit des Montagnes
Est un, nous - deux.
Seuls l'aigle ici et l'aurore gagnent.
Nous - parmi eux.
L'ouragan! - Les dieux repartiront,
L'aigle en a peur...
Plus haut, l'a□ner! - Ces hauts lieux seront
Notre hauteur!
Rongeant la poussie`re d'ici-bas,
J'enfante un fils -
Et la Foudre Divine s'abat:
L'aigle l'a pris!
C'est a` pic et nu et noir la`-haut!
Ses petits bras: deux barres.
Qui donc, sinon Zeus dans son berceau -
Tient l'aigle? Nul derpart!
Rire. En rerponse - ailes en furie,
Griffes - perceuses: raides.
Qui me suivant - et d'erclairs fit fuir -
Le tonnerre de l'aigle?!
Ra □ le. Un rugissement der`toner'
A pourfendu les monts.
Lui l'a lever' comme un Premier-ner',
Droit comme l'Invasion.
Tsar dresser' parmi l'onde des nues,
Et son front se laboure.
Je te l'ai sauver, - a` present: tue!
Et libe`re l'Amour.
Soudain quoi - a craquer? Le c□ur dur
D'un bois sec: nullement!
Mais deux mains - suivant l'erquestre - d'une
Femme - sans - son enfant!
Cruelle aurore - aux volets s'ache`ve.
C'est mon troisie`me re □ ve.
Fer`vrier. Der`former's, les chemins.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Folle neige – aux champs.
 Balayers, tordus – les grands chemins
 Par l'artel des vents.
 Tanto t cre tes que le galop couche,
 Et tanto t – l'abrupt,
 A talonner l'Equestre-Le-Rouge,
 Ma route a son but.
 Tanto t la ! A portere de la main!
 Taquin: – touche, va!
 Bras absurdement tendus; devient
 Neige – le cheval.
 Me ches du panache dans les yeux?
 Ou saule, au virage?
 Eh! les marieurs! – Ni une, ni deux...
 Vents: au balayage!
 Balayez, amassez les obstacles –
 Plus haut que les rocs,
 Que son cheval au sabot d'attaque,
 Clouer la` – se bloque.
 Les vents ercotent – que plainte cre`ve,
 Et leur plainte cre`ve.
 Il court sa course rouge sans tre`ve,
 Mon erquestre re`ve.
 Me`ches d'ailerons qui s'emballaient?
 Ou saule, au virage?
 Tenez – haut, tenez – haut les balais!
 Vents: rage! A l'ouvrage!
 Que voila`? Quelle butte carrere
 Emerge du sol?
 Comme si la tempe te cabrait
 D'un coup cent coupoles.
 Chasse couronner: enfin, la pause.
 Derja` mon front capte
 Le feu des fers, derja` dans ma paume
 Le bord de la cape!
 En renfort, avec glaive et tonnerre,
 Le Tsar – Guerroyant!
 Mais le cheval se rue et – tonnerre
 Dans l'autel grondant.
 J'avance et tra ne, telle une meute,
 La troupe des vents.
 Les vou tes ne figent pas l'ermeute
 Des sabots sonnants.
 Messe d'un mort – rond grondement monte –
 Neige qui vrombit:
 Le tro ne est renverser! – Vide! Monde
 Sous terre – terni!
 Geignez, geignez, murmurez – les murs!
 Toi, neige, chahute!
 L'ercume du cheval rend obscure
 L'aura des chasubles.
 Titube une coupole. Oh! croulez,
 Gloire et force et foi!
 Et mon corps s'ercroule, ercarteler –
 Les deux bras en croix.
 Immense lutte d'arcs-en-ciel: tout
 Lustre aura claquer.
 Accepte-moi, toi – si pur, si doux,
 Pour nous, crucifier.
 A ta main vengeresse, on est liers?
 Accepte le feu!
 D'en haut: mais, qui sont le cavalier,
 Le cheval, – les deux?
 L'armure est sur lui – soleil qui brille!...
 – Vol abrupt! Volons! –
 La cheval – droit sur ma poitrine –
 Plante son talon.
 Cape de feu – aux volets s'ache`ve.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Galop de feu – treuve!
 Ni neige vrombissante,
 Ni balayage – balai.
 Ni panache emballer, –
 Saule, au virage.
 Ses meches grises balayeres
 Dermarche balancer, – sans bec d'aigle
 D'outre-nue, mais le nez fourrer
 Dans l'erpais nuage d'un chaudron, –
 Une bonne femme –
 Elle a dans les mains –
 Un chiffon.
 Verre a` l'envers sur bouteille pas finie
 On laisse – on y reviendra.
 – En quoi est-ce mon reve? Et le reve dit:
 Ton Ange ne t'aime pas.
 Premier tonnerre sur le crane – ou coup dur
 sur le crane?! – Gens! Hola`!
 Front rongant l'oreiller sec: ce coup de dire:
 Le premier: Ne t'aime pas!
 N'aime pas! – Tresses de femme: nul besoin!
 N'aime pas! – De bijoux rouges: nul besoin!
 N'aime pas! – Mais sur le cheval – sauterai!
 N'aime pas! – Sauterai – au ciel!
 O esprit de mes pe`res, secouez vos cha`nes!
 Vacillez, pins serculaires!
 Eole! O esprit de mes pe`res, mes me`ches
 Doreres, brouille-les! De l'air!
 Sur le cheval blanc, au devant des guerriers
 Allons, – sous la foudre des fers argenters!
 Voyons, voyons comment se bat cet altier
 sur le Cheval-Dit-Le-Rouge!
 De bon augure: le ciel s'abat!
 L'aube ensablante mon casque!
 Soldats! Jusqu'au ciel – encore un pas:
 Le grain cro`t sous la caillasse!
 En avant – par dessus le fossier! – Tombers? – Un rang.
 Au suivant – par dessus le fossier! – Tombers? – Encore
 Au suivant – par dessus le fossier! – Le glacier blanc
 Des cuirasses, qui sait: sang? Aurore?
 Soldats! – Quel ennemi – enfoncer?
 Dans mon sein un frisson chauffe.
 Perne`tre, perne`tre, erpere d'acier,
 Un rayon – sous mon sein gauche.
 Murmurer: tu es comme je t'ai vouue!
 Ruminer: tu es comme je t'ai erlue,
 Enfant de ma passion – sur – frere – future
 Sur le glacier – des armures!
 A nul autre – jusqu'a` la fin des temps! Mienne!
 Moi, les bras leve`s: Lumie`re!
 – Tu resteras, a` nul autre seras, – non?
 Moi, pressant sur ma plaie: Non.
 Pas la Muse, non, pas la Muse,
 Ni l'usure des liens
 Parentaux, – ni tes filets,
 O Amitier! – Pas une main de femme, –
 une ferroce –
 A serrer sur moi le nud –
 – En force.
 Terrible alliance. – Moi, couche`re dans le noir
 Du fossier – Le Lever est si clair –!
 Oh! qui m'a fixer ces deux ailes sans poids
 A l'erpaule –
 Derrie`re?
 Ter`moin muet
 Des tempe`tes vivantes –
 Couche`re dans l'ornie`re,
 Je lorgne

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Les ombres.

Tant que

Vers l'azur

Ne m'emportera pas

Sur le cheval rouge –

Mon Gernie!

Le poeme de la montagne

Liebster, Dich wundert die Rede?

Alle Scheidenden reden wie Trunkene

und nehmen gerne sich festlich...

Но Holderlin

Dedicace

Que tu tressailles –

Et tombent des montagnes,

Et monte – l'âme!

Laisse mon chant monter:

Chant de l'entaille,

De ma montagne.

Je ne pourrai

Ni la, ni de'sormais

Combler l'entaille.

Laisse mon chant monter

Tout au sommet

De la montagne.

1

Cette montagne ertait le torse

D'un conscrit renverser par la mitraille.

La montagne voulait des noces,

Des levres vierges, un cer'rimonial.

Cette montagne – l'exigeait.

Irruption de l'oceran dans l'oreille,

Criant «hourra» d'un me'me jet.

Cette montagne errait et guerroyait.

Montagne pareille au tonnerre.

C'est en vain qu'on joue avec les titans!

De la montagne – la dernie`re

Maison au bout du faubourg: souviens-t'en!

Des mondes – que cette montagne!

Pour le monde il prend cher, Dieu est avide.

L'entaille vint de la montagne.

La montagne ertait par-dessus la ville.

2

Parnasse, Sinai?

Non! Simple colline a` casernes,

Rien d'autre – feu! vas-y!

Bien qu'octobre et non mai, qu'y faire?

Cette montagne-ci

M'ertait le paradis!

3

Paradis sur la paume offert

– Qui s'y frotte, bru`le entier! –

La montagne avec ses ornies`res

Dervalait sous nos pieds.

Comme un titan avec ses pattes

De buisson et de houx,

La montagne agrippait nos basques

Et ordonnait: – debout!

Paradis – oh, nul b-a-ba,

– Courants d'air: d'air trouers! –

La montagne nous jetait bas

Et attirait: – coucher!

Comment? C'est a` n'y rien comprendre:

Propulser's, erbahis!

La montagne ertait consacrate

Et de'signait: – ici...

4

Perse'phone, pour ce grain de grenade...

L'oublier en plein gel d'hiver?!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Double coquille des le`vres qui tardent,
Leur bord aux miennes – entrouvert.
Persephone, pour un grain de`graderer!
La pourpre opinia`tre des le`vres,
Et tes cils – pure brisure et, dorere,
La dent de l`ertoile s`erle`ve...

5

Ni erreur – que la passion, ni conte,
Et nul mentir, mais: d`un jour!
Ah! Si nous e`tions venus au monde
En terrestres de l`amour!
Ah! Si tout bonnement, d`un sens su`r:
C`a? – colline! Mamelon!
(A l`attrait pour le gouffre on mesure,
Dit-on, le niveau des monts.)
Dans les touffes de bruye`re fauve,
Les souffrants `lots de pins...
(... Le de`lire: au dessus du niveau
De la vie.)

– Prends, je suis tien!
Herlas! La famille douce, ronde,
Les gazouillis qu`eux savourent...
Puisque nous sommes venus au monde
En cerlestes de l`amour!

6

Lamentait la montagne (en terre tant reste
Ame`re l`entaille ou` saignent les ruptures),
Lamentait la montagne sur la tendresse
Tenillante de nos matins obscurs.
Lamentait la montagne sur notre lien:
Nos le`vres: parenter des plus imparables!
Termoignait la montagne – qu`a` chacun
Il serait du` selon ses larmes.
Et la montagne termoignait – camp tzigane,
La vie! de c`ur en c`ur qu`on brade son temps!
La montagne lamentait encore: Agar,
Il la fit partir – avec l`enfant pourtant!
Et la montagne termoignait – nous: jouets
Du de`mon! Nulle intention dans ses montages!
La montagne parlait, nous e`tions muets.
Nous nous en remettions a` la montagne.

7

Lamentait la montagne – rien que tristesse
Resterait du sang et brasier qui sont no`tres.
Termoignait la montagne: elle ne nous laisse-
rait pas, ne t`admettrait pas avec une autre.
Lamentait la montagne – rien que fumerer
Resterait de nos citers et au-dela`.
Termoignait la montagne – nous: destinerer
Aux autres (je n`envie pas ces autres-la`!).
Lamentait la montagne – d`un poids affreux,
Le serment qu`il est trop tard que nous reniions.
Termoignait la montagne – vieux est le n`ud
Gordien – devoir et passion.
Lamentait la montagne sur notre entaille –
Demain! Attends! Quand au-dessus de nos fronts
Non la mort, – seul memento: la mer ertale!
Demain, quand nous comprendrons.
Un bruit... Comme si quelqu`un tout simplement –
Eh bien... pleurait tout pre`s?
Lamentait la montagne, serparerment
Descendre il nous faudrait
Dans la vie dont nous savons bien tous: bohe`me,
Boue, bazar, et caetera...
Termoignait encore que tous les poe`mes
Des montagnes
s`ercrivent
comme c`a.

8

Cette montagne ertait la bosse
D'Atlas, – titan germissant qui tient bon.
La montagne fera la force
De la ville ou` de`s l'aube nous battons
Nos vies comme cartes jeteres!
– Passionner's, obstiner's a` ne pas eˆtre.
Ainsi que l'ours pour l'aˆpreter
De son cri, ainsi que les douze apoˆtres
Rerverrez mon ingrater grotte.
(Grotte – j'ertais, ou` les vagues s'engouffrent!)
De ce jeu la dernie`re porte,
T'en souviens-tu – tout au bout du faubourg?
Des mondes – que cette montagne!
Les dieux se vengent de leurs simulacres.
L'entaille vint de la montagne.
La montagne ertait sur moi serpulcrale.

9

Passeront les anneres, la pierre sus-dite
En plate sera changere, oˆtere.
Alors notre montagne sera construite
De pavillons, d'enclos – grignotere.
On dit qu'en bordure, sur de tels coteaux
L'air est plus pur et qu'il fait bon vivre.
Et l'on se mettra a` tailler des lambeaux,
A rayer de linteaux l'herbe vive,
A niveler mes cols et tous mes ravins –
A l'envers! Car il faut qu'un soupcon
De maison entre dans le bonheur d'au moins
Quelqu'un, – de bonheur – dans la maison!
De bonheur, – dans la maison, d'amour derner
De fiction et de tension des veines!
C'est qu'il faut eˆtre femme et le supporter!
(Il fut bel et bien, quand tu venais,
Le bonheur – dans la maison!) D'amour tranquille,
Sans que rupture et couteau s'imposent.
Des ruines de notre bonheur une ville
Se le vera – d'erpoux et d'erpouses.
Et au bon air dans cette meˆme nature
– Si tu peux – faute! Tant qu'il est toˆt! –
Les boutiquiers pourront en villergiature
Maˆcher et remaˆcher leur magot.
Et d'inventer des couloirs courbes ou droits
Pour que, brin a` brin, la maison – fuˆt!
Car il faut bien qu'au moins quelqu'un ait un toit
Et un nid de cigogne au-dessus.

10

Jamais la montagne n'oubliera – le jeu
Sous le poids de pareils fondements.
Se perdre – on le peut, – la mermoire: on ne peut:
La montagne a montagnes de temps!
Et ils comprendront! Que leurs yeux s'erarquillent
Devant les crevasses obstineres:
Non pas monticule planter de familles, –
Mais crate`re qu'on a derclencher!
On n'immobilisera pas le Versuve
Par des vignes! Avec du lin on
Ne tiendra pas un gerant! La folle ertuve
Des le`vres suffit afin qu'en lion
Les vignes changeres, se retournent soudain,
Crachant sur vous des laves de haine.
Vos filles seront rien moins que des putains
Et vos fils ercriront des poemes!
Fille, erle`ve un enfant naturel! Dehors,
Fils! Livre-toi aux femmes du vent!
Il ne vous sera pas donner, vous – les corps,
De serjour de plaisir sur mon sang!
Plus dur que la pierre angulaire – voici

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Le serment d'un mourant qui derfaillie:
 Il ne vous sera pas donner, vous – fourmis,
 De bonheur d'en-bas sur ma montagne!
 Vienne un temps ignorer, – une heure incertaine,
 – Famille au complet – vous connaîrez
 La montagne du commandement septième,
 – Montagne énorme, dermesureré.
 Postface
 La mermoire a des effondrements,
 Les yeux sont recouverts de sept taies...
 Je ne te vois pas – serparément.
 Un trou blanc – a` la place des traits.
 Sans indices. Trou, vaste pa`leur
 – Que toi, tout toi! (L'a`me n'est que plaies,
 Pure plaie.) C'est l'`uvre des tailleurs
 De marquer les deretails a` la craie.
 Tout le ciel d'un seul tenant s'ertale.
 L'oceran: des gouttes le remplissent?
 Sans indices. Tout entier – spercial –
 Lui! Complice est l'amour, non police.
 Pelage d'alezan, de moreau?
 Que le voisin le dise: il voit bien.
 La passion coupe-t-elle en morceaux?
 Et moi, suis-je horloger, chirurgien?
 Tu es un cercle entier – pleinement.
 Tourbillon – pleinement, bloc entier.
 Je ne te vois pas serparément
 De l'amour. Signe d'ergaliter.
 (Dans les touffes de duvet, la nuit,
 – Collines d'ercume par rafales –
 La nouveauter ertrange pour l'ouïe,
 Au lieu du «je»: le «nous» imperial...)
 Mais dans les jours ertroits, indigents
 – «La vie, telle qu'elle est» – en revanche,
 Je ne te vois pas conjointement
 Avec aucune.
 – Mermoire se venge.
 Le poeme de la fin
 1
 Le poteau sur un ciel rouiller,
 Doigt hautain.
 Lui, poster au lieu der'signer;
 – Le destin.
 Moins le quart. Ponctuel, non? – La mort
 N'attend pas.
 Exagerrement de`s l'abord:
 Chapeau bas.
 Chaque cil d'un derfi – charger!
 Bouche: exclue.
 Exagerrement dergager,
 Le salut.
 – Moins le quart. Exact, non? Syllabes
 Sonnant faux.
 Le c`ur tombe: qu'a-t-il? Signal
 Du cerveau!
 Ciel des noirs presages: acier
 Et rouilleur.
 Lui, presnt au lieu familier.
 Soir: six heures.
 Ce baiser: le`vres de boix! Bien
 Insonore!
 Tel qu'aux souveraines – la main,
 Tel qu'aux morts...
 Citoyen se pre'cipitant:
 Les reins prennent.
 Exagerrement lancinante,
 La sire`ne.
 Hurlante, ainsi qu'un chien rugit,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Bruit rageur.
(Exageration de la vie
Quand on meurt).
Soudain, – ce qui n'est qu'a` mi-corps –
Jusqu'aux astres.
(Exagererment, ou encore:
Tout plus vaste).
Mentalement: cher, cher. – Quelle heure?
– Sept, disons.
Au cinema, ou bien? – Lueur:
«La maison!»

2

Libre fratrie nomade, –
C'est la` qu'on te menait!
C'est l'erclair, la tornade,
Le sabre – son reflet,
Ce sont les mots en foule
Que d'effroi nous taisons.
C'est la maison qui croule –
Ce mot: maison.
Cri de l'enfant perdu:
Ma maison!
Le tout-petit – son du`:
«Ma», «mes», «mon»!
Mon fre`re en aventure,
Ma fie`vre et ma fusion,
On se rue hors des murs,
Et toi – a` la maison!
Cheval ruant rompt l'attache –
Les cimes! – Corde en charpie.
– Mais de maison, pas la trace!
– Si, a` dix me`tres d'ici:
La maison sur la montagne.
– Plus haut, encore? – Au sommet.
Au bord du toit, la mansarde.
– «Qui ne bru`le pas du fait
De la seule aube?» De`s lors,
Vivre? – Poe mes, raillez!
Maison, c'est dire: dehors,
Dans la nuit.
(A qui narrer
Ma peine, oh! a` qui ma perte?
L'horreur violacere, qui l'ouit?...)
–votre re`ponse – enfin pre`te? –
C'est un merditatif: – oui.

3

Et maintenant – le quai. A l'eau
Je me tiens comme a` un corps dur.
Sermiramis, ah! ils sont beaux
Tes jardins suspendus, pour su`r!
A l'eau – rouleau de minerai
Aux macabres enluminures –
Je me tiens, comme a` son livret –
La cantatrice, comme aux murs
L'aveugle... Prise dans tes froids?
Tu m'entends? – Je me penche (chiche?)
A l'ertancheuse-en-toute-soif
Je me tiens, comme a` la corniche
Le somnambule...
Peur, mais pas
Due au fleuve – suis nere naiade!
Prendre le fleuve pour le bras
De l'aimer, quand il accompagne,
Fide`le...
Des morts c'est l'octroi!
Oui, mais tous ne vont a` l'aurore...
La mort a` gauche et co`ter` droit –
Toi. Mon flanc droit est comme mort.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
La lumière irradie d'un coup.
Rire à grelots de bricolage.
«Vous et moi, il faudrait que nous...
(Frisson)... Nous aurons le courage?»

4

La un brouillard blond transhume,
Vague d'un volant de gaz.
Surchauffer, surenfumer,
Et surtout – surjacasser:
Ce que ça sent? Folle presse,
Combine et copinerie,
Cachotteries de commerce
Ainsi que – poudre de riz.
Cerlibataires baguers,
Jeunes vieillards aduïers...
Surmoquer, surricaner,
Et surtout – surcalculer!
En liquide et en espèces,
Et le bec et la farine.
... Manigances de commerce
Ainsi que – poudre de riz.
(De profil: – ça là, c'est notre
Maison? – Pas moi la maîtresse!)
L'un tout à son cherquier, l'autre
Au chiquer d'un gant glacer.
Celui-là tout doux s'empresse
Près d'un petit pied verni.
... Epousailles de commerce
Ainsi que – poudre de riz.
Brisure d'argent: l'embleme
De Malte au carreau, – stellaire!
Surcaresser, suraimer,
Et surtout – surcompresser!
Surpincer... (Il pue, le reste
De mangeaille: dis merci!)
... Tripotages de commerce
Ainsi que – poudre de riz.
Courte, la chaîne? En revanche
Pas de l'acier, du platine!
Des troncs maichent une tranche
De veau, tremblant de leur triple
Menton. Sur un cou coïnesque,
Le diable – à tête d'outil.
... Catastrophe de commerce
Ainsi que – poudre de qui?
Berthold Schwarz...
Un homme douer –
Et bienfaiteur de l'entourage.
– Vous et moi, il faudrait que nous
Parlions. – Nous aurons le courage?

5

Mouvement des lèvres. Je sais:
Ne parlera pas le premier.
– Vous ne m'aimez pas? – Mais si je....
– Vous ne m'aimez pas! – Et miner,
Et liquider, éliminer!
(Regard d'aigle sur les parages)
– Ça – la maison? Vous y pensez?
– La maison est en moi. – Verbiage!
L'amour, c'est de chair et de sang.
Rougi de son sang qui s'ertale.
L'amour, il vous semble que c'est –
Bavarder derrière une table?
Un quart d'heure et chacun se rentre?
Ainsi que ces messieurs et dames?
Amour, cela veut dire...
– Temple?
Petit! Que l'on vous plante lame

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Après lame! – Sous l'œil braquer
Des viveurs? (Et moi, à l'ercart:
«Amour, cela veut dire: arc
Tendu: arc, corde: l'accord craque.»)
– Amour, cela veut dire – lien.
Nous, tout est loin: bouches et vies.
(Pas de mauvais œil! – t'ai-je bien
Demander en cette heure intime,
L'heure proche au sommet des monts
Et de la passion. Memoria –
Fumer! L'amour, c'est tous les dons
Aux flammes – et toujours pour rien!)
La bouche – fente de coquille
Paillie. Non rictus – inventaire!
– Et avant toute chose – un lit
Unique.
– Abime! – avez-vous l'air
De dire. – Tambour de la main.
– Ce n'est pas déplacer les monts!
Amour, cela veut dire...
– Mien.
Je vous ai compris. Conclusion?
Tambour de la main sans arrêt
Plus fort. (L'eschafaud et la place.)
– Partons. – Et moi qui espérais:
Mourons. C'est tellement plus simple!
Les trucs à bon marcher, suffit!
Assez de rimes, rails, hôtels...
– Amour, cela veut dire: vie.
– Non, les Anciens le dénommaient
Autrement.
– Eh bien? –
Le poing serre
Un poisson – lambeau de mouchoir.
– On y va? – Votre itinéraire?
Cartouche, rails, poison – au choix!
La mort – sans aménagements!
– La vie! – En général romain,
Regard d'aigle à son régiment
Défait.
– Quittons-nous désormais.
6
– Je ne le voulais pas. Ou alors
Pas cela. (En silence: écoute!
Vouloir, c'est le propre des corps,
De s' alors l'un à l'autre – âmes nous
Voilà...). Et il ne l'a pas dit.
(Oui, à l'heure où le train se forme,
Le triste honneur de la sortie,
Vous le confiez aux femmes comme
Une coupe...) – Qui sait? Démence?
Méprise? (De courtoise allure,
Menteur confiant à son amante
L'honneur sanglant de la rupture
Comme des fleurs...) Une syllabe
Après l'autre: eh! bien – quittons-nous,
Avez-vous dit? (Comme qui lâche
Un mouchoir à l'heure du doux
Tumulte...) De ce combat-ci
Vous êtes le César. (O gifle!
Comme un trophée – à l'ennemi
Confier l'erpère qu'on a remise
Soi-même!). Il continue. (Monter
Du bruit...) – Je m'incline à nouveau:
Jamais on ne m'a devancé
Dans la rupture. – A toutes vous...?
Et ne le niez pas! Vengeance
Dont Lovelace serait fier.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Geste vous honorant par chance,
 Et m'arrachant, à moi, la chair
 De l'os. – Rire bref: perce la
 Mort. Geste. (Volition: à bout!
 Vouloir, c'est le propre d'eux-la,
 De s lors l'un à l'autre – ombres nous
 Voilà...) dernier clou, non, dernière
 Vis, car de plomb le cercueil – est.
 – La toute dernière prière.
 – J'écoute. – Pas un mot jamais
 Sur nous... à aucun de ceux..., des
 suivants. (De leur brancard ainsi
 Les blessés au printemps – levés!)
 – Je l'aurais demandé aussi.
 En souvenir si je vous donne
 Un anneau? – Non. – Grand regard vague
 De qui s'absente. (Mets-moi comme
 Un sceau sur ton cœur, une bague
 A ta main... Théâtre: pas trop!
 Avalons!) De biais et tout bas:
 – Plutôt un livre? – Comme aux autres?
 Du tout! Non, n'en écrivez pas,
 De livres...
 Donc pas la peine.
 Donc pas la peine.
 Donc pas de pleurs.
 Dans nos fratricides
 D'errants pécheurs
 – Nuls pleurs, on rit!
 On boit – nuls pleurs!
 Chaleur du sang
 Qu'on paie – nuls pleurs!
 Perle qu'on fond –
 Dans le vin! Monde –
 Ou'on fait! Nuls pleurs!
 – Ainsi, c'est moi qui pars? Mes yeux
 Le traversent. Arlequin jette
 Un os – la plus ignominieuse
 Des primautés – à sa Pierrette
 Pour sa fiderliter: l'honneur
 De la fin. Geste du rideau.
 Vocabulaire dernier. En plein cœur
 Un doigt de plomb: meilleur, plus chaud
 Net...
 Dents planterées
 En pleines lèvres.
 Ne pas pleurer!
 Le plus muraille –
 Dans le plus pulpe.
 Mais – pas pleurer!
 Fratrie d'errants:
 On meurt – nuls pleurs!
 Bruisseurs – nuls pleurs!
 Cendres et chants
 Cachent le mort
 Chez nous, errants!
 – La première? Le premier coup?
 Les échecs, en somme? Il faut dire
 Que même à l'échafaud on nous
 Appelle les premières...
 – Vite
 Ne me regardez pas! – Regard –
 (Elles, par cascades derrière!
 Que faire pour qu'elles regagnent
 Les yeux, le dedans?)... De ne pas
 Regarder!!!
 Voix forte et claire,
 Yeux en arrêt:

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Partons, mon cher,
Je vais pleurer!
Ah! oui! Parmi les tirelires
Vivantes (commerçants – complices)
Une nuque blonde va luire:
Colza, houblon, seigle et maïs!
Bafouant tous les commandements
Du Sinaï – amazonante
Toison! – Chevelure-diamant,
Golconde des apaisements
(Pour tous!). Dame-nature abonde
En biens! Avare: pas toujours!
Chasseurs, de ces tropiques blonds
Où est le chemin du retour?
Une nudité qui exsude
Le vulgaire, agrippe – adipeuse.
Ce ne sont que flots de luxure,
Fulminante d'or et rieuse.
– N'est-ce pas? – Froleur et friser
Le regard. Chaque cil – la gratte!
– Et avant tout: pareil fourrer!
Geste tourniquant en torsade.
O geste arrachant rien qu'à lui
Les habits! Plus simple que boire
Et manger – rictus! (D'un salut
Existe, hélas, pour toi l'espoir!)
Bon! sûrement ou frèremment?
Une alliante – alliance! – Rire,
N'ayant pas enterrer vraiment!
(Et, ayant enterrer, – je ris!)

7

Puis – le quai, le dernier. Plus tard:
Fin. Serparers, priers de main,
Voisins se tenant à l'ercart,
On va. Du côté du fleuve – un
Sanglot. Je le che sans alarme
Le sel du mercure en bouillons:
Le ciel a épargner aux larmes
La grand-lune de Salomon.
Poteau. Jusqu'au sang s'y cogner
Le front! Qu'il se fracasse! En poudre!
Co-meurtriers épouvaners,
On va. (La victime – l'Amour.)
Arrête! Deux s'aimant – dormir
Avec d'autres? Serparerment?
– Vous comprenez que l'avenir
Est là-bas? – Moi: renversement!
– Dormir! – Le couple à la mairie...
– Dormir! – Ni même pas, ni même
Rythme. – Prenez mon bras, – je prie!
On n'est pas des bagnards en chaîne...
Dercharge. (Main sur main – en fait!
Son âme sur ma main!) Comme arme
Qui charge, au long des fils en fièvre
Fait rage, – sa main sur mon âme!
Gage. Iriser: tout! Plus iris
Que les larmes? Collier-rideau
De pluie. – Qu'un quai ainsi finisse
– Jamais vu! – Le pont:
– Bien? (de dos)
Ici? Le-verre des yeux
Calmes. (Prent – le convoi.)
Jusque chez vous, je peux...
Pour la der-nie re fois!

8

Le der-nier pont.
(Ma main: que moi, je la dergage?
La rende? – Non!)

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Le dernier pont, dernier perage.
 L'eau et les cieux.
 Pie`-ces pour la mort – er`tales.
 Un sou gracieux
 Du` a` Charon pour le Lerther.
 La pie`ce est d'ombre,
 D'ombre – la main. Pas un bruit quand
 Ces pie`-ces tombent.
 Et donc, d'ombre est la main qui prend
 La pie`-ce d'ombre.
 Sans un reflet, sans un er`cho.
 Pie`-ces – aux tombes!
 Les morts ont assez des pavots.
 Le pont.
 Des-tination
 Des amants sans espoir, haut centre:
 Pont, toi – passion:
 Convention: rien que «passage-entre».
 Moi – comme au nid
 Tapie, la co`te – je m'y serre.
 Ni avant, ni
 Apre`s: L'espace d'un erclair!
 Ni jambes, ni
 Bras. Le trerfonds des os l'atteste:
 Seul mon flanc vit,
 Que, contre le voisin, je presse.
 Tout dans le flanc!
 La vie! Lui – la veille et l'oreille!
 C'est jaune et blanc
 Collers! A l'esquimau pareille,
 – Pressere, collere
 A la fourrure. Et vous, Siamois!
 Quoi? Vous – l'iers?!
 Cette femme-la`, souviens-toi,
 Maman – tu lui
 Disais: dans son triomphe quiet,
 Et toute oubli,
 Elle te portait, mais – moins pre`s!
 – Communs! Conjointes!
 Vois nos jours! Tu m'as bercere contre
 Ton c`ur! Plonger?
 Non! La`cher ta main – Qu'on n'y compte
 Pas! Et blottie,
 Blottie... Inarrachablement.
 Pont: non – mari:
 Amant! – Pur «passage-devant».
 Tu nous fais vivre,
 Pont! Nos corps: pa`ture du fleuve!
 Givre a` la vitre,
 Hu`tre: m'extirpent – ceux qui peuvent!
 Hu`tre! A la vitre,
 Givre! Ni divin, ni humain!
 Me je-ter vive,
 Comme une chose, moi, dont rien
 Du monde faux
 Des choses, n'a eu le respect!
 Je re`ve: il faut!
 C'est nuit! Dis qu'au matin, apre`s:
 L'ex-press et Rome!
 Grenade? Saurais-je ou` je vais,
 Dans le der`sordre
 Des Himalayas de duvets?
 Bre`-che, trou sans
 Neige: mon dernier sang la chauffe.
 Entends mon flanc!
 Les vers – c'est tellement plus gauche...
 Dis, re-chauffer?
 A qui te louerai-tu demain?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Raison: fauchere!

Dis que le pont n'a pas de fin

Et n'en au-ra pas...

- Fin

- Ici? - Geste incolore,

D'enfant. - Bien? - Je le bois.

- Un petit peu en-core:

Pour la dernie`re fois!

9

Au long d'usines re`sonnantes,

Vibrant a` l'appel des voix...

Sous la langue le secret hante

Femmes et veuves, - a` toi voi -

- la` je dis le secret de l'e`tre

Qu'Eve a` l'Arbre a celer, vivante:

Je ne suis pas plus qu'une be`te

Que quelqu'un a blesse`re au ventre.

C`a bru`le... L'a`me qu'on arrache

Avec la peau! Au trou! Fumere!

Partie, l'herrersie-grand-panache,

L'ineptie, - «a`me» der`nomme`re!

Chre`tienne, terne infirmiter!

Fumere! De compresses - couvrir!

Elle n'a jamais exister!

Etait - le corps, il voulait vivre,

Ne veut plus.

Pardonne-moi! Je ne voulais

Pas! Clameur des fonds er`ventrers!

Condamner`s attendant qu'on les

Fusille, - devant l'er`chiquier

Au petit jour... Le judas comme

Pris d'un rictus narquois - pour nous!

Car c'est bien des pions que nous sommes!

Et quelqu'un la` - mais qui? - nous joue.

Brigands? Ou dieux au bon vouloir?

Tout englobant par le judas -

L'`il. Cliquetis dans le couloir

Du deuil. Planche leve`re - der`ja`!

Puis, la bouffere` de cigarette.

(Crachat.) - On a vercu un coup!

(Crachat.) Chemin droit qui s'arre`te

Sur les trottoirs du jeu - au bout:

Fosser! Saigner! Par la lucarne:

C'est l'`il de la lune qui point...

Et sur le co`ter je regarde,

Penchere` - que tu es der`ja` loin!

10

- Notre cafer! - Frisson

Unique - a` l'unisson!

Notre e`glise! O `lot!

Couple d'un jour, tre`s to`t,

Vagabonds sans adresse,

On cer`lerbrait la messe.

Le bazar, la lavasse,

Autre rive et printemps...

Un cafer der`gueulasse, -

C'ertait du foin vraiment!

(C'est l'ardeur des chevaux

Qu'avec le foin on mate!)

D'Arabie - il s'en faut! -

D'Arcadie, l'aromate

Dudit cafer...

Mais comme la patronne,

Nous ayant attabler`s,

Souriait, habile et bonne, -

Et les ergards d'emblere`

Des amantes blanchies:

Vivez! On fane, un jour!

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Sans-le-sou, – nos folies,
 Baïllements, – a` l'amour
 Souriant, – a` la jeunesse!
 A nos rires – pour rire,
 A l'ironie – sans cesse,
 Aux visages – sans rides, –
 Surtout – a` la jeunesse!
 Aux passions – pas d'ici!
 Venant d'ou`? – qui se presse,
 Venant d'ou`? – qui jaillit
 Dans le cafer' blafard:
 – Les burnous et Tunis! –
 Aux muscles, aux espoirs
 Sous nos chasubles tristes...
 (L'ami, qu'on ne me plaigne
 Pas: tant de cicatrices!)
 Et nous raccompagnant,
 Avec son bonnet lisse
 Et le linge hollandais...
 A mi-souvenir, mi-comprendre,
 Comme de la feñte enlevers...
 – Notre rue! – D'autres vont la prendre...
 – Que de fois nous!... – Loin, ses pavers...
 – Demain de l'Ouest le soleil part!
 – David avec Dieu rompt les liens!
 – Et nous, au juste? – On se serpare.
 – Il ne me dit strictement rien
 Ce mot superabsurdissime:
 Ser-pa-ra-tion. – Une sur cent?
 Un mot composer de dix signes:
 Rien que le vide sous-jacent.
 Attends! La Tcherquie nous ergare!
 En serbe ou croate – on le dit?
 Ser-pa-ra-tion. On se serpare...
 Surabsurdissime añnerie!
 Oreilles: derchirement brusque
 A ce son – et l'angoisse plus loin...
 Serparation – ce n'est pas russe!
 Pas ferminin! Pas masculin!
 Pas divin! Quoi! Nous – des brebis
 Baïllant qu'on disperse au repas?
 Serparation – en quel sabir?
 De sens, cña n'en a meñme pas,
 Ni de son! Bruit creux d'une scie,
 Par exemple, pour un dormeur.
 Serparation – ce sont des cris
 De rossignols, martins-peñcheurs
 Chez Khlebnikov...
 Est-ce possible?
 Reservoir vider – voila` l'air!
 La main contre l'autre – est audible.
 Se serparer – c'est le tonnerre
 Sur la teñte... Dans la cabine
 L'Ocean! Le cap – le dernier
 D'Oceanie! Rues – trop a` pic:
 Se serparer, mais c'est au pied
 De la montagne... Pied pesant:
 Deux soupirs... Paume – sans retard,
 Et clou! Argument renversant:
 Se serparer – c'est eñtre a` part,
 Or nous sommes souders...
 11
 Perdre tout en un tour –
 Net! Plus rien!
 Banlieue, faubourg: des jours
 C'est la fin.
 Finis – sillex, derlices,
 Nous, jours et erdifices.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Villas vacantes! (– Me`re a`gere):
 Me`me respect pour celles-la`!
 Car c'est une action que – vaquer!
 Le creux ne vague pas.
 (Villas vacantes a` moitier,
 Mieux vaudrait vous bru`ler!)
 Pas trembler, la blessure
 Incisere.
 Banlieue, banlieue: coutures
 Derchire`res.
 Car l'amour – (sans enflure
 Superflue) – est couture.
 Ni mur, ni pansement, – couture!
 – Pas d'armure pour toi!
 Couture: le mort cousu dur
 En terre, et moi – a` toi!
 (Le temps dira de quelle trempe:
 Prercaire ou rersistante!)
 En tout cas, l'ami, – derchirure!
 Mille erclats et derbris!
 Fracas! Encore heureux (– cassure!)
 Qu'elle n'ait pas pourri!
 Pas d'infection! Rouge – la vie
 Veinere sous le ba`ti!
 Oh! ne perd pas qui rompt
 En force!
 Banlieue, faubourg: des fronts
 Le divorce.
 Cerveaux – au vent! (Dans les
 Peripherries – gibets).
 Oh! ne perd pas qui rompt et part,
 A l'heure ou` l'aube point!
 Une vie cousue pour toi, tard,
 Sans ba`ti, par mes soins.
 Tordue? Pas de griefs! Faubourg:
 Rupture des coutures.
 Ames sans appre`t: plaies
 Partout!...
 Banlieue, faubourg... Ample est
 Le courroux
 Du faubourg. Entends le destin,
 Sa botte dans les flaques
 De boue!... Ami, juge ma main
 Qui coud en toute ha`te:
 Le fil – va le derfaire!
 Le der-nier rerverbe`re!
 Ici? La magie gagne –
 Regard. (Races qui croient:
 Regard). – Sur la montagne?
 Pour la der-nie`re fois!
 12
 – Collines. Crinie`re
 Dru: pluie dans les yeux.
 Le faubourg – derriere,
 On est en banlieue,
 On est. Mais qu'en faire?
 Mara`tre-virere,
 Plus de lieu sur terre.
 Nous, ici: crever.
 Un champ. Haie autour.
 Fre`re et s`ur – nous deux!
 La vie est faubourg. –
 Construis en banlieue!
 La cause est, messieurs,
 Perdue! – Inutile...
 Des faubourgs – rien qu'eux!
 Mais ou` sont les villes?!
 La pluie rage et broie.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Debout, nous – deux êtres:
Rageons. En trois mois
Premier teñte a` teñte.
Emprunter – c'est a`
Job que voulait Dieu?
Mais sans resultat...
On est en banlieue!
A l'exterieur! Hors de la ville!
Remparts franchis! Tu comprends?
Vivre est un lieu ou` c'est impossible:
Le quar-tier juif, du dedans...
Et ne va-t-on pas le front plus haut,
En devenant juif errant?
Aux yeux de qui n'est pas un salaud,
Le po-grome juif ertant
La vie. Ne vit que grañce aux nombreux
Renergats! Grañce aux Judas!
Plutoñt sur les ñles de l'erpreux,
En enfer! – mais pas dans la
Vie, – que pour les renergats, que pour
Le bourreau: a` lui – la brebis!
Le droit a` ma carte de serjour
Je le piertine! J'en ris!
Piertiner! Bouclier de David –
Venger! Viser dans la glu
Des corps! N'est-il pas enivrant: vivre –
Le Juif ne l'a pas voulu?!
Ghetto des erñlites! Au trou! Tiens!
Pas de pitier! Que des gifles!
En ce monde-ci hyperchretien
Les poe`tes sont des Juifs!

13

Aiguiser les couteaux sur
Le roc, ou bien balayer
La sciure! De la fourrure
Sous les mains – mouillere!
Eh bien!, les sñurs, quoi?!
– Force et sercheresse
D'homme! Sous les doigts –
Larmes, non averse!
De quels charmes maintenant
Parler? Sur tes biens – l'eau troñne!
Après tes yeux de diamant,
Me ruisselant sous les paumes,
Fin de la fin. Cesse
Pour moi – le naufrage.
Caresses, caresses
Le long du visage.
C'est notre orgueil a` nous deux –
Polonaises, a` nous autres –
Marina. Après tes yeux
D'aigle pleurant sous mes paumes...
Mon ami, tu pleures!
Pardon! Tout est mien!
O sel et rondeurs
Au creux de la main!
Larmes d'homme sont brutales.
Sur le crañne – la massue!
Pleure! Et rerpere plus tard
La honte avec moi perdue.
U-ne mer relie –
Les poissons! Se le`ve:
... Coquille sans vie,
Le`vres contre le`vres.
En larmes.
De l'oseille –
Au gouñt.
– Demain

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Au réveil,

Moi – ou`?

14

Le sentier a` moutons –

Descend. Ville en vacarme.

Vers nous, trois filles vont.

Elles rient. Face aux larmes

Elles rient, – plein midi

Terrestre, hautes crevtes

Marines!

– Elles rient

De tes larmes abjectes,

Indues, d'homme!, visibles

Dans la pluie: plaies striées!

Perle honteuse qu'exhibe

Le bronze du guerrier.

De tes larmes, – oh! verse! –

Premières et dernières.

Tes larmes, ces perles

Que ma couronne acquiert.

Mes yeux levés – exprès!

Ils traversent l'averse,

Fixes. Fixez plus près,

Pouperes de verjus! Reste

Ce lien-ci plus étroit

Que l'attrait et l'étreinte.

Le chant des Chants nous doit

La parole – on l'emprunte,

– obscurs oiseaux: contraint,

Salomon s'émerveille,

Puisque pleur en commun

Est bien plus que sommeil!

Lui – ployer, ergal – passe

Les creux d'ombre en arceaux,

En silence, sans trace –

Comme sombre un vaisseau.

Envoyé de la mer

Par le vent nord-sud,

Je sais: pas possible!

Possible – j'en use!

En engin mobile,

– Tourniquet d'air: lutte

Chassant les copeaux –

Rêve: trois minutes

De dureté. Presto!

Qu'importe a` quel cou

Tu dors. Trois minutes.

L'Océan – Moscou:

Trop long – inutile!

Fulgurant trajet

Resserver: sans frein!

De mon rêve j'ai

Sauter dans le tien.

Tu rêves de moi.

Clair? Flagrant? Plus net

Que sous la paroi

D'un timbre? Une lettre –

Je vaux? Un cachet –

Je vaux? A ton grer?

Je le jure: c'est

Moi, pas du papier!

Des murs de censure

Libre. Du bord: saut!

Exempt de censure,

Exempter de sceau.

Tous bernés, pantois,

– Cursive du rêve –

De la mer a` toi –

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Missive si bre ve!
 Si bre ve derpeche.
 Mon poids? C'est a` rire!
 Quel qu'il soit – n'empeche
 Rien: avec ma lyre
 Entie re, le loin,
 Les Cenci, leurs drames.
 Un reve, c'est moins
 Qu'un pli de dix grammes.
 Six: pour chacun – trois
 (Le reve est mutuel)
 Tu regardes, – vois!
 Pas imperosonnel –
 Le nez, forme d'un ter –
 Le front, ancien signe
 – Rien a` ajouter –
 Des levres qui signent.
 C'est moi – sans la glose,
 C'est moi – sans rature.
 Poignere – o` de roses
 Des Alpes!, mesure
 A la mer, pourtant
 Vagues – bien gentilles.
 Tiens – de l'Ocean:
 Poignere de coquilles.
 Prends-les peu a` peu a` leur place en rond.
 La mer jouait. Jouer – c'est e`tre bon.
 La mer jouait, et moi je les prenais,
 La mer perdait, et moi je les posais
 Dans l'autre, dans ma joue – apre, salin!
 Bonne bo`te – la bouche, si les mains
 Sont prises. Vive toi, lame! Renais!
 La Muse perdait, la vague prenait.
 Coraux de crabes – comprendre: coquilles.
 La mer jouait, jouer – be`tes broutilles!
 Penser – me`che d'argent! –
 Intelligent! Jouons!
 Aux coquillages. Air: «Petit navire».
 L'un – en forme de cour, l'autre de lyre,
 Trois tas: la cler de sol
 De l'enfance – en survol.
 L'ai ramassere pre`s des poissons qu'on rentre.
 Ca – rogaton d'angoisse dervorante:
 Caillou, – toi, ca t'arrange –
 Mieux que vague je ronge,
 Enrager e sur la dune derserter e.
 Ca? Rognures d'amour qui a erter:
 Le restaurer – pas su`re:
 Peu profonde morsure.
 Lui la`, sur la liste il n'est pas inscrit.
 Ca – rongement: non d'amour – grignotis
 Du remords. Camelote –
 Pleurer! Je le grignote
 Lui, – pas le moins du monde grignotable.
 Ca – mais c'est nos restes de coquillages
 Pour demain. Vois! Oh non!
 Dommage. Partageons.
 Pas ceux qui plairont, ce qui sortira.
 (Ton fils, pour jouer on ne pourrait pas
 Le prendre – on serait trois?)
 Le premier coup – c'est moi.
 Oui, mais le sable entre les doigts – fluide!
 Attends: d'une strophe ce sont les bribes:
 «La gloire est souterraine»
 Bon. Comple`te, toi-me`me.
 Oui, mais le sable entre les doigts – coulant!
 Attends: ce sont les frusques du serpent:
 Jalousie! Tout parer,

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Le muant, – de fierter,
 De son plein droit, regardez-le qui rampe!
 Finir un crabe vide – on n'est pas membre
 De «Na Postu». Nul crabe:
 Mais gloire qui derrape.
 Caprice modique:
 Caillou – Pierre Ponce.
 Creux comme un critique.
 Comme un censeur – fronce
 Son front au nouveau.
 – Les censeurs: qu'ils dorment!
 De nos vers, s'il faut –
 C'est l'aube la norme.
 (L'aube a beau regard:
 L'eau de Castalia
 Pour amie. S'ergare
 La plume: aleras!
 «Mon lapin, des vers?
 Il y en a plein!»
 On passe au travers
 Sans qu'un œil malin...)
 Meule, toi, meule, toi, ronde marine!
 Mammouth, papillon – la mer tout mouline.
 Pas de notre mouture –
 Parler d'elle: sciure!
 Voilà, j'ache`ve de dire et – silence.
 Mer, belle meunie`re! Bas-fond: lieu dense
 Ou nous, choses menues:
 Balayer's! Tout moulus!
 Professeur, moulin a` paroles, cesse!
 Bas-fonds – que nos continents! Na`tre: qu'est-ce?
 (But: multiplication)
 – Echouer sur un bas-fond.
 Propice: de naphte, tourbe muni!
 Immortaliter ensablere – la vie.
 Fiers, mais hors de propos!
 La vie? – Pernurie d'eau
 Supraocerane.
 Pardon d'avance:
 De ces objets toc que je te balance.
 – Fonds marins jamais vus,
 Balancer's par le flux.
 Il ne fait que laisser: prend – qui le veut!
 Que le reflux apporte – c'est curieux,
 Que dans la paume il porte.
 Tu reconnais les notes?
 Il nous en reste deux ou trois chacun,
 Quand le dieu qui les apporta – retient,
 Reflue... Le luth orphique...
 Plage – page a` musique!
 – Un instant de ramassage divers!
 Je te balance un tas de balivernes:
 Tant de mots qui moulinent
 De l'ertoffe marine!
 Comme a la pe`cheuse quand elle vend.
 Enfin je t'ai rer'server un present.
 Fais-en ceci: rends proches
 La mer et Moscou, proches –
 La Soviet'torussie et l'Oceran.
 Au rer'publicain – de sa main de chouan,
 Lui, l'Oceran-Le-Vaste
 Donne. Accroche a` ton casque!
 Et va dire aux paysans que plus belle
 Que la rouge sur leur casque – c'est elle,
 – Non des classes la guerre –
 Mais: l'ertoile des mers!
 Aux artisans et aux er'trangers me`me:
 – La sixie`me branche de Berthlerem

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Coupe-re -, qu'ils sont vouer's
 A l'ertoile salere:
 A celle des preux de l'erpopere russe.
 (Je m'ertends, mais autant que la mer use
 De ses grands fonds cachers)
 Dis aux autoriter's
 - Leurs noms et titres: c'est pas mon souci -
 Que sur la poupe du vaisseau Russie:
 (Qu'on prevoie qu'il erchoue)
 - Cette chose a` cinq bouts!
 Rochers nus, coñtes d'erlerphants, rognons...
 Mer fatiguere, la fatigue rend bon.
 Eterniter', prends-nous!
 Dormons! Rame un bon coup!
 Serrer's, mais lointains,
 Feu, mais pas chandelle.
 Non sommeil commun,
 Mais reñve mutuel:
 En Dieu, l'un en l'autre.
 Nez - croyais-tu? - Cap!
 Sourcils? Non! Sont noñtres:
 Sorties sous les arcs
 Du visible.
 Tentative de chambre
 Murs de la routine - compter's
 Avant moi. Trou? Hasard? - Trois murs
 Dans mon souvenir - attester's!
 Du quatrieme - pas tre`s suñre.
 De dos au mur: c'ertait le cas?
 Peut-eñtre, mais peut bien ne pas
 Etre. N'ertait pas. Le vent. Dos -
 Mais pas de mur derriere, n'est-ce
 Pas? Tout ce qu'on veut... pas. De Dno:
 «Le tsar abdique» . Voie express:
 Pas que la poste! Urgent parcours
 Des fils, - de partout, de toujours.
 On a fait du piano? En bloc -
 L'air. Vent. Voile gonflere. Doigts en
 Coton. La sonatine flotte.
 (N'oublie pas que tu as neuf ans).
 De ce mur jamais vu plus toñt -
 Je sais le nom: le mur du dos
 Au piano. Ou - au bureau, ou
 Encore derriere une trousse
 A raser (il a pour atout
 - Ce mur-la` -: qu'en couloir il pousse
 Dans la glace. De rplace - avise!
 Chaise portative du vide).
 Chaise a` ceux - qu'entrer: interdit
 Par la porte! Aux semelles - seuil
 Sensible! Toi, tu as grandi
 De ce mur (passer: bref recueil).
 Un chapitre entre nous s'entasse.
 Tu grandiras comme Danzas
 En arriere.
 Celle qui dercre`te,
 Tel Danzas, l'erlu, lourd des pie`ces,
 (Je sais son nom: le mur des creñtes!)
 Entre - non du pas de Dante`s.
 La nuque. - Pour la catastrophe,
 Preñt? Tout comme toi dans dix strophes,
 Stop.
 L'ñil vise l'arriere-front.
 Mais, laissant le tir postdorsal,
 A l'ervidence le plafond
 Etait. Comme au salon: normal!
 Peut-eñtre penchait-il, au fond?
 (Armes visant l'arriere-front -

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Qui fond.)

Et le cerveau derja` –
Pressionner. Le dos se l'arzarde.
Voila` les murs de la Tcherka,
Des aubades et fusillades
Limpides: plus net que l'ercho
Des gestes – de dos dans le dos!
La fusillade me confond.
Mais, laissant le tir postmural,
A l'ervidence le plafond
Tenait (utile en quoi, plus tard,
– Lui?!) Revenons au quatrieme
Mur: ou` reculant, le couard, bleme –
Recule.
«Bon, et un plancher –
Y avait? Quelque chose ou` asseoir...»
Mais oui!. – Pas pour tous. – Chevauchere
D'arbres, de cables, balancoires,
Sabbats... La`-haut!
Tous nous devons
Souder notre pesant talon
Au vide.
Plancher – pour les pieds.
Quel implanter, incruster – l'homme!
Plafond: les gouttes erpargneres.
Une par heure, tu sais comme
L'ancien supplice? Plancher: qu'herbe
Ni terre en la maison perne`trent –
Ni ces etres non empechers
Par les pieux dans la nuit de mai!
Trois murs, un plafond, un plancher.
C'est tout, non? De`s lors: apparais!
Signe du volet, de la vitre?
Chambre ertablie a` la va-vite,
Juste erbauchere sur un brouillon:
Sur fond gris – blanchatre crayon.
Ni couvreur, ni poseur de plaatre –
Le reve. Au long de voies sans cables –
Vigile. Dessous les paupieres –
Gouffre ou` un et une se lierent.
Nul tapis, nul meuble en reserve –
Le reve, plus nu que la greve
Baltique. Plancher aux tons fades.
Chambre? – Simples surfaces planes.
Derbarcade`re: plus riant!
C`a tient de la gerometrie,
– L'abme en tome cartonner,
Tard compris, mais non cantonner.
Et le char d'Apollon, son frein –
C'est la table? Car elle a faim
De coude! Coudes a` l'oblique,
Tu obtiens la table tablique.
«Cigogne», et l'enfant nat – voila`:
Si besoin est – appara`tra
La chose. La chaise surgit
Avec l'ho`te – point de soucis!
Tout surgira,
Ni plans, ni veilles –
Vois-tu? Te dire
Sous quelle enseigne?
L'Etre mutuel.
En fore`t – trou
Perdu. L'Ho`tel
Du Rendez-vous
Des Ames.
Maison de rencontre. Autres –
Celles des serparers,
Meme au Sud! Des mains d'ho`te?

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Non, c'est du plus feutrer
 Que les mains, plus fin, – pur
 Que les mains. Bric-a`-brac
 Retaper – confort su`r!
 L'ennui-monstre la`-bas!
 Ici: saintes-nitouches
 Que nous! En fait de mains:
 Courriers, penser`es, retouches,
 – De mains: ultimes fins...
 Sans fier`vieux «ou` es-tu»?
 J'attends. Proprierter
 Des serveurs: gestes tus
 Au palais de Psyche.
 Le vent seul est cher au poe`te.
 Jurer des couloirs: je suis pre`te.
 La marche: base des armeres.
 Longtemps marcher, afin qu'apre`s
 D'un jet dans la chambre – et l'air
 Du Dieu-Lyre...
 Chemin du vers!
 Le vent, le vent lever: l'avance
 De nos pas, le front sous sa lance!
 «Et caetera» trouve sa place –
 Couloirs: le chez-soi de l'espace.
 Du freux le profil d'herrertique –
 Espace a` vitesse archaïque
 D'enfant marchant dans ses effets
 De pluie – charmants sons: fusain (l'f)! –
 Fer a` friser – faisan: il fait
 Sa tra`ne a` la tour dite Eiffel.
 Le fleuve a` l'enfant est caillou,
 L'espace – quartier, place, trou.
 Mermoire ou` la guitare donne:
 Espace: bagage a` main, bonne...
 (Espace – la mode) – l'idiot:
 On sait bien ce que les chariots...
 Conduit au plumier de tanto`t.
 Couloirs: des maisons – les canaux.
 Noces, destins, derce`s, saisons, –
 Couloirs: affluents des maisons.
 Le couloir de s l'aube s'anime
 – Pas que des balais: d'anonymes
 Billets. Herbe et cumin empestent.
 Genre de ta`che: cou-loiresque.
 Exigeant qu'on derblaie le sol
 Des couloirs de la Carmagnole!
 Qui ba`tit les couloirs,
 (Creusa), – sut ou` courber,
 – Que le sang puisse avoir
 Le temps de contourner
 L'angle du c`ur – l'aigu,
 Cet angle: aimant des foudres!
 Que l'`le du c`ur nue
 Soit laver`e tout autour.
 Ce couloir-ci, c'est moi
 Qui l'ai creter. – Ainsi! –
 – Le cerveau puisse avoir
 Le temps de faire signe
 Sur la ligne: «Personne
 Ne monte» – au n`ud crucial
 Du c`ur «Sauter, en somme –
 Vas-y! sinon der`tale
 Des rails!» C'est mon couloir:
 Non poe`te: d'emblere...
 – Le cerveau puisse avoir
 Le temps de distribuer
 Les places: c'est un lieu
 Que se voir, – plan, dercompte

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 De mots – pas tous heureux,
 De gestes, – purs mercomptes.
 Soit tout l'amour en ordre,
 Toute a` toi che`re au fond,
 – Jusqu'au pli de la robe
 Ou des le`vres? – Du front!
 Savaient rajuster leur robe: elles!
 Couloirs: des maisons – les tunnels.
 Vieillard que l'on me`ne a` ta`tons.
 Couloirs: derfilers des maisons.
 Ami, vois! En lettre ou en re`ve,
 C'est moi sur toi l'erclair qui cre`ve!
 Tu t'endors; paupie`re: descends!
 C'est moi sur toi, – pressentiment
 De lumie`re. Quand poindra l'heure
 Extreme`me: c'est moi l'œil-lueur.
 Et apre`s?
 Re`ve: ligne
 Juste. Acce`s,
 Puis s'inclinent
 Front et front.
 Le tien touche
 Presque. Affront –
 Rime: bouche.
 Du fait que les murs se derfont? –
 A l'ervidence le plafond
 Flanchait. Vocatif: seul archet!
 A l'ervidence le plancher...
 La bre`che! Et le Nil vert au fond!
 A l'ervidence le plafond
 Nageait. Le plancher, qu'est-ce hormis
 «Qu'il croule!» Des lames salies:
 Rions! Mal balayer? – Au ciel!
 Le poe`te entier tient en selle
 Sur le tiret...
 Au dessus du rien de deux corps
 Le plafond d'ervidence alors
 Chantait
 a` l'unisson des anges.
 Lettre de nouvel an
 Bon Nouvel An, bord nouveau – monde – abri!
 Ma premie`re lettre, je te l'ercri
 Au lieu nouveau – qu'en vain on dit dorer –
 (Gorets – dorers!), lieu de bruit, lieu clamer,
 Vibrant, vide comme la tour d'Eole.
 Premie`re lettre a` toi de notre sol
 Natał d'hier ou` sans toi je languis,
 Et de`s lors c'est d'une ertoile parmi
 D'autres... Loi du repli et du recul
 Selon quoi l'unique devient quelqu'une,
 D'existante inouie – inexisterie.
 Comment je l'ai apprise: raconter?
 Ni derluge, ni tremblement terrestre.
 Entre un homme, – quelconque («Quelqu'un» c'est –
 Toi). – Un ervernement des plus fa`cheux.
 – Dans le Contemporain et les Derpe`ches.
 – Pour nous: un article? – Ou`? – A la montagne.
 (Les sapins; fene`tre. Drap.) – Lisez pas
 La presse? Eh bien: l'article? – Non. – Pourtant...
 – De gra`ce, non! Haut: trop difficile. En
 Moi: pas marchand de Christs. – Dans un sana.
 (Paradis de louage). – Jour? – Hier,
 Mardi, – j'sais plus. – Viendrez a` l'Alcazar?
 – Non: famille. En moi: tout, mais pas Judas.
 Bon An a` venir! (Tu naissais demain!) –
 Raconter ce que j'ai fait quand on vint
 M'apprendre...? Chut... Mot la`cher. L'habitude!
 La vie, la mort – depuis longtemps j'en use

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Entre guillemets, comme de nœuds vides.
 Je n'ai rien fait, mais il s'est fait très vite
 Quelque chose, – sans ombre, sans écho,
 Mais – faisant!
 Dis: ton voyage là-haut?
 Comment rompit et ne s'est pas rompu
 – Comment – le cœur? Et comment, sur les purs –
 Sang d'Orel, dépassant, dit-it, les aigles,
 Se coupait le souffle: comme l'éclair?
 Ou plus doux? A qui volait sur de vrais
 Aigles russes: ni hauteurs, ni vallées.
 De sang – notre lien à ce monde-là:
 En Russie tu fus: ce monde-ci a
 Muéri celui-là. Un bond ajuster!
 La vie, la mort sont par moi prononcées
 En ricanant – c'est qu'on touche à la sienne!
 La vie, la mort – je les prononce à peine,
 Avec un asterisque (nuit enviable:
 Au lieu de l'hémisphère cœrrebral –
 Les étoiles!)
 Faudrait pas oublier,
 Mon ami, ceci: que si l'alphabet
 Russe a pris le relais de l'allemand
 Ce n'est pas pour la raison qu'à présent
 Tout conviendrait, que le mort (mendiant) tout
 Mangerait sans broncher!, – mais que ce monde-
 Là, le nôtre, – à treize ans je l'ai compris
 Au cimetière Novodievitchi:
 Non, n'est pas non-parlant, mais tout-parlant.
 Et je le demande non sans tristesse:
 Que ne demandes-tu comme on dit «Nest»
 En russe? Une seule rime «zviozdy»
 (Étoiles) couvrant tous les (nids) «gniozda».
 Je m'écarter? Mais rien de tel, je crois,
 Ne se trouverait – s'écarter de toi.
 Tout, n'importe quel propos, Du Lieber,
 Me ne à toi le mot, si même on oublie
 Le motif (plus que le russe m'est cher
 L'allemand, entre toutes je préfère
 Celle des anges. Soit!) – de même là
 Ou tu n'es pas – point de lieu, si – un: la
 Tombe. Rien ne fut ainsi, – tout le fut,
 – Est-il possible que de moi nul...plus...? –
 Ça va, Rainer, alentour c'est comment?
 Instamment et obligatoirement –
 La première vision de l'univers
 (:Du poète parmi lui), – la dernière
 De la planète, à toi seul donnée, – toute!
 Non du poète avec la poussière, ou
 De l'esprit avec le corps (isoler –
 C'est désoler, insulter les moitiés) –
 Mais de toi avec toi, de toi à toi,
 – Tenir de Zeus: est-ce de bon aloi? –
 De Castor – toi à toi – avec Pollux,
 Du marbre – toi à toi – avec la mousse,
 Ni séparation, ni rencontre, mais –
 Confrontation: et rencontre première
 Et séparation.
 Ta propre main (traces
 D'encre) – comme ton regard s'y attache
 Du haut de tant de milles (des milliers?)
 – Hauteur infinie puisqu'incommencée
 Au-dessus de ce cristal qui recouvre
 Méditerranée et autres soucoupes.
 Rien ne fut ainsi, – tout prendra quel tour?
 Et avec moi tout au bout du faubourg.
 Rien ne fut ainsi, tout derjà s'enchaîne
 – Qu'est-ce – à qui s'est biffé une semaine

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
 Trop to t! – Ou` regarder (qu'on s'interroge),
 Accouder sur le rebord de la loge,
 D'ici-bas – sinon vers ce monde-la` ,
 De la` – vers le si-souffrant ici-bas.
 J'habite a` Bellevue. Ville de feuilles
 Et de nids. Avec le guide – un coup d' il:
 Bellevue. Prison avec vue select
 Sur Paris – palais de chime`res celtes –
 Sur Paris – et un peu plus loin que lui...
 Accouder sur le rebord cramoisi
 Combien a` toi c a doit sembler
 Ridicule du haut dermesurer
 Qui est tien, et combien donc doivent l' tre
 Pour moi nos Bellevue et Belverde`re!
 Bon. Passons! Vu l'occurrence. L'urgence.
 Le Nouvel An au seuil. A quoi – et quels gens –
 Avec qui trinquer? Avec quoi? Au lieu
 D'ercome – du coton. Moi au milieu
 Des douze coups: pourquoi? Que dois-je faire
 Portant cette rime: Rainer – en terre,
 En plein bruit de Nouvel An? Et si toi,
 Si pareil  il s'est erteint – c'est que la
 Vie n'est pas la vie, la mort – pas la mort.
 C'est que tout se brouille: tout au bout, lors
 De notre rencontre – je comprendrai.
 Il n'y a ni la vie, ni la mort – mais
 Un troisi me ertat, nouveau. C'est a` lui –
 (Vingt-six s'erloignant, la paille du lit
 De l'an vingt-sept placer e, – ferliciter
 Par toi de finir et de commencer!)
 – Que je trinquerai avec toi a` table,
 (Pour le regard cette table incernable)
 Mon verre d'un choc muet choquerai
 Contre ton verre. Pas comme au troquet,
 Pas comme eux: moi contre toi fusionnant
 Dans le don de cette rime disant:
 Troisi me.
 Au bout de la table j'observe
 Ta croix. Que de lieux en banlieue, – de verstes!
 Et le buisson, a` qui fait-il donc signe
 Sinon a` nous? De lieux – non d'autrui: si
 No tres! Tout le feuillage! Tout le bois!
 Tes lieux avec moi (les tiens avec toi).
 (Qu'un meeting puisse  tre un lieu pour nous deux –
 Le dire?) Autant qu'ils sont: tous no tres! Eux,
 Les mois: no tres! Les semaines: tout comme!
 Et les faubourgs sous la pluie sans personne!
 Et les matins donc! Et tout ce domaine
 Inentrepris par les rossignols me me!
 C'est vrai que je vois mal – dans un caveau,
 C'est vrai que tu vois mieux – puisque d'en haut.
 Entre nous rien n'a ert er accompli.
 C'est a` ce point simple et net: pas un pli –
 Rien, c'est a` ce point a` notre portere
 Qu'il est inutile d'ernumerer.
 Rien, sinon – ne t'attends pas a` du hors
 Ligne (qui sort de la mesure a tort!)
 – Etre dedans la ligne, mais laquelle,
 Comment entrer?
 Refrain sempiternel:
 Rien, de quelque chose – rien, nul termoin,
 Serait-ce me me de loin – l'ombre au moins
 De l'ombre! Rien, ni cette heure-la`, ni
 Ce jour-la`, cette maison-la`: derni!
 Le condamner dans son carcan, lui l'a
 – Don du souvenir –: cette bouche-la`.
 Les moyens nous ertaient trop peu confus?
 De tout ce-la`, seul ce monde-la` fut

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

No tre, et nous-m mes ne sommes que l'ombre
De nous, – tout notre ici: tout l'autre monde!
Bon confin nouveau – des moins ba tissables!
Bon nouveau lieu, Rainer, – monde, Rainer!
Bon cap a` l'extre me du dermontrable –
Nouvel  il, Rainer, – oreille, Rainer!
Tout: l'ami, la passion
Etaient pour toi accroc.
Echo, bon nouveau son!
Son, bon nouvel ercho!
Combien de fois sur le banc de l'ercole:
Quels sont ces fleuves, lacs, montagnes, cols?
C'est bien – les paysages sans touristes?
J'avais raison, Rainer, c'est donc un site
Montagneux, orageux – le paradis?
Pas celui que les veuves revendiquent –
Car il n'y en a pas qu'un, car un autre
Est au-dessus? Ses terrasses sont hautes?
Le paradis – jugeant par les Tatras –
Ne saurait e tre qu'un amphithera tre.
(Et au-dessus de l'un – le rideau bas
Baisser...) Rainer, Dieu est un baobab
Grandissant – j'avais raison? Non pas Louis-
Soleil-d'Or, car tro ne au-dessus de lui
Un autre Dieu? Il n'y a pas que lui?
Au lieu nouveau, comment c a va – ercrire?
D'ailleurs, est – toi, est le vers: le vers tire
De toi son e tre! En cet heureux serjour
Comment va – ercrire? Sans table pour
Le coude? C a va – sans front pour la plume
(La paume)
– Un mot coder de ta coutume!
Rainer, des rimes nouvelles – content?
En effet, comprendre correctement
Le terme rime – qu'est-ce d'autre hors
Plein de rimes nouvelles – la Mort?
Car pas d'issue: la langue est erpuisere.
Plein de consonances et signifiers
– Neuves! Neufs!
– Au revoir! A se conna tre!
Nous verrons-nous? Mais le chant de nos e tres:
Avec la terre ou` moi-me me me noie –
Toute la mer, Rainer, et toute moi!
Ne nous quittons pas – griffonne avant l'heure.
Bonnes esquisses sonores, Rainer!
L'escalier du ciel: monter des honneurs
Sacrers... Bonne consercration, Rainer!
– Ma paume la tient: et si l'eau derborde?!
Par-dessus le Rh ne et dessus Rarogne,
Par-dessus l'absolu derpart – je porte
A Rainer – Maria – Rilke – en mains propres.

1

Искусство любви (лат.)

2

Не раскидывайте мои письма! (фр.)

3

Nazdar! – Здравствуй! (чеш.)

4

О любимый! Тебя удивляет эта речь? Все расстающиеся говорят как пьяные и любят торжественность... Гельдерлин.

Если душа родилась крылатой. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

5

Memento mori (лат.) – помни о смерти.

6

Т.е. вместо этого камня (горы на мне) будет плоский (плита).

7

Помни (лат.).

8

«Маленький кораблик» (фр.) – детская песенка.

9

Гнездо (нем.).

10 любимый (нем.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!